

KAMIENIECKI GESCHLECHT UND SEINE BEZIEHUNGEN ZU MOLDAU AM ENDE DES 15. UND ZU BEGINN DES 16. JAHRHUNDERTS. EIN ÜBERBLICK

KAMIENIECKI FAMILY AND ITS RELATIONS WITH MOLDAVIA AT THE TURN OF 15TH AND 16TH CENTURIES – AN OVERVIEW

Katarzyna NIEMCZYK

Schlesische Universität in Katowice, Polen

Ul. Bankowa 12, 40-007 Katowice

k.niemczyk@interia.pl

Rezumat: *Neamul Kamieniecki și relațiile sale cu Moldova la sfârșitul secolului XV și începutul secolului XVI. O prezentare generală.*

Studiul se referă la familia Kamieniecki și la relațiile acesteia cu Moldova în secolele XV-XVI. Această familie și-a datorat cariera și avantajele sociale implicării în politica Poloniei față de Moldova. Mai întâi de toate, ea i-a sprijinit pe Jagielloni în conflictele din sud-est, în special prin frații Mikolaj, Jan și Marcin de Kamieniec care au jucat un rol important în relațiile polono-moldave. Ei au avut ranguri și responsabilități militare, precum Mikolaj Kamieniecki care a fost unul dintre primii mari comandanți polonezi (vicecampiductor – Hatman de Câmp), luptând împotriva lui Bogdan al III-lea, domnul Moldovei, în 1506 și 1509. De asemenea, el a luat parte la întâlnirea polono-moldavă pe tema viitorului politic al Pocuției. Datorită angajamentului său politic, familia Kamieniecki a devenit una dintre cele mai bogate și influente familii din secolul al XV-lea și al XVI-lea din Polonia.

Abstract: *This paper refers to the Kamieniecki Family and its relations with Moldova in 15th and 16th century. This family owed their careers and social advancements to the immersion in Polish policy towards Moldavia. First of all it supported Jagiellons in their southeast political encounters, especially through the brothers Mikolaj, Jan and Marcin of Kamieniec, who played a huge role in Polish-Moldovan relations. They had military ranks and responsibilities, such as Mikolaj Kamieniecki who was one of the first Polish Great Commander (i.e. vicecampiductor – Vice-Hetman), fighting against Bogdan III – ruler of Moldova - in 1506 and 1509. He also took part in Polish-Moldovan conferences on political future of Pokutia. Due to its political engagement, the Kamieniecki became one of the richest and influential families in 15th and 16th century in Poland.*

Résumé: La famille Kamieniecki et ses relations avec la Moldavie à la fin du 15ème et le début du 16ème siècle. Un aperçu

L'ouvrage ci-joint fait référence à la famille Kamieniecki et à ses relations avec la Moldavie pendant les XV-ème – XVI-ème siècles. Cette famille dut sa carrière et ses avantages sociaux à son implication dans la politique de la Pologne vis-à-vis la Moldavie. Premièrement, celle-ci appuya les Jagellons dans les conflits du sud-est, spécialement à l'intermédiaire des frères Mikolaj, Jan et Marcin de Kamieniec qui jouèrent un rôle important dans les relations polono moldaves. Ils eurent des fonctions et des responsabilités militaires, comme Mikolaj Kamieniecki qui fut un des premiers grands commandants polonais (= vicecampiductor – Vice-Hetman) luttant contre Bogdan III, le prince régnant de la Moldavie, en 1506 et 1509. En même temps, il participa à l'encontre polono-moldave concernant l'avenir politique de la Pocutie. Grâce à son engagement politique, la famille Kamieniecki devint une des plus riches et influentes familles des XV-ème et XVI-ème siècle de Pologne.

Keywords: Poland, Moldavia (Moldau), Kamieniecki, Alexander, Bogdan III

EINFÜHRUNG

Der vorliegende Artikel wurde in Anlehnung an meine Doktorarbeit zum Thema Kamieniecki Geschlecht und seine Tätigkeit im Mittelalter verfasst, die in Kürze auch in einer gedruckten Form erscheint¹. Wegen der Materialienmenge wird hier die Familie nur im Überblick dargestellt. Die Untermauerung dieses Textes bildet die polnische Historiographie, und dadurch wird der polnische Gesichtspunkt zum Ausdruck gebracht. Es muss aber betont werden, dass diese Forschung von mir weiterhin fortgesetzt wird, mit der Erweiterung und im Kontext der Rolle des polnischen Adels in Relationen zu Moldau und der Bedeutung von Moldau, Walachei und Transsilvanien in Politik des polnischen Königs².

Zur Zeit wurden in Polen die Beziehungen zwischen Kamieniecki Geschlecht und Moldau gar nicht geforscht, was umso trauriger ist, dass die Familie Kamieniecki vor allem an der Wende es 15. Und 16. Jahrhunderts wegen seiner aktiven Teilnahme an der polnischen Politik einen großen Beitrag zu den pol-

¹ K. Niemczyk, *Kamienieccy herbu Pilawa. Z dziejów kariery i awansu szlachty polskiej na ziemiach ruskich do połowy XVI wieku* [Kamieniecki Geschlecht des Wappens Pilawa. Zur Karriere und Geschichte der polnischen Adel an der Rothreußen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts](im Druck).

² Als Vollendung der Forschungen wurde ein Buch über die Rolle der Moldau, Walachei und Transsilvanien in der Jagiellonenpolitik an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert (Johann I. Albrecht, Alexander, Sigismund I., Vladislav II.) vorgesehen.

nisch – moldauischen Beziehungen geleistet hat. Um die genannte politische Aktivität näher zu bringen, werden erst die Affinitäten präsentiert, die zusätzlich auch der hinzugefügte Stammbaum veranschaulichen wird.

GEBURTSTUNDE DER FAMILIE UND IHR AUFSCHWUNG ZU DEN BEDEUTENDSTEN GESCHLECHTERN DER POLNISCHEN KRONE

Ein Stammvater dieser Familie war Klemens Moskorzewski (ca. 1360 - 1408), der im Jahre 1390 vom König Wladyslaw Jagiello die Burg Kamieniec bekommen hat³. Diese Burg erwarb er als Belohnung für Verteidigung Lwivs vor den Kreuzrittern. Von daher an bekamen seine Nachkommen einen neuen Nachnamen: statt „von Moskorzew“ begannen sie sich „von Kamieniec“ zu nennen. Klemens Moskorzewski hatte einen Sohn, den Martin (1). Dieser war aber ein schwarzes Schaf in der Familie, denn er hat fast das ganze Familienvermögen verschuldet. Bedeutende Auswirkungen hatte die Entscheidung, an einer königlichen Expedition gegen die Türkei (Mai 1426) keine Teilnahme zu nehmen⁴.

³ S. Gawęda, *Rozwój latyfundium Kamienieckich i ich rola polityczna do początków XVI wieku*. [Das Entwicklung des Vermögens von Kamieniecki und politische Bedeutung des Geschlechts bis zum Ende des 16. Jahrhunderts] in: Krosno, studia z dziejów miasta i regionu, t. 2. Ed. S. Cynarski. Rzeszów 1995, s. 54; außer Kamieniec hat er auch ein paar Dörfer in der Nähe von Dobczyce bekommen: Rudnik, Kamyk (oder Kamnik, im Kreis Bochnia), Brzączowice, Skrzynka, Brzezowa, Burletka, Kornatka, Poznachowice, Wiśniowa, Iezmanowca (heutzutage Wierzbanowa), Kobielnik). Siehe: AGAD, Pergamin nr 8856 = TN 8, nr 96; *Kodeks dyplomatyczny Małopolski* [Diplomatisches Gesetzbuch aus Kleipolen], t. 4, hrsg. F. Piekosiński. Kraków 1882. (weiter: KDM), t. 4, nr 1008; *Słownik geograficzno – historyczny województwa krakowskiego w średniowieczu*, [Geographisch-historisches Wörterbuch der Krakauer Woiwodschaft im Mittelalter], Ed. W. Bukowski, J. Kurtyka, J. Laberscheck, Z. Leszczyńska – Skrętowa, F. Sikora, J. Wiśniewski, M. Wolski, Teil 1 – 4. Kraków 1986 – 2006 (weiter: SGHKr), Teil 1, s. 566; H. Łowmiański, *Prusy-Litwa-Krzyżacy*. [Prußen – Litauer – Deutscher Orden], Warszawa 1989, s. 389; S. Gawęda, *Rozwój latyfundium...*, s. 53.

⁴ Wladyslaw II. Jagiello wurde dazu von Sigismund Luksemburski verpflichtet. Das galt jedoch nur für den Adel, der aus dem Gebiet Sanok stammte. Die Adligen sollten die Armee organisieren und sich in Brasilow am 24. Juni mit der Armee von Johannes Luksemburski treffen. An der Spitze der polnischen Armee sollte der Starost von Sanok, Johannes von Kobylany stehen. Siehe. J. Długosz, *Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego*, ks. V – XII. Warszawa 1973 – 2006 [Jahrbücher von Johannes Długosz] (weiter: DR), ks. 11, s. 232 – 233; Ioannis Dlugossii, *Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae* (weiter: DH), lib. 11, s. 221 – 222; J. Kurtyka, *Z dzie-*

Martin Kamieniecki, so wie ein Teil der polnischen Adligen, wollte sich an dem Feldzug nicht beteiligen, es sei denn, dass der Sold in der Höhe von 5 Mark pro Lanze ausgezahlt wäre. Diese Summe wurde ihnen schon im Kaschauer Privileg (1374) garantiert. Laut Johannes Dlugosz geriet Władysław Jagiełło nach seinem Kriegsrückgang in Zorn, und wollte die Rebellen bestrafen⁵. Der König hatte vor, die Burg Kamieniec beschlagnahmen, und nur dank Unterstützung und Fürsprache seitens der einflussreicheren Adligen konnte Martin seine Burg behalten⁶.

Marcin Kamieniecki (1) hatte sieben Söhne: Peter, Martin (2), Heinrich (2), Nicolaus (1), Johannes (1), Klemens (3) und Stanislaw, aber nur zwei von ihnen haben auch einen Beitrag zu polnisch – moldauischen Beziehungen geleistet. Der älteste von den Brüdern, der Peter, war ein treuer Anhänger des damaligen Königs, Wladyslaw von Warna (polnisch: Władysław Warneńczyk) (1424 – 1444). Er stand dem König beiseite, als dieser um die ungarische Sukzession kämpfte, und nahm auch an der Schlacht bei Warna (1444) teil⁷. Heinrich (2) erwies sich

jów walki szlachty ruskiej o równouprawnienie: represje lat 1426 – 1427 i sejmiki roku 1439 [Zur Geschichte des Kampfes der russischen Adel um die Gleichberechtigung: Repressionen aus der Jahren 1426 – 1427 und Landtag aus dem Jahr 1439], „Roczniki Historyczne“ (weiter: RH), t. 66 (2000), s. 88 – 89 = J. Kurtyka, *Podole w czasach jagiellońskich. Studia i materiały* [Podolien in der Zeit der Jagiellonen-Herrschaft. Studien und Materialien], ed. M. Wilamowski. Kraków 2011, s. 31- 32.

⁵ DR, Bd. 11, s. 233; DH, lib. 11, s. 222.

⁶ Am 13 Juni 1427 wurden Hanek Chełmski von Chełm, Szczepan von Bydłowa, Peter Kot von Kotki und Klemens Moskorzewski dazu verpflichtet, die Burg Kamieniec abzunehmen. Martin Kamieniecki hatte aber starke Verbündeten, die sich für ihn eingesetzt haben. Deswegen gab ihm der König noch zusätzliche sechs Wochen Zeit um die Sache wiedergutzumachen. Siehe: DR, ks. 11, s. 233; DH, lib. 11, s. 222; Archiwum Główne Akt Dawnych in Warschau (weiter: AGAD), Pergamin nr. 5031 = *Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, scripturarum et monumentorum, quaecunque in archivo Regni in Arce Cracoviensi continentur*, hrsg. E. Rykaczewski. Lutetiae Parisiorum – Berolini – Posnaniae 1862 (weiter: Inventarium), s. 200 (regest); J. Kurtyka: *Z dziejów walki...*, s. 92. Martin hat die Zeit gut genutzt, weil er am Ende die Burg Kamieniec behalten konnte. Siehe: Księgi Ziemskie Krakowskie in Stadtarchiv Krakau [Krakauer Landsbuch aus dem Stadtarchiv Krakau], (weiter: ZK) 146, s. 160 – 161, 517; *Starodawne Prawa Polskiego Pomniki* [Denkmale der alten polnischen Rechte], hrsg. A. Helcel, t. 1 – 9. Kraków 1870 – 1882 (weiter: SPPP) t. 2, nr 2539; SGHKr, cz. 2, s. 726; S. Gawęda, *Pilawici – Moskorzewscy – Kamienieccy*, in: *Personae – Colligationes – Facta*, hrsg. J. Bieniak, Toruń 1991. s. 166 – 170; J. Kurtyka, *Z dziejów walki...*, s. 93 = J. Kurtyka, *Podole w czasach jagiellońskich...*, s. 36.

⁷ DR, ks. 12, s. 319; DH, lib. 11/12, s. 288; *Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski* (Diplomati-

dagegen als einer den größten Erbauern des familiären Vermögens, womit er sich das ganze Leben lang beschäftigte. Seine einzige Kriegsepisode erlebte er im Jahre 1449⁸. Damals, nach dem Todesfall von Stefan dem Zweiten begann der Kampf um Thron zwischen seinen Söhnen, Peter und Roman. In diesen Konflikt wollten sich auch die polnische Krone und die Ungarn einmischen. Im Februar 1448 gelang es dem Peter, den Roman zur Auslassung von Moldau zu zwingen. Dafür wollten die Polen keine Zustimmung geben und versuchten, dem gejagten Roman eine militärische Hilfe zu leisten. Romans Feinde waren jedoch der polnischen Unterstützungsaktion zuvor und trugen zu seiner Vergiftung bei. In Bezug darauf fängt die polnische Krone die Vorbereitungen zum Krieg gegen Peter an, den er für Ausbruch des Konfliktes und den Tod Romans beschuldigte. Diese geplante Expedition kam jedoch nicht zustande⁹, wodurch die einzige Heinrichs Kriegsepisode schon vor ihrem Beginn, ohne weitere Folgen, fehlschlug. Erst die Heinrichs Söhne: Nikolaus (2), Johannes (2), Martin (3) und Heinrich (3) haben sich einen Namen in der Frage der polnisch – moldauischen Beziehungen gemacht. Ein Grund dafür bildete ihre politische Aktivität und die Ämter, die sie bekleideten. Nikolaus Kamieniecki war der erste Großhetman der polnischen Krone in Geschichte Polens, und seine Brüder, Johannes und Martin waren Rittermeister der Generalverteidigung (der Martin wurde in den Urkunden als *vice-*

sches Kodex aus Großpolen), hrsg. A. Gąsiorowski, T. Jasiński, Poznań 1993 (weiter: KDW), t. 10, nr 1669; Z. Spieralski, *Piotr Kamieniecki*. Polski Słownik Biograficzny (weiter: PSB), t. 11 (1954 – 1965), s. 520; A. Boniecki, *Herbarz polski* [Polnisches Wappenbuch], Warszawa 1906 (weiter: Boniecki), t. 9, s. 179; KDM, t. 4, nr 1464; Z. Pentek: *Polscy uczestnicy wyprawy warneńskiej* [Die polnische Teilnehmern an der Schlacht bei Warne] „Balcanica Posnaniensia” VIII. Poznań 1997, s. 101; J. Dąbrowski: *Władysław I Jagiellończyk na Węgrzech (1440 – 1444)* (Władysław I. Jagiellonczyk in Ungarn 1440 – 1444), Warszawa 1922, s. 119, Fußnote 1

⁸ Wegen des Feldzuges gegen Moldau, an welchem Heinrich teilnehmen sollte, verpfändete er bei seinem Bruder Martin (2) für zwei Jahre sein Vermögen und bekam dafür 1000 Mark. Siehe. *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tzw. Bernardyńskiego we Lwowie* (Landakte und Stadtsakte aus der Zeit der Polnischen Republik, aus dem sog. Benedyktyński Archiv), Lwów 1886 (weiter: AGZ), t. 11, nr 2756; A. Fastnacht, *Słownik historyczno – geograficzny ziemi sanockiej w średniowieczu* [Geographisch – politisches Wörterbuch des Landkreis Sanok im Mittelalter], Brzozów – Wzdów – Rzeszów 1998, t. 2, s. 64; Z. Spieralski, *Henryk Kamieniecki*. PSB, t. 11, s. 512.

⁹ I. Czamańska, *Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku* [Moldau und Walachei gegenüber Polen, Ungarn und der Türkei im 14. Und 15. Jahrhundert], Poznań 1996, s. 106 – 107.

campiductor bezeichnet, was in der Praxis einen Posten des geschäftsführenden Feldhetman der polnischen Krone bedeutete).

DER GRENZKONGRESS, POKUTIEN UND DIE KAMIENIECKIS IN DER POLNISCHEN AUßENPOLITIK IM 16. JAHRHUNDERT

Nikolaus Kamieniecki (2) war der älteste Sohn von Heinrich (2). Er war im Jahre 1460 geboren. Dank seinem treuen Dienst beim König Johann I. Albrecht (polnisch: Jan Olbracht) (1459 - 1501) und bei Alexander (polnisch: Aleksander) (1461 - 1506) hat er sich um das Land enorm verdient und ist zu einem vertrautesten und treuesten Anhänger der Jagiellonen geworden. Dank der königlichen Unterstützung konnte er eine hervorragende Karriere machen und dabei auch seinen Brüdern (Johannes (2), Heinrich (3), Martin (3)) helfen. Im Jahre 1497 nahm er an dem Feldzug gegen Moldau und Türkei nicht teil, höchstwahrscheinlich riet es dies auch dem König ab¹⁰. Nikolaus Kamieniecki war aber sehr oft

¹⁰ Er wurde vom König von der Teilnahme an der Expedition befreit und sollte dafür seine Verpflichtung als Starost in Krakau erfüllen. Am 21. und 28. Juli, 14. und 26. August, 9. und 16. September wurde er als Leiter des Kastellengerichts in Krakau bestätigt. Siehe: *Księgi Grodzkie Krakowskie* in Stadtarchiv Krakau [Krakauer Stadtbuch aus dem Stadtarchiv Krakau], (weiter: GK) 28, s. 601, 605, 610, 612, 621, 622; SPPP 2, nr 4480; Am 13. November wurde er als königlicher Kommissar vor dem Gericht erwähnt. Siehe: SPPP 2, nr 4482, und am 19. November erteilte ihm der König Johann I. Albrecht das Erlaubnis, die königliche Mühle in Krosno dem Johannes Czurlylo hinterzulegen. Siehe *Matricularum Regni Poloniae Summaria*, Warszawa 1907 (weiter: MRPS) t. II, nr 675; nicht nur Nikolaus Kamieniecki war gegen den Krieg, auch Krzesław von Kurozwęki war der große Gegner dieser Idee. Er wurde noch im Jahre 1497 nach Moldau geschickt um den Hospodar zum gemeinsamen Krieg gegen der Türkei zu überzeugen. Die Antwort, die er bekommen hat, war so doppeldeutig, dass er dem Stefan dem Großen nicht mehr vertraute. Siehe: Marcin z Miechowa, *Chronica Polonorum. Supplementum*. in: *Scriptores rerum Polonicarum*, ed. J. Szujski, t. 2, Kraków 1874, (weiter: Miechowita), s. 350; B. Wapowski, *Kroniki Bernarda Wapowskiego część ostatnia, czasy podługoszwowe obejmująca (1480 – 1535)* [Chroniken von Bernard Wapowski. Der letzte Teil, der sogenannte „Post-Długosz Zeit“ umfasst], ed. J. Szujski. SRP, t. 2. Kraków 1874 (weiter: Wapowski,) s. 22 – 25; I. Czamańska, *Mołdawia i Wołoszczyzna...*, s. 168, 174 – 175; F. Papée, *Jan Olbracht*. Kraków 2006, s. 127 – 128; O. Górka, *Białogród i Kilia a wyprawa z 1497r* [Bilhorod-Dniströwskyj und Kilia sowie die Expedition aus dem Jahr 1497] „Sprawozdanie z Posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego” t. 25. Abteilung II. Warszawa 1932, s. 70 – 71; W. Kujawski, *Krzysztof z Kurozwęk jako wielki kanclerz koronny i biskup wrocławski*

nach Moldau geschickt, um am Grenzkongress teilzunehmen, der die Fragen der Konflikte und Probleme der Region Pokutien betreffen sollte.

Als im Jahre 1501 der König Alexander gewählt wurde, sind in Krakau viele Adligen angekommen, u.a. auch Nikolaus Kamieniecki, um sich im Krönungssejm zu versammeln. Auch die Gesandten aus Moldau waren dabei. Sie wollten nicht nur dem neuen König zu seiner Wahl gratulieren, sondern auch seine Anforderungen zur Sprache bringen. Sie verlangten vom König, damit er die polnischen Gesandten nach Moldau schickt und die Streitfragen mit Pokutien löst. Sie vertraten die Meinung, dass ein festes Kongressdatum genannt werden solle, sie selbst stellten zwei Vorschläge dar: den 29. Juni und den 8. September 1502¹¹. Noch während dieses Krönungssejms, also Beginn Januar 1502, traf Alexander die Entscheidung, Nikolaus Kamieniecki (2), Johannes von Bochoznica und Johannes Krowiecki mit der Reise nach Moldau zu beauftragen, damit sie die Fragen des Hospodars beantworten und die Gesandten mit ihren Verlagerungen vertraut zu machen¹². Die Delegation brach vermutlich nach 20. Februar 1502 auf, denn an diesem Tag wurde Nikolaus Kamieniecki (2) das letzte Mal als königlicher Begleiter in den Quellen in Polen erwähnt¹³. Als die Botschaften in Mol-

[Krzesław von Kurozweki - der große polnische Kanzler und der Bischof von Wrocław], Warszawa 1987, s. 73; S. Tarnowski, *Żywot i śmierć Jana Tarnowskiego kasztelana krakowskiego i hetmana wielkiego koronnego* [Das Leben und der Tod von Jan Tarnowski - der Krakauer Kastellan und der Großhetmann von Polen], Sanok 1855, s. 41; R. Trawka, Kmitowie. *Studium kariery politycznej i społecznej w późnośredniowiecznej Polsce* [Kmitowie. Studium der politischen und gesellschaftlichen Karriere im Spätmittelalter in Polen], Kraków 2005, s. 235.

¹¹ AGAD, Libri Legationum (weiter: LL) 1, k. 8-10; *Materiały dla historii wzajemnych stosunków Rosji, Polśi, Moldawii, Walachii i Turcii, v XIV- XVI w.* [Materialien zur Geschichte der gegenseitigen Relationen zwischen Russland, Polen, Moldau, Walachei und der Türkei im 14.-16. Jahrhundert], hrsg. V. A. Uljanicki. Moskwa 1887 (weiter: V. Uljanickij), s. 185-189, 195; *Akta Aleksandra króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego (1501-1506)* [Akten des polnischen Königs Aleksander - der Großfürst von Litauen 1501-1506], hrsg. F. Papée. Kraków 1927 (weiter: AAleks), s. 46-47; I. Czamańska, *Mołdawia i Wołoszczyzna...*, s. 185; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen polsko - mołdawskich. Sprawa pokucka do wstąpienia na tron Zygmunta I.* [Zur Geschichte der polnisch-moldauischen Kriege. Das Problem des Pokutiens bis zum Regierungsantritt des Sigismund I.] „*Studia i Materiały do Historii Wojskowości*”, t. 11, cz. 2. (1965), s. 81.

¹² AGAD, LL 1, k. 15; V. Uljanickij, s. 186, 195; AAleks, nr 49; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 81; A. Borzemski, *Sprawa pokucka za Aleksandra* [Das Problem des Pokutiens unter der Regierung von Alexander], *Przegląd Powszechny*, t. 24 (1889), z. 10, s. 180.

¹³ Damals waren in Krosno alle Kamienieckis-Brüder: Nikolaus, Stanisław, Klemens, Jo-

dau ankamen, verurteilten sie zuerst scharf die moldauische Expedition gegen Polen, die nach dem Todesfall vom König Johann I. Albrecht stattfand¹⁴. Während des Aufenthalts in Moldau sollte auch ein vertrauliches Gespräch zwischen Nikolaus Kamieniecki (2) und dem Stefan dem Großen geführt werden. In diesem Gespräch stimmte Nikolaus dem vorgeschlagenen Datum des Kongresses (am 8. September 1502) zu, betonte aber gleichzeitig, dass nur die sog. „alten Grenzen“ in Frage kämen, es bedeutete also, das Pokutien in polnischen Grenzen bleiben solle. Kamieniecki erlaubte in seiner Vollmacht, damit an diesem Kongress auch der ungarische König, Vladislaus II. von Böhmen und Ungarn (polnisch: Władysław Jagiellonczyk), teilnähme. Aus diesem Grund wurde auch das Kongressdatum auf den 29. September 1502 verschoben¹⁵. Nach den Verhandlungen kam Kamieniecki vor 7. März nach Polen zurück, wo er wieder als königlicher Begleiter in den Urkunden erwähnt wurde¹⁶. Wahrscheinlich kamen nicht alle Gesandten um denselben Zeitpunkt nach Polen zurück, weil noch am 20. März, der Kanzlervertreter Nikolaus Drzewicki sich über die noch in Moldau verbliebenen Gesandten äußerte¹⁷, während Nikolaus Kamieniecki (2) schon in Polen weilte. Am 29. März 1503 wurde er für seine Verdienste belohnt und erwarb sechsjährige Einnahmen der Sanokstarostei¹⁸, und ein Tag darauf wurde er wie-

hannes i Martin dabei. Man löste Probleme mit der königlichen Mühle in Krosno, die dem Johannes Czurylo hinterlegen werden sollte. Siehe.: Metryka Koronna in AGAD (weiter: MK) 17, k. 309; MRPS III, nr 264; AGZ, t. 16, nr 3582; Z. Spieralski, meinte dass die Gesandten gleich nach dem Krönungssejm abfuhren, und diese kehrten vor 29. März zurück, als Nikolaus Kamieniecki als Belohnung für diese Mission eine Auszeichnung bekam. Siehe: Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 81.

¹⁴ AGAD, LL 1, k. 9 – 10; V. Uljanickij, s. 187 – 189; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 81.

¹⁵ AGAD, LL 1, k. 9 – 10; V. Uljanickij, s. 187 – 189; AAleks, nr 46; E. Hurmuzaki, *Documente privitoare la istoria Românilor* [Dokumente zur Geschichte des Rumäniens], vol. 2, p. 2 Bukarest 1891 (weiter: Hurmuzaki), s. 488 – 491, nr 389; über die verabredeten Termine (an der Saint Michaels Tag) informierte Łukasz Arbure - der Bote von Stefan dem Großen. Siehe: A. Jabłonowski, *Sprawy wołoskie za Jagiellonów. Akta i Listy. Akta Koronne* [Probleme der Walachei in der Zeit der Jagiellonen-Herrschaft. Akten und Briefe. Akten der polnischen Krone], in: *Źródła dziejowe*, t. 10. Warszawa 1878 (weiter: Akta i Listy), nr 23; Z. Spieralski, der sich an dieselbe Urkunde verließ, gab leider das falsche Datum des Berichts an: den 28. September. Siehe: Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 81; Nistor, *Die Moldauischen Ansprüche auf Pokutien*. Wien 1910 (in: Archiv für österreichische Geschichte, hg. v. Akad.d.Wiss., Bd. 101,1), s. 62.

¹⁶ KDM, t. 5, Mappe T, nr 119=KDKr, t. 1, nr 210.

¹⁷ AAleks, nr 61.

¹⁸ MK 21, k. 45 =MRPS III, nr 341 (regest).

der vom König belohnt und bekam die königliche Erlaubnis, die zwei königlichen Dörfer, Dzierzaniny und Borowa, einzukaufen, die bisher dem Johannes Kobylenski gehörten¹⁹. Nikolaus Kamieniecki (2), Johannes Bochotnicki und Johannes Krowicki wurden für ihr Engagement für die moldauische Frage erneut im Juni 1502 belohnt²⁰. Der Feldzug des Nikolaus schien aber keinen politischen Erfolg zu bringen. Obwohl der polnische König Alexander die polnische Delegation ernannte, welche zum vereinbarten Kongress gelangen sollte, fand diese Reise nicht statt²¹. Dies brachte aber die Nachwehen mit. Wegen des polnischen Spiels auf Zeit verlor Stefan der Große seine Geduld und als die polnischen Gesandten auf dem Kongress nicht erschienen, eroberte er Pokutien im Herbst 1502. Er nutzte die Gelegenheit aus, dass in gleicher Zeit die Tataren die polnische Krone angegriffen haben²². Stefan war überzeugt, dass Polen seine Chance verspielte und dass das Verhalten der Gesandten unakzeptabel war. Nikolaus Kamieniecki, der doch selbst mit dem Stefan das Kongressdatum abgemacht hatte, enttäuschte den König rasant, so, dass er den Polen nie wieder anvertraute²³. Demzufolge wurden in Polen die Kriegsvorbereitungen vorgenommen²⁴, gleichzeitig wurden jedoch nach Ungarn die Gesandten delegiert (Erzbischof Andreas Boryszewski und Kastellan Jakub Sieklicki), um die Unterstützung und Hilfe bei Vladislaus II.

¹⁹ MK 17, k. 331 = MRPS III, nr 343 (regist).

²⁰ Teki Pawińskiego I, s. 13, 17.

²¹ Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 82; K. Niemczyk, *Problem Pokucia, spornego terytorium polsko-mołdawskiego w końcu XV i początku XVI wieku* [Probleme des Pokutiens, des polnisch-moldauischen Streit-Gebiets, am Ende des 15. Und zu Beginn des 16. Jahrhunderts], „*Studia Historyczne*”, r. 57 (2014), z. 2, s. 155 – 174; Idem, *Problema Pocuției, teritoriu de litigiu polono-moldav, la sfârșitul sec. al XV-lea și începutul sec. al XVI-lea în istoriografia poloneză* [Polnische Historiografie zur Probleme des Pokutiens - des polnisch-moldauischen Streit-Gebiets am Ende des 15. Und zu Beginn des 16. Jahrhunderts], (im Druck); Der König Alexander wollte sowohl Erzbischof Boryszewski, als auch Johannes Tarnowski, Paul Kola, Stanislaw von Chodcza und Krowicki nach Moldau schicken, letztendlich erreichten die Boten Moldau nicht.

²² Akta i Listy, nr 23; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 83; L. Fac, *Południowo – wschodni teatr działań wojennych w latach 1497 – 1509* [Süd-östlicher Kriegsschauplatz in der Jahren 1497 – 1509], „*Rocznik Przemyski*”, t. 43 (2007), z. 1, s. 67 – 68; M. Plewczyński, *Wojny i wojskowość polska w XVI w., t. 1, lata 1500 – 1548* [Polnische Kriege und polnischer Militärwesen in 16. Jahrhundert, Bd. 1, 1500-1548], Zabrze 2011, s. 150; mehr zum Annexion des Pokutiens: K. Niemczyk, *Problem Pokucia, spornego terytorium polsko-mołdawskiego ...*, s. 155 – 174.

²³ AGAD, LL1, k. 63-63v; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 91.

²⁴ I. Czamańska, *Mołdawia i Wołoszczyzna...*, s. 188.

zu gewinnen. Noch am 14. November versandte Alexander die erste Aufforderung zum Krieg (sog. Wici), die Bekanntmachung der zweiten und dritten Aufforderung ließ er aber in Händen der Abgeordneten, weil er selbst sich schon nach Litauen begeben musste. Im Endeffekt wurde die zweite Kriegsaufforderung vom Fürsten Fryderyk Jagiellonczyk verschickt²⁵. Er verzögerte aber die Verschickung der dritten Aufforderung, was mit der Bitte des großpolnischen Adels verbunden wurde. Für Vertreter Großpolens waren die Verhältnisse zu Moldau von geringer Bedeutung, demzufolge wollten sie kein Geld und keine Energie verschwenden²⁶. Damalige militärische Lage Polens war wegen der Verteidigungsorganisation sehr problematisch. Der sog. Volkssturm war schon damals sehr ineffizient, und die Adligen verweigerten sich, an dem Krieg teilzunehmen. Ein zusätzliches Problem bildete auch die finanzielle Frage: für eine feste Armee brauchte man doch Geld, und die Staatskasse war leer. Da der König über keine ausreichende Summe verfügte, fehlte es an einer festen Armee, welche vor allem die südöstliche Grenze verteidigen könnte.²⁷ Der Krieg wurde also verschoben und Alexander verließ sich auf die Vereinbarungen mit Ungarn. Die im November 1502 nach Ungarn geschickten polnischen Boten nahmen an einer gemeinsamen Tagung in Buda teil. Während der Tagung wurde die Frage des polnisch-moldauischen Konfliktes behandelt. Letztendlich wurde ein neuer Termin des Grenzkongresses vereinbart. Geplant war der 1. November in Kolaczyn. Gleichzeitig wurden auch zusätzlichen Bedingungen festgelegt, deren Erfüllung notwendig war, damit er überhaupt stattfinden könnte. Erstens, den moldauischen Truppen sollte ein Rückzug befohlen werden; zweitens, Stefan der Große sollte den polnischen Boten eine Sicherheitsgarantie während ihres Aufenthalts in Moldau geben²⁸. Danach wurden auch die polnischen Gesandten nach Moldau gewählt. Es waren: Nikolaus Kamieniecki (2), Spytek von Jaroslaw, Stanislaw von Chodcza und Nikolaus Firlej.²⁹ Der Hospodar sollte auch mit den Ver-

²⁵ AAleks, nr 90

²⁶ AAleks, nr 93; J. Wiesiołowski, *Ambroży Pampowski – starosta Jagiellonów* [Ambroży Pampowski – der Jagiellonische Starost], Wrocław 1976, s. 84; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 85–86; R. Trawka, *Kmitowie...*, s. 260

²⁷ Mehr dazu: K. Niemczyk, *Mołdawia Bogdana III Ślepego w polityce Aleksandra* [Moldau unter der Regierung von Bogdan III. in der Politik von Alexander], in: *Studia Jagiello-nica*, t. 2 (im Druck)

²⁸ MK 20, k. 103; AAleks, nr 187, 218; Hurmuzaki, t. 2, cz. 2, s. 518 – 519, nr 414, 415; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 98, 101 – 102.

²⁹ AGAD, LL1, k. 154v – 155v; AAleks, nr 187; Akta i Listy, nr 23; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 96.

einbarungen aus Buda vertraut gemacht. Aus diesem Grund wurden auch die ungarischen Boten, Horwath und Buczacki, nach Moldau delegiert, um diese Regelungen dem moldauischen König mitzuteilen. Leider stimmte der Hospodar solchen Bedingungen überhaupt nicht zu. Aus diesem Grund wurden von Stefan dem Großen, im Einverständnis mit Hotwath, neue Bedingungen niedergeschrieben, welche die Kongressorganisation bestimmen sollten. Laut diesen neuen Festlegungen war Moldau nicht verpflichtet, Pokutien zurückzutreten und die moldauische Armee musste auch nicht zurückgenommen werden. Moldau äußerte nur seine Einwilligung, im Kongress die Streitfrage betreffs Zugehörigkeit von Pokutien zu prüfen³⁰. Die neuen Bestimmungen traten in Kraft, und die moldauische Armee blieb auf dem Gebiet Pokutien. Leider wurden diese Bestimmungen von Horwath der polnischen Krone nicht bekannt, und man wartete in Polen auf Erfüllung der Bedingungen aus Buda, um eigene Boten nach Moldau schicken zu dürfen, leider erfolglos. Von daher an war die polnische Krone überzeugt, dass wegen des Verhaltens von Stefan dem Großen wurden die Idee des Kongresses zunichte gemacht. Statt alle gewählten Boten (u.a. Nikolaus Kamieniecki) nach Moldau zu delegieren, machte sich nur Nikolaus Firlej auf die Reise und wurde mit der Aufgabe beauftragt, den Rückkehr Pokutien an Polen zu verlangen³¹. Stefan wies diese Forderungen zurück und berief sich auf die mit Horwath vereinbarten Bestimmungen. Der polnische König Alexander war bereit, das Problem mit Pokutien militärisch zu lösen. Einer anderen Meinung war aber sein Bruder, der König von Ungarn. Dem Alexander war die brüderliche Auffassung wichtig, und dieser befürchtete, dass so eine Intervention zur Zuspitzung der Beziehungen zur Türkei zuführen könnte. Aus diesem Grund bemühte sich Alexander, das Problem weiterhin friedlich zu lösen³².

Am 2. Juni 1504 ist Stefan der Große verstorben. Sein Nachfolger, Bogdan der III, genoss sowohl im Land als auch im Ausland, kein so großes Ansehen wie sein Vorgänger. Im Zusammenhang damit wollte der das Problem Pokutien zur Verstärkung eigener politischen Position zu nutzen. Er machte dem Alexander einen Vorschlag, indem er seine Schwester Elisabeth heiratete, und dafür war er bereit, Pokutien abzutreten³³. Nach langen Verhandlungen trat er Pokutien ab, und wartete auf seine Vermählung mit der königlichen Schwester. Alexanders

³⁰ AGAD, LL1, k. 155v - 156; AAleks, nr 198; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 97.

³¹ AGAD, LL1, k. 156; AAleks, nr 210; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 99.

³² AGAD, LL1, k. 170v - 172; AAleks, nr 219a; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 102; F. Papée, *Aleksander*. Kraków 2006, s. 78.

³³ AGAD, Pergamin nr 5407; AAleks, nr 257, 298, 317; MRPS III, nr 2048; Wapowski, s. 62 - 63; 279; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 105 - 108

Tod durchkreuzte aber seine Pläne. Es gab in Polen zu viele Gegner dieser Vermählung. Bogdans Reaktion war unverzüglich: er eroberte Pokutien erneut. In Polen wurde sofort eine Armee unter Führung Nikolaus Kamieniecki (2) berufen. Wie die Urkunden erwähnen, wurde die Grenze schon am 29. September 1504 überschritten.³⁴ Nach der Grenzüberschritt ließ er ein Teil der Armee in Czesybiesy³⁵ zurückbleiben, und marschierte weiter nach Pokutien³⁶. Seine Vorhut unter Führung von Jerzy und Feliks Strus wurde dann geschlagen. Da der Kamieniecki ein guter Strateg war, griff er die moldauische Armee unter Führung von Kopacz sofort nach Niederlage der Vorhut auf. Kamieniecki wollte um jeden Preis die Situation verhindern, dass Kopacz die Zeit gewinnt, um günstigere geographische Lage zu erreichen und die polnische Armee von hinten und seitwärts (genau wie während des Krieges im Jahre 1497) anzugreifen. Kamienieckis Plan brachte einen Erfolg und die moldauische Armee wurde geschlagen. Nach der Schlacht ordnete er an, 50 moldauische Kriegsgefangene zu töten³⁷. Obwohl die Schlacht (in der Nähe von der Linie: Sniatyn – Kolomyja-Czerniowice-Kozmin)³⁸ vom 4. November 1504³⁹ mit dem Sieg gekrönt wurde, beendete den Streit um Pokutien nicht.

Diese Schlacht endete auch nicht die Aktivität Kamienieckis in polnisch-moldauischen Beziehungen. Wegen des Papstes Julius des II ist 1509 die Frage von Pokutien wieder aufgetaucht. Als Befürworter des Kreuzzuges gegen die Türkei glaubte er, dass die Verwirklichung des Heiratsvertrages zur Schwächung der Türkei zuführen wird, denn Moldau gilt als ihr potenzieller Verbündeter. Um diesen Plan zu verwirklichen, brauchte Papst die Sache zum Schluss zu bringen, also die Vermählung Elisabeth und Bogdan zu bestimmtem Ergebnis zu führen⁴⁰.

³⁴ Miechowita, cap. 85, s. 377 – 379.

³⁵ Laut Spieralskis waren es wahrscheinlich Fußtruppe und Artillerie.

³⁶ Das kann man der Kamieniecki Ausrechnung entnehmen. Siehe: AGAD, ASK, oddz. 86, nr 6, k. 53, 58; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 118.

³⁷ Wapowski, s. 63; M. Strykowski, *Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi* [Chronik von Polen, Litauer, Niederlitauen und Russland], Warszawa 1846 (weiter: Strykowski), s. 320; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 118 – 119; K. Pułaski, *Kronika polskich rodów szlacheckich Podola, Wołynia i Ukrainy Monografie i wzmianki* [Chronik der polnischen Adel aus Podolien, Wolyn und der Ukraine. Monographien und Notizen], t. 1, Warszawa 1911, s. 210.

³⁸ Z. Spieralski bezeichnete den Schlachtort als: „westlich von Czerniowce“. Siehe: Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 120.

³⁹ *Kronika od r. 1507 do 1541 spisana [z rękopisu 1549 r.]* [Chronik über die Zeit vom 1507 bis zum 1541], in: Biblioteka starożytna pisarzy polskich, t. 6, hrsg. K. W. Wojcicki, Warszawa 1854, s. 3.

⁴⁰ Hurmuzaki, t. 2, cz. 2, s. 583-584, nr 465; J. Smółucha, *Papiestwo a Polska w latach 1484-*

Bogdan hoffte dagegen, dass er mit Hilfe des Papstes Pokutien wiedergewinnt. Von daher an griff er noch im Juni 1509 sowohl Pokutien als auch Podolien an⁴¹. Auf die Reaktion des polnischen Königs musste man nicht lange warten. Sigismund I schickte die polnische Armee unter Führung von Nikolaus Kamieniecki in Richtung Moldau, um Pokutien zu befreien.⁴² Die Armee sollte sich in der Nähe von Gliniany zusammensammeln, und von ca. 700 Söldnern unter Führung von Johannes Kamieniecki abgesichert werden⁴³. Am ungefähr 10. September 1509 machte sich die Armee auf den Weg nach Buczac, das sie vor dem 21. September 1509 erreichte. In dieser Zeit erkrankte jedoch der polnische König Sigismund I., und die Hauptführung der Armee übernahm Nikolaus Kamieniecki⁴⁴. Der Feldzug war aber erfolgreich. Noch im September 1509 musste Moldau

1526. *Kontakty dyplomatyczne na tle zagrożenia tureckiego* [Papstamt und Polen in der Jahren 1484-1526. Diplomatische Kontakte im Bezug auf die osmanische Gefahr], Kraków 1999, s. 104-105; K. Baczkowski, *Stosunki polsko-węgierskie w pierwszych latach panowania Zygmunta Starego 1507 – 1510* [Die polnisch-ungarische Relationen in der Zeit der Sigismund I Herrschaft], in: *Cracovia – Polonia – Europa*, Kraków 1995, s. 571.

⁴¹ Decjusz, *De Sigismundi regis temporibus liber, 1521*, hrsg. W. Czermak, Kraków 1901 (weiter: Decjusz), s. 36; J. Smółucha, *Papiestwo a Polska...*, s. 105; M. Morka, *Sztuka dworu Zygmunta I Starego. Treści polityczne i propagandowe* [Kunst auf dem Hof von Sigismund I. Politik und Propaganda], Warszawa 2006, s. 69.

⁴² Kamieniecki wurde zum letzten Mal am 20. Juli in Krakau bestätigt. Siehe. MRPS IV/2, nr 9098, damals wurde schon die Vorbereitung auf den Krieg eingeleitet. Siehe. *Corpus iuris polonici medii aevi*, t. 3, Hrsg. O. Balzer. Kraków 1906 (weiter: CIP), t. 3, nr 48, 49.

⁴³ L. Fac, *Południowo – wschodni teatr działań wojennych ...*, s. 84; über die Einberufung zum Militär, siehe.: L. Kolankowski, *Roty koronne na Rusi i Podolu 1492 – 1572 r.* [Polnische Rotten in Rothreußen und Podolien 1492-1572], in: *Ziemia Czerwieńska*, ed. K. Hartleb, K. Tyszkowski, R. 1, z. 1, Lwów 1935, s. 145.

⁴⁴ MRPS IV/1, nr 819; Strykowski, s. 355; K. Baczkowski, *Stosunki polsko – węgierskie...*, s. 571-572; M. Morka, *Sztuka dworu Zygmunta I Starego...*, s. 69; R. Trawka, *Kmitowie...*, s. 279; T. J. Lubomirski, *Trzy rozdziały z historii skarbowości w Polsce* (Drei Kapiteln zur Geschichte des Finanzwesens in Polen), Kraków 1868, s. 19, er hat falsch angenommen, dass die Hauptführung während der Expedition dem Boguslaw Czyrnin gehörte und nicht „dem alten und kranken Nikolaus Kamieniecki“. Diese Ansicht ist schwer zu akzeptieren, weil Nikolaus Kamieniecki damals erst 48 war und sein Gesundheitszustand auch nicht so schlecht sein konnte, wenn auf seinem Grabstein: „*non plane senex*“ geschrieben wurde. Kamieniecki ist wegen des Ausbruches der Seuche gestorben, und nicht wegen seiner früheren gesundheitlichen Probleme. Czyrnin war dagegen der Führer von den Söldnern aus Tschechien und Deutschland. Siehe: S. Starowolski, *Wojownicy sarmaccy* [Sarmaten Krieger], Warszawa 1978, s. 209-210; Decjusz, s. 37.

Pokutien abtreten, und Kamieniecki leitete den Angriff auf die moldauische Hauptstadt Suceava ein⁴⁵. Die Belagerung der Stadt dauerte ca. drei Wochen, die Stadt verblieb aber unbesiegt. Am Anfang Oktober verordnete Kamieniecki den Rückzug in Richtung Dnjestr. Er wollte aber nicht durch die Wälder in Bukowina marschieren, weil er befürchtete, dass die Ereignisse vom 1497 wieder stattfinden. Im Bukowina-Wald erlitt damals die polnische Armee eine äußerst schmerzhaftes Niederlage⁴⁶. Der schnelle Rückgang kann auf keinen Fall eine Rechtfertigung für Verhalten der polnischen Armee sein: auf dem Rückweg haben sie viele Menschen, vor allem Kriegsgefangene, ermordet und zahlreiche Gebiete verwüstet⁴⁷. Als am 4. Oktober 1509 ein Teil der polnischen Armee unter Führung von Tworowski den Fluss (Dnjestr) überschreiten wollte, wurde sie von den moldauischen Einheiten, unterstützt von türkischen Soldaten, angegriffen. Das polnische Heer besiegte den Gegnern, und Nikolaus Kamieniecki ordnete wieder an, 50 moldauischen Gefangenen zu töten, als Vergeltung für Ermordung polnischer Ritter nach der Schlacht bei Trembowla festgenommen wurden⁴⁸.

Der Friedensvertrag wurde schließlich am 23. Januar 1510 in Kamieniec Podolski abgeschlossen. Bogdan verzichtete auf Vermählung mit Elisabeth, und

⁴⁵ Decjusz, s. 37.

⁴⁶ M. Plewczyński, *Wojny i wojskowość...*, s. 156.

⁴⁷ Strykowski, s. 355, 356.

⁴⁸ Decjusz, s. 42; Strykowski, s. 356, als Datum der Schlacht nennt er den 14. anstatt den 4. Oktober; K. Pułaski, *Wojna Zygmunta i z Bohdanem, wojewodą mołdawskim w 1509 r.* [Der Krieg zwischen Sigismund I. und Bogdan – dem moldauischen Hospodar, im Jahre 1509], in: *Studia i poszukiwania historyczne przez Kazimierza Pułaskiego*, ser. I, Kraków 1897, s. 119 - 123; M. Plewczyński, *Armia koronna 1506 – 1572. Zagadnienia struktury narodowościowej* [Polnische Armee 1506 – 1572. Die Fragen der Nationalstruktur], Warszawa 1991, s. 78; M. Plewczyński, *Mikołaj Kamieniecki herbu Pilawa (1460 – 1515)* [Nikolaus Kamieniecki des Wappens Pilawa 1460 – 1515], in: *Hetmani Rzeczypospolitej Obojga Narodów*, Warszawa 1995, s. 29; M. Plewczyński, *Wojny i wojskowość...*, s. 156; L. Fac, *Południowo – wschodni teatr działań...*, s. 86; K. Baczkowski, *Stosunki polsko – węgierskie...*, s. 573; J. Smołucha, *Papiestwo a Polska ...*, s. 106; Z. Spieralski, *Awantury mołdawskie* [Moldauische Konflikte], Warszawa 1967, s. 71; R. Przybyliński, *Hetman wielki koronny Mikołaj Mielecki (ok. 1549 – 1585)* [Mikołaj Mielecki – Großhetmann der polnischen Krone], Toruń 2003, s. 25; A. Dziubiński, *Stosunki dyplomatyczne polsko – tureckie w latach 1500 – 1572 w kontekście międzynarodowym* [Diplomatische Kontakte zwischen Polen und der Türkei in der Jahren 1500 – 1572 im Zusammenhang mit internationalen Beziehungen], Wrocław 2005, s. 22.

über Zugehörigkeit Pokutien sollte Vladislaus II. entscheiden⁴⁹. Damit endete die Aktivität von Nikolaus Kamieniecki (2) in der Sache der polnisch-moldauischen Beziehungen. Der große Soldat ist im Jahre 1515 verstorben⁵⁰.

JOHANNES KAMIENIECKI IN VERTEIDIGUNG DER GRENZEN DER POLNISCHEN KRONE

Was Johannes (2) Kamieniecki – den Bruder von Mikolaj (2) anbetrifft, war er nur zwei Jahre jünger als Nikolaus und dank der brüderlichen Unterstützung fang er eine militärische Karriere an. Ähnlich wie sein älterer Bruder war er ein Anhänger der Jagiellonen. Als Johann I. Albrecht zu einem König gewählt wurde, wollte der eine eigene Partei bilden und basierte dabei auf die Menschen, die ihm noch vor seiner Regierungszeit viel geholfen haben. Davon profitierte auch Johannes Kamieniecki. Er begann seine Karriere als Mitglied der „*curienses*“⁵¹ (königliche Hoftruppen). 1497 nahm er an dem bukowinischen Feldzug teil⁵². Die Quellen informieren jedoch nicht über Johannes Rolle in diesem Feldzug. Auf jeden Fall kam er vor 18. Dezember 1497 zusammen mit den übrigen Soldaten nach Lviv zurück⁵³. Im Jahre 1501 wurde er zum Rittmeister der festen Verteidigung ernannt⁵⁴. Seit dieser Zeit weilte der meistens mit der Armee in der Nähe von südöstlichen Grenzen der polnischen Krone und bekam immer wieder königliche Aufforderungen, um die feste Armee zu organisieren. Als sein Bruder Nikolaus (2) im Jahre 1502 als Gesandte nach Moldau delegiert wurde, ließ ihm der König Alexander 150 Kavalleristen sammelt⁵⁵. Da die Sendung seines Bruders aus politischer Sicht platzte, war Johannes verpflichtet, am 6. März 1502 die 150 Kavalleristen erneut zu rufen. Dafür bekam er vom König 6 Florins pro jeden Söldner pro Quartal⁵⁶. Wahrscheinlich verblieb er auch 1503 während der königlichen Elektion im Südosten, um die Grenze zu sichern, was

⁴⁹ *Acta Tomiciana*, t. 1 – 3, hrsg. T. Działyński, Poznań 1852 – 1853 (weiter: ATomic), t. 1, nr 39; Dogiel, t. 2, s. 606 – 610; Decjusz, s. 29 – 30; *Akta i Listy*, s. 14 – 15; K. Baczkowski, *Stosunki polsko – węgierskie...*, s. 573.

⁵⁰ S. Starowolski, *Sarmatiae Bellatores*, Coloniae 1631, s. 159 – 160; ATomic, t. 3, nr 538

⁵¹ MRPS IV/3, nr 1160.

⁵² MRPS II, nr 757.

⁵³ AGZ, t. 15, s. 342.

⁵⁴ MRPS III, nr 171, am 28. Januar 1502 ist er in Urkunden schon mit dem Titel Rittmeister (polnisch: rotmistrz) gezeichnet.

⁵⁵ MRPS III, nr 171.

⁵⁶ MRPS III, nr 322.

mit der erhöhten Bedrohung seitens Stefans des Großen verbunden war. Es war ein Alltag für Johannes, dass er viel Zeit an der Grenze verbrachte und immer wieder die königlichen Anweisungen über Soldatensammeln bekam. Seine Aufgabe war doch die Verteidigung vor dem moldauischen Hospodar⁵⁷. Für diesen Dienst sollte Johannes aber Geld bekommen, was meistens leider nicht passierte. In der Regierungszeit des Königs Alexander wurde immer weniger Geld für die Armee bestimmt. Am 20. Dezember 1503 verpflichtete sich der König, überfälliges Geld an Johannes Kamieniecki, Stanislaw und Peter von Chodocza bis spätestens zum 21. Januar 1504 auszusahlen⁵⁸. Trotz dieser Versprechung bekam Johannes Kamieniecki sein Geld erst am 3. August 1504. Die Summe betrug 2900 Florins und wurde ohne Vergütung für die Kriegsverluste ausgezahlt⁵⁹. Der Restbetrag sollte in drei Raten zurückgezahlt werden⁶⁰. Da Pokutien immer wieder ein ungelöstes Problem der polnischen Außenpolitik bildete, musste eine feste Armee an der südöstlichen Grenze verbleiben. Aus diesem Grund ordnete der König Alexander am 14. Januar 1504 an, 203 Kavalleristen unter Führung von Johannes Kamieniecki zu versammeln. Für einen Kavalleristen bezahlte ihm der König 6 Florins⁶¹. Noch am 12. Januar 1504 wurde Johannes vom König zum Wiederaufbau der Stadtmauer in Busko verpflichtet, die im Laufe des Tatarenangriffs zerstört wurde. Für diesen Auftrag sollte Johannes die Geldmittel zurückbekommen⁶². Der König enttäuschte wieder, und die Geduld der Armee war schon fast erschöpft. Aus diesem Grund wurde im Jahre 1504 von den Befehlshabern der polnischen Armee ein Protest unter anderem unter Leitung von Johannes Kamieniecki organisiert. Sie kehrten aus Rotreußen nach Polen zurück, um die ausstehenden Gelder für die Soldaten zu fordern⁶³. Auch ohne den Protest war die politische Innensituation der polnischen Krone sehr schlecht. Es wurden die Gerüchte über Unruhen in Moldau verbreitet, sogar war auch die Rede von möglicher Intervention der Türkei⁶⁴. Der König entschied von Ver-

⁵⁷ AAleks, t. 19, nr 82; MRPS III, nr 544, 664, 665; Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 84, 94; L. Kolankowski, *Roty koronne...*, s. 145, 147; MK 19, k. 163= MRPS III, nr 1609; am 3 August 1503 sollte der König dem Johannes 150 Florins für 150 Kavalleristen geben, später wies er jedoch die Entscheidung zurück: MK 19, k. 162; MRPS III, nr 1588

⁵⁸ MK 19, 117; MRPS III, nr 1056.

⁵⁹ MK 19, k. 161; MRPS III, nr 1587.

⁶⁰ MK 19, k. 162; MRPS III, nr 1591.

⁶¹ MRPS III, nr 1132.

⁶² MRPS III, nr 967, 1123.

⁶³ Miechowita, s. 367; Wapowski, s. 276; F. Papée, *Aleksander...*, s. 97

⁶⁴ AAleks, nr 250

handlungen mit den Söldnern, die am 3. August 1504 zum Schluss gebracht wurden. Das überfällige Geld sollte vom 15. September 1504 bis zum 9. März 1505 zurückgezahlt werden⁶⁵. Unter diesen Protestführern befanden sich, außer Johannes Kamieniecki auch Peter Oleski, Peter Halicki, Nikolaus Zolkiewski, und Gebrüder Jerzy und Feliks Struś⁶⁶. Die vereinbarten Zahlungsbedingungen mussten eingehalten werden, denn die erwähnten Soldaten noch 1505 und 1506 bei Verteidigung der polnischen Grenzen dabei waren⁶⁷. Zum Erfolg der Verhandlungen brachten bestimmt die Brüder von Johannes Kamieniecki: Nikolaus (2) und Klemens (4) bei, wenn sie noch im Oktober 1504 für die dem König geleistete Hilfe belohnt wurden. Am 3. Oktober 1504 kriegte Klemens Kamieniecki 60 Mark Belohnung. Auf königliche Empfehlung sollte die Summe von der Sanok-Starostei ausbezahlt werden⁶⁸. Für seinen Dienst bekam auch Nikolaus Kamieniecki schon am 2. Oktober 1504. Dann vermachte ihm der König 1300 Florins in Zinsen und Einkünften der Sanok-Starostei⁶⁹. Am 12. Oktober 1504 wurde Nikolaus Kamieniecki erneut belohnt⁷⁰. Diese Preisverleihungen sind umso wichtig und von großer Bedeutung, dass laut der Verfassung aus dem Jahre 1504 die königlichen Berechtigungen im Bereich der Landverpfändung und Landzuteilung stark beschränkt wurden. Dieser Akt wurde nur in Bezug auf enorm verdienten Adligen angetan. Von den 52 Verleihungen, die im königlichen Urkundenregister (*Metrica Regni Poloniae*) eingetragen und bestätigt wurden (gesamt mit den Bestätigungen der früheren Verleihungen), wurden zugunsten von Nikolaus Kamieniecki (2) und Ambrozy Pampowski⁷¹ getan. Das bewies die Bedeutung von Mikolaj auf dem königlichen Hof.

Johannes Kamieniecki nahm auch am Krieg gegen Bogdan den III. im Jahre 1506 teil, den sein Bruder als Hauptführer leitete⁷². Der heutige Forschungsstand

⁶⁵ F. Papée, *Aleksander...*, s. 97.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ MK 19, k. 164; MRPS III, 1585 – 1597; 1625 – 1626; F. Papée, *Aleksander...*, s. 98

⁶⁸ MRPS III, nr 1714; A. Fasntancht, *Słownik historyczno – geograficzny...*, t. 2, s. 54.

⁶⁹ MK 21, k. 36=MRPS III, nr 1711; Z. Spieralski, *Geneza i początki hetmaństwa w Polsce* [Genese der Hetmanswürde in Polen], „Studia i Materiały do Historii wojskowości w Polsce” t. 5 (1960), s. 338.

⁷⁰ MK 21, k. 45=MRPS III, nr 1741; A. Fastnacht, *Słownik historyczno – geograficzny...*, t. 2, s. 55.

⁷¹ MK 21, k. 45=MRPS III, nr 1741; MK 21, k. 36=MRPS III, nr 1711; MK 21, k. 45 = MRPS III, nr 1732; L. Finkel, *Elekcja Zygmunta I. Sprawa dynastii Jagiellonów i unii polsko-litewskiej* [Die Wahl von Sigismund I. Die Frage der jagiellonischen Dynastie und der polnisch – litauischen Union], Kraków 1910, s. 45

⁷² Neben ihr gab es auch die Banner von Stanislaw Hynek und Iwan Prokyt (beide von 60

ließ jedoch keine näheren Informationen über seine Rolle in diesem Krieg anführen. Es ist aber sicher, dass er gemeinsam mit seinem Bruder – Martin (3)- an der Schlacht bei Orsza (1508) teilnahm⁷³. Sie kämpften damals gegen einen litauischen Rebellen, den Glinski, der mit Moskau zusammenarbeitete. Schon nach der Schlacht bei Orsza, als man glaubte, dass die Situation unter Kontrolle ist, griffen die Tataren am 23. April 1508 Wolyn an. Johannes Kamieniecki weilte damals in der Nähe von Miedzyborze und hatte nur 500 Kavalleristen zur Verfügung. Er entschloss, die von ihm geführte Armee mit der Armee von Andreas Sanguszko zu verbinden und gemeinsam mit ihm die Tatarenarmee anzugreifen. Es kam also zu einer Schlacht bei Woronowo (in der Nähe von Krasilow), die die Polen gewannen⁷⁴. Für diese Heldentat wurde er nach seiner Rückkehr vom König belohnt⁷⁵.

Johannes Kamieniecki nahm auch am Krieg gegen Bogdan den III. im Jahre 1509 teil. Wenn die Hauptarmee, die von Nikolaus Kamieniecki (2) geführt wurde, in der Nähe von Gliniany gesammelt wurde, sollte Johannes Kamieniecki zusammen mit 700 Kavalleristen diese Armee beschützen. Aus diesem Grund wurde er nach Pokutien geschickt.⁷⁶ Johannes Kamienieckis Rolle in diesem Krieg blieb bis heute unmöglich zu erforschen.

Laut Epitaphium von Johannes Kamieniecki, die sich im Saint Nikolai Kapelle in Wawel-Kathedrale befindet, starb er im ungefähr 50. Lebensjahr⁷⁷. Als

Kavalleristen), Fürst Wiśniowiecki und Michal Rac (von 50 Kavalleristen); Stanisław Lanckoroński, Iwan Barynowski, Piotr Kolas, (von 20 Kavalleristen); Brüdern Iskrzycki (von 12 Kavalleristen); Andrzej Ormiańczyk (10 Kavalleristen) und Stanisław von Chodcza (30 Kavalleristen), Siehe: AGAD, ASK, oddz. 86, nr 6a, k. 16, 17v, 18-19, 21, 23v, 25-25v, 28v-29v, 32v, 42v, 45-46, 47v; zob. też Z. Spieralski, *Z dziejów wojen...*, s. 116; K. Niemczyk, *Problem Pokucia, spornej terytorium polsko-mołdawskiego...*, s. 155-174.

⁷³ Letztes Mal waren sie im Sanok am 30. Juni bestätigt. Siehe: AGZ, t. 16, nr 3636, 3637, 3638, 3639.

⁷⁴ S. Starowolski, *Sarmatiae Bellatores...*, s. 157; M. Bielski, s. 940 – 941; *Rocznik Stanisława Naropińskiego*. [Jahrbücher von Stanisław Nakropinski], Monumenta Poloniae Historica (weiter: MPH). t. 3, Lwów 1878, s. 221; Z. Spieralski, *Jan Kamieniecki*, PSB, t. 11, s. 513; M. Plewczyński, *Wojny i wojskowość...*, s. 122; J. Besala, *Zygmunt Stary i Bona Sforza* (Sigismund I. und Bona Sforza). Poznań 2012, s. 142, der Autor schrieb aber irrtümlich nicht über den Johannes Kamieniecki sondern über Nikolaus.

⁷⁵ T. J. Lubomirski: *Trzy rozdziały ...*, s. 16 – 17; S. Herbst, *Wojna moskiewska 1507-1508*. 1507 – 1508), in: Księga pamiątkowa ku czci Oskara Haleckiego wydana w XXV-lecie jego pracy naukowej. Warszawa 1935, s. 258.

⁷⁶ L. Fac, *Południowo – wschodni teatr działań...*, s. 84; über Aushebung zum Militär, siehe: L. Kolankowski, *Roty koronne...*, s. 145.

⁷⁷ S. Starowolski, *Sarmatia Bellatores...*, s. 156 – 157.

Grund wurde Fieber genannt. Spieralski meinte, dass Johannes in der ersten Jahreshälfte 1513 starb⁷⁸. Seit 25. Oktober 1511 ist aber keine Information über Johannes zu finden. An diesem Tag wurde er zum letzten Mal in den königlichen Urkunden bestätigt⁷⁹. Zusätzlich, als am 20. August 1512 Nikolaus Kamieniecki (2) zusammen mit seinen Brüdern: Martin (3) und Klemens (4) die Grenzen zwischen seinem Dorf Besko und der dem Gebrüder Jakub, Feliks und Peter Pieniazek gehörenden Stadt Zarszyn absteckten, war Johannes nicht dabei⁸⁰. Wahrscheinlich war er schon damals krank oder schon verstorben.

MARTIN KAMIENTECKI (3). ROLLE DER KAMIENTECKIS IN ENTWICKLUNG DER MILITÄRKUNST IN DER POLNISCHEN KRONE

Martin Kamieniecki (1482 – 1530) war der jüngste von Heinrichs (2) Söhnen. Sein Geburtsdatum ist bis heute unbekannt. Zum Ersten Mal wurde er am 25. September 1496 in Urkunden bestätigt⁸¹. Das war aber die Fortführung einer Gerichtssache gegen Nikolaus Zborowski, die schon am 4. Februar 1496 angefangen wurde. Damals war jedoch Martin nicht dabei, obwohl die Rede von „*allen Brüdern Kamieniecki*“ war⁸². Man kann also vermuten, dass in dem Zeitraum zwischen 4. Februar 1496 und 25. September 1496 Martin Kamieniecki seine Volljährigkeit erreichte (d.h. im Mittelalter im 15. Lebensjahr), also er musste ungefähr im Jahre 1482 geboren worden sein. In den Urkunden wurde er immer als der letzte von den Brüdern angegeben, was ein Grund für die Schlussfolgerung bildet, dass er auch der jüngste von Henryks Söhnen war⁸³.

Die älteren Brüder waren für den jungen Martin ein leuchtendes Vorbild. Der große Sieg im Jahre 1506 gegen Bogdan III., an welchem seine Brüder teil-

⁷⁸ Z. Spieralski, *Jan Kamieniecki*, PSB, t. 11, s. 513.

⁷⁹ AGZ, t. 16, nr 3662, damals wurde er zum letzten Mal als Kastellan von Lviv gezeichnet. Sein Nachfolger mit diesem Titel (Martin Kamieniecki) wurde zum Ersten Mal am 10. November 1512 r. bestätigt. Siehe.: *Urzednicy wojewodztwa ruskiego XIV – XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka). Spisy*. [Beamten vom russischen Woiwodschaft in 14. – 18 Jahrhundert], ed. K. Przyboś, t. 3, z. 1. Wrocław 1987 (weiter: *Urz.Rus*), nr 836, 837.

⁸⁰ MRPS IV/ 2, nr 10276.

⁸¹ AGZ, t. 16, nr 3568, 3571.

⁸² AGZ, t. 16, nr 3357, Fortführung der Sache (23. Juni). Siehe: AGZ, t. 16, nr 3563.

⁸³ MK 17, k. 309; MRPS III, nr 264; AGZ, t. 16, nr 3582; *Wypisy źródłowe do dziejów Wawelu z archiwaliów kapitulnych i kurialnych krakowskich 1501-1515* [Urkunden zur Geschichte des Wawels 1501-1515], ed. B. Przybyszewski. Kraków 1965, nr 16.

nahmen, war nicht ohne Bedeutung für den jungen Mensch. Er wollte auch diesen Weg gehen. Aus diesem Grund begann er im Jahre 1508 seine militärische Karriere und trat *curienses* bei⁸⁴. 1509 nahm er schon an dem Feldzug nach Pokutien teil. Am 10. September bereitete sich polnische Armee, mit Martin Kamieniecki, auf den Weg nach Buczacz vor. Als sie die Stadt erreichten, erkrankte der König schwer und musste die Hauptführung der Armee dem Hetmann

Nikolaus Kamieniecki (2) übergeben⁸⁵. Die Rolle, die während dieser Expedition Martin spielte, ist heutzutage unmöglich zu erforschen. Die musste aber von Bedeutung sein, denn nach dem Rückkehr nach Polen bekam er ein Anerkennungsschreiben von Zygmunt dem I.⁸⁶. Aus dieser Expedition kehrte er wahrscheinlich zusammen mit seinem Bruder Nikolaus (2) am Ende des Jahres 1509 zurück⁸⁷ und begann die Vorbereitung auf seine Hochzeit. Auch im Jahre 1512 nahm er an einem Feldzug gegen Bogdan den III. teil, welcher von seinem Bruder Nikolaus geführt wurde⁸⁸. Es gibt leider keine Informationen über seine Rolle während dieses Krieges. Man kann aber vermuten, dass seine Teilnahme nicht bedeutungslos war, als er als Belohnung zu einem Kastellan von Lviv geworden ist⁸⁹. 1515 wurde Martin Kamieniecki zum Woiwoden von Podolien ernannt. Gleich danach wurde er zusammen mit dem Bischof von Kamieniec: Jakub Buczacki dazu verpflichtet, nach Moldau zu fahren und am Grenzkongress teilzunehmen⁹⁰. Die Urkunden schweigen betreffs Bedeutung von Martin Kamieniecki in diesem Ereignis und sogar die Informationen, ob der Kongress überhaupt zum Stande gekommen sei, wurden bis heute nicht gefunden.

Im Jahre 1516 nahm Martin an Expedition gegen Tataren teil. Im Juli besiegte er zusammen mit den Armeen von Johannes Tworowski und Stanislaw Lanckoronski zwei bewaffnete Tatarenscharen in der Nähe von Trembowla und

⁸⁴ MRPS IV/1, nr 406.

⁸⁵ MRPS IV, nr 819; K. Baczkowski, *Stosunki polsko – węgierskie...*, s. 571 – 572; M. Morka, *Sztuka dworu Zygmunta I Starego...*, s. 69; R. Trawka, *Kmitowie...*, s. 279.

⁸⁶ S. Starowolski, *Sarmatia Bellatores...*, s. 157 – 158.

⁸⁷ MRPS IV/2, nr 9275, 9280; AGZ, t. 9, nr 169.

⁸⁸ ATomic. t. 2, nr 64, 85; Wapowski, s. 108; K. Pułaski, *Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469-1515): akta i listy* [Beziehungen zu Mendli-Girej – der Khan von Tatarien], Warszawa 1881, s. 177.

⁸⁹ Urz.Rus, nr 837; Z. Spieralski, *Marcin Kamieniecki*. PSB, t. 11, s. 516.

⁹⁰ Urz.Mp, nr 631, er trat den Amt zwischen 2. Februar und 4. March an. Siehe: KDWRacz, nr 141; CIP. t. 3, nr 173; MRPS IV/2, nr 10521; ATomic, t. 3, nr 590, herausgegebene Dokument hat jedoch das falsche Datum und statt über Martin sagt er über Nikolaus Kamieniecki; Z. Spieralski, *Marcin Kamieniecki*. PSB, t. 11, s. 516.

Potok⁹¹. Einen Monat später, schon in Zusammenarbeit mit dem neuen Großhetman Nikolaus Firlej, besiegte er Tataren bei Wisniowiec⁹². Aufgrund dieses Erfolgs, wurde er zum polnisch – moldauisches Grenzkongress in Czerwone, der am 6. Juli 1517 stattfinden sollte, delegiert⁹³. Mit ihm sollten nach Moldau auch der Starost von Kamieniec, der Woiwode von Sandomierz und der Woiwode von Rothreußen reisen. Der Kongress fand aber wahrscheinlich nicht statt. Nächstes Mal wurde Martin Kamieniecki erst am 27. Februar und 4. März 1518 in den Urkunden erwähnt⁹⁴. Kamieniecki kämpfte auch in der Schlacht bei Sokal (1519) gegen die Tataren⁹⁵. 1520 wurde er Feldhetman geworden (in Urkunden als *vicecampiductor* bezeichnet)⁹⁶ und aus diesem Grund war ihm die südöstliche polnische Politik besonders wichtig. Leider geben die Urkunden nur sehr bescheidene Informationen über Martin in dieser Zeit an. Es ist aber bekannt, dass er eine Bedeutung in Organisation der polnischen Armee hatte. Als Polen große Probleme mit Unterhaltung seiner Armee hatte, wurden einige neuen Ideen überprüft, um die Lösung zu finden. Martin Kamieniecki wurde also als Befehlshaber der festen Einheiten (sog. Obrona potoczna, eine feste Armee, die ständig auf dem südöstlichen Grenzen stationieren sollte) ernannt. Diese Verteidigungseinheiten wurden jetzt in drei Teilen aufgeteilt. Das erste Teil, sog. Vorhut, diente dazu, auf dem Wilden Feld zu stationieren und dem Hetmann mögliche Gefahr früh mitzuteilen. Ein Führer dieser Gruppe ist Jakub Struś geworden. Das zweite Teil, die sog. Podolien-Gruppe, wurde von Johannes Tworowski geführt. Die Gruppe wurde für den Kontakt und die Zusammenarbeit mit litauischer Armee (Führer: Konstanty Ostrogski), moldauischer Armee und den von Starosten von Kamieniec und Chmielnik geführten Volkssturm zuständig. Die Hauptarmee, die von Martin Kamieniecki geführt wurde, sollte zwischen Zaloźce und Olesko sta-

⁹¹ ATomic. T. 4, nr 1; Z. Spieralski, *Marcin Kamieniecki*. PSB, t. 11, s. 516.

⁹² Ibidem.

⁹³ ATomic, t. 4, nr 188; Z. Spieralski, *Marcin Kamieniecki*. PSB, t. 11, s. 516.

⁹⁴ *Dokumenty polskie z archiwów dawnego Królestwa Węgier* [Polnische Urkunden aus dem Archiv vom alten Königreich Ungarn], t. 4 ed. S.A. Sroka, Kraków 2006, nr 829; F. Piekosiński, *Prawa, przywileje i statuty miasta Krakowa (1507 – 1795)* [Rechte, Privilegien und die Statuten der Stadt Krakau (1507 - 1795)], t. 1 (1507 – 1586), Kraków 1885, nr 11; MRPS IV/2, nr. 11478.

⁹⁵ M. Bileski, s. 542-543; L. Podhorodecki, *Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV-XVIII w.* [Khanat der Krim und seine Beziehungen zu Polen in 15.-18. Jahrhunderts], Warszawa 1987, s. 93-94. Der Autor machte aber kleinen Buchstabenfehler und anstatt über Martin Kamieniecki schrieb er über Martin Kalinowski. Siehe auch: ATomic. t. 5, nr 70.

⁹⁶ CIP. T. 3, nr 232; ATomic, t. 5, nr 283, 284.

tionieren⁹⁷. Diese Innovation steht jedoch eher im Zusammenhang mit der türkischen Gefahr (nach dem Tod von Selim dem II. wurde 1520 Soliman zu einem neuen Sultan geworden) und nicht mit Bedrohung seitens Moldau⁹⁸. Wahrscheinlich nahm Martin Kamieniecki auch an der Verteidigung der polnischen Grenzen vor der Türkei (Juni – August 1524) und Tataren (August – November 1524) teil⁹⁹. Das war seine letzte Aktivität, die mehr oder weniger mit polnisch-moldauischen Relationen in Verbindung stand. Danach lenkte er seine Aufmerksamkeit vor allem auf die Probleme mit dem Haus Habsburg und mit Ungarn. Marcin starb am 15. März 1530¹⁰⁰, wahrscheinlich wegen der sich verbreiteten Seuche.

Heinrich Kamieniecki (3) wurde im ca. 1460 Jahre geboren¹⁰¹, ist jedoch schon während der Schlacht gegen Tataren bei Wisnowiec im Jahre 1496 gefallen¹⁰². Klemens (4) und Stanislaw (2) spielten keine bedeutende Rolle in den polnisch-moldauischen Beziehungen ab. Klemens nahm nur an der Schlacht bei Wisniowiec teil¹⁰³, ohne wichtige Erfolge zu genießen.

⁹⁷ CIP, t. 3, nr 232; ATomic, t. 5, nr 282; Z. Spieralski, *Marcin Kamieniecki*. PSB, t. 11, s. 516; E. Janas, W. Kłaczewski, *Obrona ziem południowo-wschodnich w okresie jagiellońskim (1385-1569)* [Verteidigung der südöstlichen Grenzen von Polen in der Zeit der Jagiellonen-Herrschaft], in: *Działania militarne w Polsce południowo-wschodniej*, hrsg. W. Wróblewski, Warszawa 2000, s. 87; J. Kurtyka, *Z dziejów królewskiej i organizacji militarnej na Podolu w XV i początku XVI w.* [Zur Geschichte der militärischen Organisation im Podolien in 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts] „Rocznik Przemyski”, t. 43 (2007), z. 1, s. 41; Z. Spieralski, *Wojskowość polska w okresie odrodzenia 1454-1576*, in: *Zarys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864*, hrsg. J. Sikorski, t. 1. Warszawa 1965, s. 327; A. Bołdyrew, *Polska piechota zaciężna w systemie bezpieczeństwa państwa w pierwszej połowie XVI w.* [Polnische Söldner im Sicherheitssystem von Polen in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts], „Piotrkowskie Zeszyty Historyczne”, t. 13 (2012), s. 35.

⁹⁸ A. Wyczański, *Francja wobec państw jagiellońskich w latach 1515 – 1529* (Frankreich angesichts der jagiellonischen Staaten 1515 – 1529,) Wrocław 1954, s. 76; A. Dziubiński, *Stosunki dyplomatyczne polsko – tureckie...*, s. 43 – 45. Sulejmans Angriff auf Ungarn war aber nicht ohne Grund. Die Ungarn haben sich Hoffnung auf internen Konflikt in der Türkei gemacht und haben den Frieden nicht verlangt. Und dazu haben sie den türkischen Boten: Behrama, der nach Wien mit dem friedlichen Angebot gekommen ist, verletzt und dann getötet.

⁹⁹ A. Dziubiński, *Stosunki dyplomatyczne polsko – tureckie...*, s. 49.

¹⁰⁰ Boniecki, t. 9, s. 181.

¹⁰¹ *Metryka Uniwersytetu Krakowskiego z lat 1400 – 1508* [Urkunden aus dem Jagiellonen-Universität in Krakau aus der Jahren 1400 – 1508], t. 1, s. 400.

¹⁰² M. Bielski, s. 482; Wapowski, s. 21; M. Plewczyński, *Wojny Jagiellonów...*, s. 100; F. Papée, *Jan Olbracht*, s. 71; K. Pułaski, *Stosunki z Mendl-Girejem...*, s. 42.

¹⁰³ *Ibid.*

ZUSAMMENFASSUNG

Die kurze Darstellung der Rolle Kamienieckis in polnisch-moldauischen Beziehungen beweist, wie wichtig ihre Tätigkeit war. Vor allem die letzte, hier geschriebene Generation der Familie: Nikolaus (2), Johannes (2) und Martin (3) Kamieniecki, hat einen ganz großen Beitrag zur Relationen zu Moldau geleistet. Die drei haben die Ämter des Führers der Armee bekleidet und aus diesem Grund engagierten sich deutlich in die polnische Politik. Auch ihre Tätigkeit als Boten, die nach Moldau geschickt wurden, war nicht zu unterschätzen. Auf jeden Fall waren sie einer der Familien, die sich sehr stark in polnisch-moldauischen Beziehungen einen Namen gemacht hat, und daraus auch sehr profitierte. Dank ihrem Engagement und der Fähigkeit, die „richtigen“ Personen zu unterstützen, errichteten sie ein sehr großes Vermögen und große Anerkennung. Man sollte auch nicht vergessen, dass Martin Kamieniecki (1) fast ganzes Vermögen verschleuderte, auch wegen seines unvernünftigen Verhaltens und des Streites mit dem König Wladyslaw Jagiello. Seine Söhne hatten also schwierige Aufgaben vor sich, um die Position der Familie wiederaufzubauen. Diesen Prozess haben Heinrich (2) und Peter angefangen. Sie unterstützten die königliche Dynastie in ihrer Politik und genossen Profite dieser Politik. Heinrich (2) arbeitete an der Vermögensvergrößerung wieder. Jedoch erst die letzte hier geschriebene Generation der Familie, hat ihr Ansehen und Macht erreicht, und das haben sie der Zusammenarbeit mit Jagiellonen zu verdanken. Sie waren immer bereit, dem König bei den Problemen der südöstlichen Beziehungen zu helfen und ihn zu unterstützen. Dafür bekamen sie große Belohnung, so dass sie einer der berühmtesten und anerkannten Familien in dieser Zeit geworden sind. Ein sehr gutes Beispiel dafür ist Martin Kamieniecki (3) – der jüngste Sohn von Heinrich (2), dem der König Sigismund der I. als Heiratsgeschenk einen Ring, der von Walenty Stwosz¹⁰⁴ gestaltet wurde, schenkte; als während des Kampfes um den ungarischen Thron Johannes Zapoloya ihn in Kamieniec besuchte und um Hilfe bat, war auch ihrem Engagement für polnische südöstliche Politik zu verdanken.

¹⁰⁴ *Rachunki podskarbiego Andrzeja Kościeleckiego z lat 1510 – 1511* (Rechnungen von dem Schatzmeister Andreas Koscielecki aus der Jahren 1510 - 1511) ed. A. und H. Wajs, Kraków 1997, s. 4; L. Lepszy, *Pacyfikał sandomierski oraz złotnicy krakowscy drugiej połowy XV stulecia* (Goldschmiede aus Krakau in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts), „Sprawozdania Komisji Historii Sztuki”, t. 5. Kraków 1896, s. 97; A. Bochnak, *Mecenat Zygmunta Starego w zakresie rzemiosła artystycznego* (Handwerke unter der Schirmherrschaft von König Sigismunds I.), „Studia do dziejów Wawelu”, t. 2. Kraków 1960..., s. 243

Der Stammbaum des Kamienieckis Geschlecht

Liste der Abkürzungen in dem Stammbaum:

† - das Todesdatum

a. - ante

p. - post

f. - die Frau/Heiratsdatum

m. - der Mann/Heiratsdatum

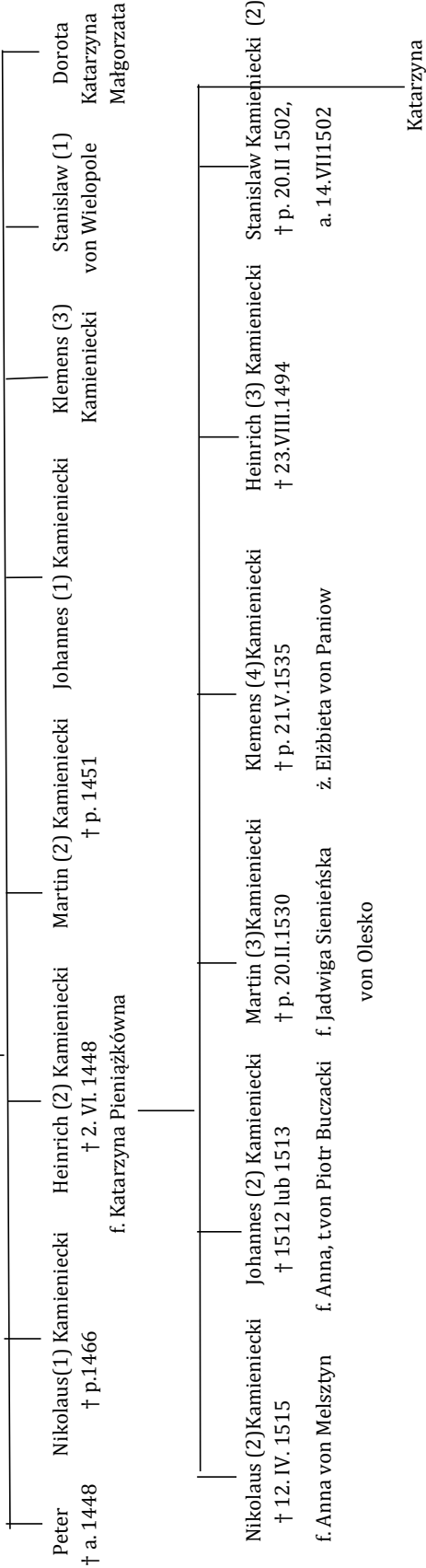
t. - die Tochter

Klemens Moskorzewski † 1408

Martin (1) Kamieniecki † a. 1439
f. Katarzyna, t. von Piotr Szafranec

Jadwiga

m. Piotr von Mokrsko

DIE DOKTORSCHULE FÜR THEOLOGIE BEI DER UNIVERSITÄT AUS CZERNOWITZ (1877 – 1918)

DOCTORAL SCHOOL OF THEOLOGY AT THE UNIVERSITY OF CZERNOWITZ (1877 – 1918)

Vasile BALTAG

Universitt „Stefan cel Mare“ Suceava
vbaltag88@yahoo.com

Rezumat: Școala doctoral de teologie la Universitatea din Cernuți (1877-1918)

Facultatea de Teologie, din cadrul Universitții Alma Mater Francisco-Josephina din Cernuți, a contribuit la formarea elitei intelectuale de factur ecleziastic, romn și ruten din Bucovina, dar și din alte provincii ale Imperiului Austro-Ungar (Dalmtia, Bosnia, Herțegovina, Slovenia) sau țri nvecinate (Romnia, Serbia, Bulgaria). Studiile de licenț și, mai ales, de doctorat din Cernuți, n domeniul teologiei, au cptat un deosebit prestigiu, datorit unor profesori de valoare precum: Isidor Onciul, Vasile Repta, Eusebiu Popovici, Olesi Comoroșan, Constantin Popovici, Vasile Mitrofanovici. Astfel, studiile doctorale n teologie ortodox din cadrul universitții cernuțene au devenit un pol de atracție pentru intelighenția ecleziastic din rsritul imperiului austro-ungar.

Abstract: Doctoral School of Theology at the University of Czernowitz (1877-1918)

Faculty of Theology of the Alma Mater Francisco-Josephina University in Czernowitz has contributed to the formation of Romanian and Ruthenian intellectual elite of ecclesiastical structure, both in Bukovina and in other provinces of the Austro-Hungarian Empire (Dalmatia, Bosnia, Herzegovina, Slovenia) or in neighboring countries (Romania, Serbia, Bulgaria). The theological undergraduate degree and, especially, the doctoral studies at University in Czernowitz has acquired a high prestige by virtue of some valorous professors like Isidor Onciul, Vasile Repta, Eusebiu Popovici, Olesi Comoroșan, Constantin Popovici, Vasile Mitrofanovici. Therefore, the doctoral studies in Orthodox Theology at the University of Czernowitz became a pole of attraction for the ecclesiastical intelligentsia of the eastern part of the Austro-Hungarian Empire.

R sum  : L' cole doctorale de th ologie de l'Universit  de Tchernovtsy (1877-1918)

La Facult  de Th ologie du cadre de l'Universit  Alma Mater Francisco-Josephina de Tchernovtsy, contribuia   la formation de l' lite intellectuelle de facture eccl siastique, roumaine et ukrainienne de la Bucovine, mais aussi des autres provinces de l'Empire Aus-

tro-Hongrois (Dalmatie, Bosnie, Herzégovine, Slovénie) ou des pays voisines (Roumanie, Serbie, Bulgarie). Les études de licence et surtout, de doctorat de Tchernovtsy, dans le domaine de la théologie, acquirent un prestige tout à fait particulier, grâce à des professeurs exceptionnels comme: Isidor Onciul, Vasile Repta, Eusebiu Popovici, Olesi Comoroșan, Constantin Popovici, Vasile Mitrofanovici. De cette manière, les études doctorales es théologie orthodoxe du cadre de l'Université de Tchernovtsy devinrent un pôle d'attraction pour l'intelligence ecclésiastique de l'est de l'Empire austro-hongrois.

Keywords: *Alma Mater Francisco-Josephina, Faculty of Theology, Doctoral School, Doctor Honoris Causa, Theologist*

Einleitung

Die Gründung der Universität aus Czernowitz von den österreichischen Reichsbehörden hatte als Hauptziele: die kulturelle und spirituelle Germanisierung von Bukowina, die Entwicklung einer intellektuellen Elite, anständig den Habsburger, die das Können und Tüchtigkeit in den Wirtschafts-, Verwaltungs-, Sozial- und Spiritualsachen des Reichs zeigen, sowie auch das Konkurrieren der Universität aus Iasi (1860), gesehen als ein *Schmelztiegel* des rumänischen Irredentismus, und als solche, als ein Gefahr für die Abzeichnung der neuen *Bukowinoidentität* des Norden Moldawiens. Beginnend mit der zweiten Halbe des 19. Jahrhunderts, vermehren die Bukowina-Rumäner numerisch und qualitativ ihre kulturelle und intellektuelle Elite, durch universitäre und nachuniversitäre Studien in Czernowitz und Wien. Die Mehrheit der rumänischen politischen Klasse in Bukowina hatte Lizenz und Doktorstudien in Jura, was löblich ist, wissend dass Bukowina eine der kleinsten Provinzen in Cisleithanien war. Das fand auch dank einiger praktischer Erwägungsgründe statt, im Sinne dass diese Doktoren der Rechte viel einfacher in Verwaltungs-, Regierungs- oder Gerichtsämtern antreten konnten.

Die Entwicklung einer Laienelite unter den Autochthonen aus Bukowina wurde vom numerischen und qualitativen Wachstum der Geistlicherelite ergänzt, die, nach der Gründung der Theologischen Fakultät aus Czernowitz, ihre Studien wesentlich verbessern konnte, auf der Ebene der Lizenz- und dann Doktorstudien. Sowohl die Laienpriester als auch die Mönche hatten Zugang zu qualitativen universitären und nachuniversitären Studien, was sowohl positive als auch negative Effekte hatte. Einige Kleriker wurden einfache Ämter des österreichischen Staats und sie trennten sich manchmal von der Nationalbewegung, dessen Promotoren sie sein sollten. Aus materiellen, finanziellen oder amtlichen

Gründen, wurde ein Teil der orthodoxen Priester aus Bukowina Befürworter des Konzepts von *homo bucovinensis*, gefördert von den österreichischen Behörden. Glücklicherweise hat die Mehrheit der rumänischen Kleriker wesentlich zur kulturellen und politischen Emanzipation der eigenen Landsmänner beigetragen, auch wenn diese Einstellung der Priester und Mönche Probleme mit den Behörden verursachte. Außerdem, konnte ein hoch gebildeter Klerus einfacher der scharfen Konkurrenz des ruthenischen orthodoxen Klerus oder anderen Konfessionen (römisch-katholisch, griechisch-katholisch, evangelisch oder calvinisch) gegenüberstehen. Wir können einfach beobachten dass die Theologische Fakultät aus Czernowitz ein Anziehungspunkt für die orthodoxen Priester aus Siebenbürgen, Banat, Rumänischer Königreich und auch aus dem serbischen Raum, unter österreichischer Kontrolle, geworden ist. Das zeigt uns die hohe Qualität der Lizenz- und Doktorstudien bei der Franz-Joseph-Universität in Czernowitz. Gleichzeitig zeigt uns die Liste mit Doctor Theologiae dass unter einfachen Kleriker auch viele Persönlichkeiten der rumänischen Kultur, wie Gala Galaction und Romulus Cădea in der Hauptstadt von Bukowina studiert haben. Als Folge, zeigt uns die hohe Nummer von Doctor Theologiae in Czernowitz dass die rumänische geistige Elite aus Bukowina nicht niedriger als die gleichen allogenen Eliten war. Es ist sehr wichtig zu erwähnen dass die Laienpriester und autochthonen Mönche aus Bukowina in dieser Weise zur Erhaltung der national-kulturellen Identität der Bukowina-Rumänen teilnehmen konnte, trotz der Schwierigkeiten oder Missbräuchen der habsburgischen Behörden, bis zur Zeit der Großen Vereinigung.

Die Gründung der Theologischen Fakultät

Der ältere Vorschlag des Bischofs Eugenie Hacman dass die Regierung von Österreich, aufgrund des bestehenden Theologieinstituts, eine Theologische Fakultät gründen sollte, mit Finanzierung aus den Einkommen des Religionsfonds aus Bukowina, zusammen mit der Finanzierungsvariante der Universität, die im aus den gleichen Fonds gegründeten Metropolitensitz funktionieren sollte, waren für den spätere Beschluss der österreichischen Regierung entscheidend, im Sinne dass Czernowitz Vortritt vor anderen Bewerber gewann.

Während das Budget für das Jahr 1875, in der Sitzung aus 26. September 1874, besprochen wurde, hat der Vorsitzender der Budgetkommission, der Referent Brestel dem Plenum vom österreichischen Abgeordnetenpalast vorgeschlagen: „Wir bitten die Regierung dass in der nächsten Sitzung ihre Meinung zu äu-

ßern in was die Gründung einer neuen Universität betrifft“¹.

Der Abgeordneter aus Bukowina, C. Tomaszczuk, wird einen Mittelweg suchen und wird in den Parlamentdebatten eingreifen (zum Beispiel in der Sitzung aus 26. März 1874) mit der Behauptung dass in Czernowitz nicht unbedingt die Gründung einer Nationaluniversität gewünscht wird, sondern einer Universität in der deutschen Sprache, die zur politischen Festigung der verschiedenen Nationalität, die im östlichen Teil des Reiches leben, beitragen wird. Der Vorschlag von Tomaszczuk wurde von den deutschen Abgeordneter Ernst Plener und Philologiedoktor R. Wildauer – Wildhausen unterstützt. Diese behaupteten dass die Universität aus Czernowitz ein spiritueller Stichpunkt inmitten der multinationalen Völker aus dem östlichen Teil des Reiches sein wird, und sie eine spirituelle einheitliche Beziehung im Reich schaffen wird. Schließlich haben beide Paläste den Vorschlag der Regierung die Universität aus Czernowitz zu gründen unterstützt, und als Folge wird der Ministerium für Lehre und Erziehung in Mai 1874 die Genehmigung für die Gründung der Universität ausstellen, und gleichzeitig ihre Finanzierung durch die Universität aus Lviv (Lemberg) beschließen. Die neue Universität wollte ein Jubiläumsgeschenk des Kaisers Franz-Josef I für das Herzogtum Bukowina sein, als 100 Jahren gefeiert wurden, seit dem Anschluss des Herzogtums zu Österreich. Am 4. Oktober 1875, am Namenstag des Kaisers, wird mit Glanz die fünfte Universität aus dem Reich, die kaiserliche Franz-Josefs-Universität aus Czernowitz, eröffnet, mit drei Fakultäten: Griechisch-Orthodoxe Theologie, Rechtswissenschaft und Philosophie. Der Zweck dieser Universität, offiziell „Alma-Mater-Francisco-Josephina“ genannt, war eine Festung der deutschen Kultur im Osten zu werden, gegenüber den polnisch-ungarischen Festungen in Lwiw und Cluj. Das war klar in der Gründungsdiplom erwähnt, wo es gesagt wird dass die neue Universität „ein deutscher Wissenschaftsschwerpunkt sein wird, und ein Anziehungspunkt für die vielen schwebenden Elemente des Ostens (...)“².

¹ Koordinatorprofessor S.S. Kostasen u.a., *Universitatea din Cernauti* [Die Universität aus Czernowitz], 1875 – 1995: *Pagini de istorie* [Geschichteseiten], Czernowitz – Ruta, 1995, Übersetzung Prof. Delia Martineac, Daktylographie, S. 9; Eine interessante Monografie der Universität aus Czernowitz in der österreichischen Zeit wurde von Anton Norst geschaffen, *Alma Mater Francisco – Josephina*, Czernowitz, 1900.

² Ion Nistor, *Istoria Bucovinei* [Die Geschichte von Bukowina], Bukarest, Humanitas Verlag, 1992, S. 16; Idem, *Istoria Bisericii din Bucovina și a rostului ei național-cultural în viața românilor bucovineni* [Die Geschichte der Kirche in Bukowina und ihrer national-kulturellen Zweck im Leben der Rumäner aus Bukowina], Casei Școalelor Verlag, Bukarest, 1916; siehe auch M(orariu)A(urel), *Bucovina. Date din punctul de vedere: administrativ, politic, Financiar, Industrial, Economic, Agricol, Scolastic, Juridic, Ecclesi-*

Die politische und kulturelle Elite der Rumänen aus Bukowina glaubte dass die Universität als Unterrichtssprache die rumänische Sprache haben sollte, so wie der Baron Alexandru Hurmuzachi schon seit 1868 beantragt hat: „(...) wir können nur die einfache und begreifliche Schlussfolgerung ziehen dass auch in den Schulen von hier, mindestens in den Schulen, die nach göttlichen und menschlichen Gesetzen unserer Nation gehören, man unbedingt ihre Sprache als Lehrmittel einführen muss. Das, liebe Herren, ist unser Recht, ein Recht worauf wir nicht verzichten können, denn wir haben die verwurzelte und heilige Pflicht dem Volk gegenüber, dessen Söhne wir sind, es zu konservieren und verteidigen, immer seine Erfüllung zu beantragen durch allen gesetzlichen Mitteln und mit der ganzen Energie, die uns die nationale Treue gibt“.³

Die Universität brauchte Professoren und darum viele österreichische und deutsche Professoren kamen zur neuen Institution (aus Heidelberg – Prof. F. H. Ferinh, Spezialist im Romanischen Recht; aus Hermannstadt – der heutige Sibiu – Prof. F. Schuler von Libloy, Spezialist im Deutschen Recht, Prof. Ferdinand Ziegler von Blumenthal, Spezialist in österreichischer Geschichte; aus Lviv – der Philologe Johan Vrobel; aus Wien – der Dozent Ludwig Schiffner, Spezialist im Zivilrecht, Prof. Dr. Rihard Psimbram, usw.) oder große Professoren von dort wurden Dozenten der Universität (Vasile Volian – Medizin, Iohan Vaisman – Staatsrecht; Isidor Onciul, Vasile Repta, Eusebiu Popovici, Olesi Comoroșan, Constantin Popovici, Vasile Mitrofanovici – Theologie).⁴

astic, etc., etc. [Bukowina. Verwaltungs-, Politik-, Finanz-, Industrie-, Wirtschafts-, Landwirtschafts-, Skolastik-, Rechtsdaten, usw.] Theodosiu Jonnițiu Verlag, Bukarest, 1915.

³ A. Hurmuzachi, *Carele e caracterul și tendința învățământului public la noi* [Welcher ist der Charakter und die Neigung in der öffentlichen Lehre bei uns] in „Foea Societății pentru literatura și cultura română în Bucovina“, Czernowitz, Jahr IV, 1868, Nr.1-2, S.62. Siehe auch Valenciu, Dumitru *Ierarhii Bucovinei* [Die Hierarchie von Bukowina], Suceava, Mușatinii-Bucovina viitoare Verlag, 2001; Idem, *Fondul bisericesc ortodox român din Bucovina. Probleme controversate*, [Der rumänische orthodoxe Fonds aus Bukowina. Umstrittene Probleme] „Miorița“ Verlag, Câmpulung Bucovina, 2010; oder Vorobchievici, Nestor, *Schițe istorice asupra unor evenimente marcante relativ la organizarea și dezvoltarea bisericii ortodox-orientale sub Împărăția Austriei* [Historische Entwürfe über wichtige Ereignisse über die Organisation und Entwicklung der orthodoxen Kirche im Österreichischen Reich], Czernowitz, 1900

⁴ Prof. Koordinator S. S. Kosteșen u.a, *op.cit.* apud Übersetzung Prof. D. Marțineac, S. 11; Necula Pr. Prof. Dr. Nicolae, *Contribuția preotului profesor Dr. Vasile Mitrofanovici la dezvoltarea disciplinelor Teologiei practice* [Der Beitrag des Professors Priester Dr. Vasile Mitrofanovici bei der Entwicklung der praktischen theologische Fächer] in „Studii Teologice“, Serie II, Jahr XL, 1988, Nr.5, Sept.-Okt., S. 104

Die Eröffnung der Universität bedeutete auch die Gründung des Senats. Als Rektor wird Dr. Constantin Tomaszczuk gewählt, bekannter Jurist, hervorragender Redner, aktiver Urheber der Gründung der Universität, stammend aus einer gemischten rumänisch-ukrainischen Familie, ein Unterstützer der deutschen Kultur und Sprache. Prorektor wurde der Theologieprofessor Eusebiu Popovici und bei der Theologischen Fakultät wurden als Dekan Theologieprofessor V. Mitrofanovici, Prodekan – Prof. I. Onciul, Senator – O. Comoroșan gewählt.

Bei der Gründung der Theologischen Fakultät spielte das Theologische Institut in Czernowitz eine große Rolle, denn hier gaben es schon die nötigen Bedingungen für die Gründung einer solchen Schule. Die Organisierung des Instituts zwischen 1866 – 1872 wie eine Fakultät, die Vorbereitung und Ernsthaftigkeit der Professoren, sowie auch ihre wissenschaftliche Forschung, haben es ermöglicht dass die Lehreinstitution aus Czernowitz die Grenzen eines einfachen Instituts zu überwinden. Das wurde auch vom Minister für Kultus und Unterricht aus dieser Zeit, Dr. Karl Lemayer, ausgezeichnet: „Auf dieser Weise hat das Institut seit lange die Grenze eines einfachen Diözeseninstituts überschritten und er hatte schon alle Bedingungen für seine Umwandlung in einer theologischen Fakultät erfüllt. Diese Umwandlung wurde von den Professoren schon mehrmals beantragt, auch vor der Gründung der Universität aus Czernowitz, und zwar mit dem Ergebnis der Gründung einer eingeständigen theologischen Fakultät, mit dem Recht den Doktorgrad zu teilen“⁵.

Die neue universitäre orthodoxe Institution aus dem ganzen österreichisch-ungarischen Reich und aus dem ganzen Süd-Osten Europas⁶ funktionierte im monumentalen Metropolitensitz, in linken Seitenflügel, wo noch die Kirche, Internat und die Bibliothek waren⁷. Bei der Fakultät konnten nur Gymnasiums-

⁵ Isidor Onciul, *Ceva despre mersul și desvoltământul culturei teologice și clericale în Bucovina* [Etwas über die Entwicklung der theologischen und geistlichen Kultur in Bukowina], in „Candela” Nr. I, Jahr II, Czernowitz, 1. Januar 1883, S. 293

⁶ Eine Theologische Fakultät gab es nur in Athen, die seit dem Jahre 1837 nach dem deutschen Muster funktionierte. Gemäß Prof. Eusebiu Popovici, *Facultatea teologică din Cernăuți și celelalte școli teologice ortodoxe răsăriten* [Die Theologische Fakultät aus Czernowitz und die anderen orthodoxen theologische Schule im Osten], in „Candela”, Jahr III (1884), S. 538

⁷ Siehe Dr. Simeon Reli, *Reședința Mitropolitană din Cernăuți și meșterul ei, arhitectul Iosif Hlavka* [Der Metropolitensitz in Czernowitz und sein Meister, der Architekt Iosif Hlavka], in „Candela”, Jahr XLIII (1932), S. 33 oder Idem, *Politica religioasă a Habsburgilor față de Biserica ortodoxă-română în secolul al XIX-lea în lumina unor acte și documente inedite din arhiva Curții imperiale din Viena* [Die religiöse Politik der Habsburger der rumänischen orthodoxen Kirche gegenüber im 19. Jhd. aufgrund einiger originellen Urkunde aus der Archiv des Kaiserhofs aus Wien], Czernowitz, 1929

absolventen studieren. Der Ort wo die zukünftigen Kleriker ihre liturgische Vorbereitung verbesserten blieb das Theologie Institut, Seminar genannt, das zusammen mit der theologischen Fakultät weiter funktionierte. Hier wurden die Typik und Homilektik studiert, und man konnte Kurse für Fremdsprachen und Kirchemusik besuchen. Die Leitung gehörte einem Rektor, zusammen mit einem Präfekt und ein Spiritual. Wir müssen erwähnen dass das Theologische Institut nicht nur ein Heim für Unterkunft und Ernährung für Studenten war, sondern auch ein hohes Studieninstitut wo höheres kirchliches Praktikum und Erziehung getrieben wurde⁸. Seit dem Jahre 1875 vollendeten alle Priestertumsbewerber in Bukowina ihre Studien in Czernowitz.

Bei der Theologische Fakultät aus Czernowitz wurde eine exegetische, historische und praktische Theologie für vier Jahre studiert, die Studien endeten sich mit einer Lizentiatenprüfung, und danach konnte man den Doktor machen, der an diesem Datum eine ganz andere Struktur hatte, als das spätere oder aktuelle Doktorat.

Im Leben der Theologischen Fakultät aus der Hauptstadt Bukowina gaben es drei Hauptabschnitte. Der erste Abschnitt fand zwischen 1875 – 1918 statt, als Bukowina unter österreichisch – ungarischer Beherrschung war, Zeitraum, der das Objekt dieses Studiums ist, ein zweiter Abschnitt, zwischen 1918 – 1940 als Bukowina mit Rumänien vereinigt wurde, und ein dritter Abschnitt, zwischen 1940 – 1948, als die Theologische Fakultät nach Suceava zweimal fliehen musste, und dann wurde sie abgeschafft.

Wenn die neue Universität aus Czernowitz als Tribüne ausgedacht wurde, wodurch der Vorgang der Unverstaatlichung der Rumänen gehetzt wurde, und die fremde und steife Kultur der Habsburger verbreitete, war die Theologische Fakultät die, die zur Wiedergeburt des rumänischen Geistes und der Nationalkultur beigetragen hat.

Die theologische Fakultät aus Czernowitz, organisiert nach deutschem Muster, bekam in kurzer Zeit einen besonderen Ruhm. Es werden Jungen aus Rumänien, Serbien, Bulgarien, Dalmatien, Bosnien, Herzegowina, Slowenien, usw. kommen. Trotzdem bestand der größte Teil der Studenten aus Bukowiner. Im Jahre 1900, aus 36 Studenten, waren 29 Rumänen, ein Ukrainer und der Rest anderer Nationalitäten. Die Theologieprofessoren aus Czernowitz hatten eine sorgfältige wissenschaftliche Aktivität. Am Anfang hatten sie ihre Vorlesungen lithographiert und dann haben sie sie gedruckt. Ihre Kurse und Traktate hielten Schritt mit der Verlag- oder Bibliographieneuigkeiten aus den westlichen Aka-

⁸ *** *Seminarul clerical* [Der clerical Seminar] in „Cuvântul Preotesc“, Jahr I (1934), Nr. 5, S. 5.

demien. In manchen Fächern, gaben es in der Theologischen Fakultät aus Czernowitz Professoren die keinen Gleichwertigen in anderen rumänischen theologischen Zentren hatten. Wir erwähnen hier Vasile Mitrofanovici mit dem ersten Handbuch für Liturgik und Homilektik; den Gelehrten Vasile Găină mit einem einzigen Traktat zu dieser Zeit in der östlichen Theologie: Theorie der Offenbarung, die in allen Bibliotheken der großen westlichen theologischen Akademien eintrat; Nicolae Cotos mit seinem bis dann einmaligem Studium in der Rumänischen Orthodoxen Kirche: Die Einäscherung und die Beerdigung; Emilian Voiutchi mit dem ersten Traktat über die Orthodoxe Moral und der erste rumänische Doctor Theologiae; Eusebiu Popovici mit seiner monumentalen Arbeit Kirchengeschichte; den Gelehrten Vasile Gheorghiu mit seiner ersten Einleitung in den Heiligen Büchern des Neuen Testaments, aus den Orthodoxen Kirchen, und die Beispiele können weiter gehen.

In dieser Theologischen Fakultät, die zur Entstehung der rumänischen und ukrainischen Intellektualität aus Bukowina beigetragen hat, herrschte der Geist des Verständnis, Toleranz, Menschlichkeit und gegenseitigen Achtung⁹.

Die Gründung der Doktorschule. Verordnungen, Wirken

Das Ansehen der Professoren der neuen Theologische Fakultät aus Czernowitz überzeugte die österreichischen Behörde, „Die Rigorosa Statuten für die Theologische Fakultät der Universität Czernowitz“, ohne Rückhalt, durch den kaiserlichen Beschluss aus 14. April 1879, zu genehmigen¹⁰.

⁹ Constantin Ungureanu, *Bucovina în perioada stăpânirii austriece 1774-1918* [Bukowina während der österreichischen Herrschaft 1774-1918], Civitas Verlag, Chişinău, 2003, S.225; siehe auch Dan Dimitrie, *Rolul preoţimii bucovinene în menţinerea românismului de la robirea (1775) – la desrobirea Bucovinei (15/XI 1918). Un adaos la istoria bisericii române* [Die Rolle der Priester aus Bukowina in der Erhaltung der Rumänischheit von der Besetzung (1775) bis zur Befreiung von Bukowina (15/XI 1918). Eine Beilage zur Geschichte der rumänischen Kirche], Czernowitz, Verlag Mitropolitul Silvestru, 1925

¹⁰ *Rigorosumssorder für die griechisch-orientalische theologische Fakultät der Franz-Joseph Universität in Czernowitz* in Dr. Isidor de Onciu, „Ceva despre mersul şi desvoltământul culturai teologice şi clericale în Bucovina“ [Etwas über die Entwicklung der theologischen und geistlichen Kultur in Bukowina], in „Candela“ Jahr II, 1883, Nr. 7, 1. Juli, S.354-357. Siehe auch Nistor Ion, *Bisericile şi şcoala greco-română din Viena* [Die griechisch – rumänische Kirchen und Schule], Bukarest, 1932; Idem, *Istoria Fondului Bisericesc din Bucovina* [Die Geschichte des kirchlichen Fonds in Bukowina], Czernowitz, 1921.

Der Titel „Doctor Theologiae“ konnte durch die Ablegung von zwei Rigorosa erworben sein, nur von orthodoxen Studenten, die die Kurse der Fakultät aus Czernowitz besucht haben, oder die die Kurse einer anderen Fakultät innerhalb der österreichischen Monarchie, als Vollzeitstudenten, besuchten.

Weil es auf dem Gebiet der Monarchie keine nach den österreichischen Staatsnormen organisierte Fakultät für orthodoxe Theologie gab, sondern nur Institute mit Kursen von drei Jahren, hatte das Kultusministerium die Möglichkeit Rigorosa zu genehmigen, nur für die Absolventen, die eine gültige Maturabescheinigung und eine Nummer von Semestern bei der Theologischen Fakultät hatten. Die Ausnahme waren die Absolventen des Theologischen Instituts Czernowitz, falls sie eine gültige Maturabescheinigung hatten.

Der Prüfling bei der Zulassung der Ablegung der Rigorosa musste einen Antrag beim Dekan der Theologischen Fakultät einreichen, der die Pflicht hatte ihn mit dem Professorenkollegium zu verhandeln, oder, in besonderen Fällen, ihn an Kultus- und Bildungsministerium zu schicken. Die komplette Akte – Maturabescheinigung, Absolutorium und alle persönlichen für die Zulassung bei der Ablegung der Rigorosa nötigen Urkunden, mussten beim Dekan abgelegt sein.

Die Rigorosa musste man aus folgenden Fächern vorbereiten:

a) Bibelstudium und Exegese des Alten und Neuen Testaments und Kirchengeschichte.

b) Dogmatik, Moraltheologie, praktische Theologie, Kanonisches Recht.

Die Reihenfolge der Prüfungen konnte nicht geändert sein, die Prüfungen mussten öffentlich sein und ihre Dauer war von mindestens zwei Stunden. Der Prüfling musste die Prüfung in der Sprache ablegen, in der der Kurs bei der theologischen Fakultät in Czernowitz unterrichtet wurde. Eine Ausnahme konnte man machen nur falls der Prüfling seine Studien bei einer anderen theologischen Hochschule gemacht hat, und die Kurse in einer anderen Sprache gehört hat.

Die Rigorosa I und II konnten nicht gleichzeitig abgelegt sein. Der Dekan hatte die Pflicht zu überwachen dass zwischen ihnen einen Termin von mindestens drei Monate war. Nur als Ausnahme für das Erzielen eines besseren Ergebnisses, einstimmig angenommen von den Mitgliedern der Prüfungskommission, konnte der Dekan einen kürzeren Termin genehmigen.

Die Prüfungskommission bestand aus dem Dekan – dieser konnte in besonderen Fällen vom Prodekan ersetzt sein – und vier Professoren als Prüfer, normalerweise Ordinarien der Studienfächer. In den Fällen wenn, aus gut begründeten Anlassen, einer aus diesen nicht teilnehmen konnte, könnte er vom Supplent vom gleichen Fach ersetzt sein, oder falls dieser fehlte, von jenem Professor, der den Kurs vertrat oder von einem anderen, der einen ähnlichen Fach

unterrichtete. Zum Beispiel Präsident zwischen 1877 – 1886 bei der Bibel- und Geschichtekommission war V. Mitrofanovici und Mitglieder die Professoren: Eusebiu Popovici, Isidor Onciul, Vasile Repta, Constantin Popovici und Priest Artemie Berariu, Pfarrer in Ceahor¹¹ und die Kommission für Systematik und Praktikum hatte im Zeitraum 1877 – 1881 Eusebiu Popovici als Präsident und folgende Mitglieder: V. Mitrofanovici, Dr. Fried. Verig, Myron M. Călinescu, Vasile Ilasievici (Konsistorialrat), Mihai Pitey, Iancu von Zotta, Alexie Comoroșan, C. Popovici.¹²

Es muss erwähnt sein dass (gemäß Art. 9 aus der Verordnung), die Nummer der vier Prüfer mit anderen Ordinarien ergänzt sein konnte, aber diese hatten nur das Teilnahmerecht und keine Prüfungspflicht. Die Ratversammlung hatte die Aufgabe die Nummer der Prüfer zu ergänzen, aber die Vorschläge waren zum Kultusministerium, für Genehmigung, geschickt. Gleichzeitig, für den Fall wenn beim gleichen Objekt mehrere Ordinarien waren und die Nummer der Kommissionsmitglieder überschritten war, denn wurden sie designiert, alternativ teilzunehmen.

Der Kommissionspräsident hatte das Prüfungsrecht, aber er durfte dieses Recht auch nicht benutzen. Er hatte aber die Prüfungspflicht, falls er der Ordinarius eines Prüfungsfachs war, und falls, gemäß des Alternativitätsprinzips, seine Reihe war. In diesen Fällen hatte die Prüfungskommission drei Mitglieder, und der Präsident bekam ein Doppelentgelt.

Es war die Pflicht jedes Mitglieds der Prüfungskommission anwesend während der Prüfung zu sein. Die Benotung des Prüflings und der Endbeschluss wurden nur als Folge einer Rücksprache der Kommissionsmitglieder beschlossen. Die Zensuren waren: „Ausgezeichnet“, „Genügend“ und „Ungenügend“. Das Endergebnis war von der Stimmenmehrheit festgestellt, aber, im Falle einer Parität (falls die Kommission nur vier Mitglieder hatte, Art. 11 der Anordnung) war das Ergebnis nach den ungünstigeren Stimmen für den Prüfling festgestellt.

Falls ein Prüfling „Ungenügend“ bekam, hatte er das Recht die Prüfung ganz zu wiederholen, nach einem Termin von drei Monaten. Bekam er auch dieses Mal eine ungünstige Note, hatte er das Recht die Prüfung noch ein Mal zu wiederholen. Ob er das gleiche Ergebnis bekam, war der Prüfling endgültig ausgeschlossen, und konnte sich nicht mehr für den Titel Doctor Theologiae bei einer Universität der Königreiche oder der im kaiserlichen Senat vertretenen Länder erwerben.

¹¹ *Schematismus der Bukowinaer griech.-orient. Erzbischöflicher Diözese für Jahr 1878-1886.*

¹² *Schematismus der Bukowinaer griech.-orient. Archiepiscopal Diocese für Jahr 1878-1881.*

Der Prüfling musste für die Ablegung jeder Rigorosumsprüfung eine Gebühr von 30 Florin bezahlen, österreichisches Geld. Der Präsident und jeder Mitglied der Prüfungskommission bekamen je 5 Florin, und der Rest wurde dem Kanzleifonds der Universität gegeben. Für die Wiederholung einer Rigorosumsprüfung bezahlte der Prüfling je 15 Florin; jedes Mitglied bekam 3 Florin, und nichts ging zum Kanzleifonds.

Die Einkassierung dieser Beträge war durch die reale Anwesenheit der Mitglieder der Prüfungskommission bedingt. Falls ein Mitglied der Prüfungskommission, aus jedem Grund, sich nicht zum Dienst meldete, wurde er vom Dekan ersetzt, und der Supplent bekam den Betrag. Aber falls die Ersetzung nicht versichert sein konnte und die Prüfung fand durch die Bemühungen der anderen Mitgliedern der Prüfungskommission statt, wurde die freie Gebühr nach dem Beschluss des Professorenrates benutzt.

Die feierliche Erteilung des Titels „Doctor Theologiae“ wurde unter der Leitung des Universitätsrektors und in der Anwesenheit des Dekans der theologischen Fakultät gemacht, und einer der Ordinarien war „Promotor“ (der Vorleger des Prüflings). Auch für diese Festlichkeit musste man 40 Florin, österreichisches Geld, bezahlen. Für seine Vornehmung, bekam der Rektor 15 Florin, der Dekan und Promotor je 5 Florin, und der Rest ging zum Kanzleifonds der Universität, und das deckte die Kosten für die Ausfertigung der Diplomen, aber auch andere Kosten für die Organisation der akademischen Festlichkeiten.

Die Rigorosumsordnung für die Griechisch-orientalische Theologische Fakultät der Franz-Joseph Universität in Czernowitz trat im Jahre 1877 in Kraft und der Titel Doctor Theologiae wurde bis während des ersten Weltkriegs gegeben. Danach, nach einer Unterbrechung, wird den Titel bis während des zweiten Weltkrieg gegeben.

Doctor Honoris Causa

Bis im Jahre 1918 wurde den Titel „Doctor Honoris Causa“ folgenden Persönlichkeiten verlieht: Am 25. Juli 1875 an Silvestru Morariu Andrievici, Metropolit von Bukowina und Dalmatien; Procopie Ivascovici, Erzbischof von Karlowitz und Patriarch der Serben; Miron Romanul, Metropolit von Siebenbürgen; Stefan, Ritter von Kuczewcz, Bischof von Zara; Gherasim Petranowicz, Bischof von Katar; Erzpresbyter Mitroforus Ioan Turcan, Konsistorialberater; Erzpresbyter Mitroforus Vasile Ilasievici, Konsistorialberater und Vasile Mitrofanovici, öffentlicher Ordinarius bei der Theologischen Fakultät aus Czernowitz.

Am 19. Juni 1881 wird den Titel dem Bischofs Nicodim Milas, Theologieprofessor und Rektor des Seminars aus Zara, und am 16. November 1896 an Vasile Vladimir von Repta, verlieht.

Am 26. Mai 1911 wird den Titel dem Archimandrit Myron Calinescu und Prof. Archim. Clemens C. Popovici verlieht.

Sehr beehrend für einen Prüfling, aber auch für die Universität aus Czernowitz war die Versetzung „sub summis auspiciis imperatoris“. Der Titel wurde nur an denen Prüflingen gegeben, die während der Gymnasium- und Universitätsstudien nur die besten Zensuren bekamen. Die Theologische Fakultät aus Czernowitz hatte die Ehre zwei Mal diesen Titel an ihren Studenten zu verleihen: am 22. Juli 1893, dem Absolvent Vasile Găină und am 28. Juni/11. Juli 1912 dem Absolvent Romul Cădea.

Die Versetzung von Dr. Vasile Găină fand statt in der Anwesenheit des Landpräsidenten, des Barons Krauss, des Metropoliten Silvestru Morariu, begleitet vom ganzen Eparchiekonsistorium, des Landesmarschalls Iancu Lupu, begleitet von oberem Beamten, allen Professoren der Universität, und des Großvaters des Prüflings, „ein ehrwürdiger Dörfler mit dem Silbernen Kreuz ausgezeichnet“¹³. Sohn von Bauern aus Măzăniști, Suceava, erstaunte er die Lehrer vom Gymnasium aus Suceava (1879 – 1887) und als Student Theologe war er „schrecklich“ für die, die für Lektorate verantwortlich waren, denn er war eine wahre wandernde Bibliothek. Warmer Unterstützer der armen Studenten und einer der beteiligten Professoren in der Aktivität der nationalen Aufschwung¹⁴, ist er als Gründer der Fundamentaltheologie bei den Orthodoxen Rumänen gesehen.

Der Ring mit Brillanten wurde ihm vom Kaiser Franz Josef durch den Landespräsidenten verlieht, und Promotor war der große Professor Eusebiu Popovici¹⁵.

Im zweiten Fall, des Dr. Romul Cădea, hat die Versetzung in der Anwesenheit des Reichshofrats Eusebiu Popovici, Konsistoriumsberaters Triteanu von Sibiu (die Eparchie wovon der Prüfling kam), Propsts von Avrig, Ioan Cădea (der Vater des Prüflings), Landregierers Dr. Rudolf, Graf von Meran, des Leiters der Präsidentenkanzlei, Dr. Iosif Graf von Ezdorf, des Rektors Dr. Ștefan Saghin,

¹³ *La promoțiunea sub summis auspiciis imperatoris* [Bei der Promovierung sub summis auspiciis imperatoris] in „Candela“, Jahr XII, 1893, Nr. 8, 1. August, S. 533

¹⁴ Man muss nicht vergessen, dass er der einzige Professor der Universität aus Czernowitz ist für wen, die Studenten, öffentlich Beiträge gesammelt haben und ihm ein schönes Grabdenkmal gebaut haben, das auch heute im rumänischen Friedhof in Czernowitz existiert.

¹⁵ *La promoțiunea sub summis auspiciis imperatoris* [Bei der Promovierung sub summis auspiciis imperatoris] in „Candela“, Jahr XII, 1893, Nr. 8, 1. August, S. 534.

Dekans der Theologischen Fakultät Dr. Vasile Tarnavski und des Promotors Dr. Clemens C. Popovici, stattgefunden. Die Ansprache des Prüflings über „Das Leben und die Aktivität von Teodor Studitul“ beeindruckte die Assistenz durch die Neuheit der Informationen¹⁶.

Bis zur Vereinigung der universitären Bildung nach dem ersten Weltkrieg, bedeutete den Titel „Doctor Theologiae“, erworben bei der Theologischen Fakultät in Czernowitz den Besitz eines Noblesstitels in theologischen Wissenschaften. Alle Studenten aus anderen Ländern, die diesen Titel erworben haben, hatten den Weg offen zu den höchsten Ämtern in ihrem Land und ihrer Kirche.

Der erste Weltkrieg verursachte die Stilllegung der Universität aus Czernowitz. Die einzige Fakultät, die auch während des Weltkrieges funktioniert hat, war die Theologische Fakultät. Sowohl die Professoren als auch die Leitung der Fakultät mit dem Dekan Stefan Saghin haben sich bemüht um in dieser Zeit ein ständiges Klima zu versichern.

Nach 144 Jahre fremder Besatzung, hat Bukowina mit dem Vaterland am 28. November 1918 vereinigt. Die ausgezeichneten Leute aus Bukowina, versammelt im Marmorsaal der Metropole aus Czernowitz, „beschlossen die bedingungslose Vereinigung für immer der alten Bukowina, in ihrer alten Grenzen bis zum Tscheremosch, Colacin und Dnister, mit dem Rumänischen Königreich“¹⁷. Der Traum der Rumänen aus diesem Lande wurde erfüllt, und dazu haben fast alle Theologieprofessoren aus Czernowitz beigetragen. Von nun an wurden auf großen und entscheidenden Taten für den Fortschritt des kirchlichen und nationalen Lebens in diesem Teil des Landes hingedeutet.

Schlussfolgerungen

Die Theologische Fakultät aus Czernowitz konstituierte sich als ein kräftiger spiritueller Leuchtturm, der über die ganze balkanische Orthodoxie geleuchtet hat, sich an einigen ähnlichen Institutionen aus dieser Zeit anschließend, wie die aus Athen oder Kiew. Ihre Professoren waren wirklich wertvolle Theologen, Persönlichkeiten mit einer ausgewählten Kultur, Verfasser von Studien und Synthesen, ihre Vorlesungen haben die Grundlagen der rumänischen Theologie gesetzt. Viele Absolventen wurden Professoren, andere Dekane und Rektoren, und jenseits vom Lehrstuhl und Altar wurden sie Vermittler für die Verteidigung der

¹⁶ *A doua promoție „sub auspiciis Imperatoris“ la facultatea de teologie din Cernăuți* [Der zweite Jahrgang „sub auspiciis imperatoris“, bei der Theologischen Fakultät aus Czernowitz] in „Candela“, Jahr XXXI, 1912, Nr. 8, August, S.439-445.

¹⁷ Ion Nistor, op. cit., S. 397

Rechte der Rumäner. Hier haben die Orthodoxie des christlichen Glaubens nicht nur die Volkssöhne aus Siebenbürgen, Banat, Moldau und Walachei gelernt, sondern auch die Söhne anderen orthodoxen Ländern aus dem Balkan. „Der Name der Theologischen Fakultät aus Czernowitz wurde mit dem gleichen Respekt geachtet sowohl im Norden als auch im Süden der orthodoxen Länder. Die Griechen, Serben, Bulgaren zusammen mit den Rumäner begründeten hier, in Czernowitz, ihr Glauben und vorbereiteten sich für ihre Berufung von zukünftigen Leitern ihrer Kirche. Bis zur Grenze von Russland und darüber hinaus, wurde die Theologische Fakultät aus Czernowitz zu einer bestimmten Zeit, der Zentrum der theologischen orthodoxen Wissenschaft und Kultur, dank der festen Organisation, die ihre Begründer gegeben haben und der wissenschaftlichen Methode in Forschung und Darlegung der vielen und schwierigen Problemen in allen theologischen Fächern, die ihre Professoren angewendet haben“.¹⁸ Alle diese werden auch von der großen Nummer von Doktoranden bewiesen, wie wir gesehen haben, die sich hier vorbereitet haben, und die sich gründlich für die Beanspruchungen gebildet haben.

Hier werden die meisten Professoren von unseren alten theologischen Fakultäten und Akademien aus Bukarest, Chişinău, Siebenbürgen und Banat, studieren und wir können sagen dass diese Lehrinstitutionen der Theologischen Fakultät aus Czernowitz ihre wissenschaftliche Reife schulden. Die unsterblichen Theologieprofessoren von hier, wahre Apostel der Orthodoxie, haben einen Elitepriestertum in Bukowina belehrt, erzogen und gebildet, die unter historischen Schwierigkeiten geschafft haben die rumänische Orthodoxie lebendig zu erhalten. Diese Festung der Orthodoxie und der rumänischen nationalen Kultur schafft es den ökumenischen Geist zu fördern und die Grundlagen der rumänischen theologischen Wissenschaft zu stellen.

Heute, in der ehemaligen Provinz des Habsburgischen Reichs funktioniert eine Theologische Fakultät in Czernowitz, abhängig von der Ukrainischer Kirche und der Theologische Seminar „Metropolit Dosoftei“ in Suceava, dessen Bibliothek teilweise die Bücher der Bibliothek der Theologischen Fakultät aus Czernowitz besitzt. Im ehemaligen Sitz der Theologischen Fakultät aus Czernowitz, der neu eingerichtet wurde, befindet sich die Nationale Jurij-Fedkowytsh-Universität, und in Suceava, im ehemaligen Gebäude der Fakultät funktioniert die Bukowina-Bibliothek „I.G. Sbiera“.

¹⁸ Vasile Loichiţă, *Lui Vasile Tarnavski* [Für Vasile Tarnavski], „Candela“, Jahr XLII (1938), S. 3.

ANHANG
Doctor Theologiae rumänischer Ethnie der Franz-Josefs-Fakultät
aus Czernowitz

Nr.	Name des Doktors	Jahr der Verteidigung der Doktorarbeit	Synthetische, biographische und berufliche Daten
1.	Voiuțchi Emilian	24. Februar. 1881	- der erste Doktor der Theologischen Fakultät aus Czernowitz. Supplent (1881) und Ordinarius beim Lehrstuhl für Moral (1888 – 1920), Supplent beim Lehrstuhl für Altes Testament (1897 – 1900).
2.	Ioan (Ieronim) Topală	1. März. 1882	der zukünftige Rektor des Clerical Seminars
3.	Oreste Popescu	26. April 1882	Katechet, Propst der Kloster Sucevita und Sf. Ioan Suceava, Exarch der Kloster aus Bukowina
4.	Diak. Varlaam Răileanu	1885	zwischen 1885 – 1899 Direktor des Veniamin Seminars, später Bischof.
5.	Ion Cornoiul	1885	Student der theologischen Fakultät aus Czernowitz (1880 – 1884); Professor beim Lehrstuhl für Enzyklopädie und Methodologie der Theologischen Studien, Exegese und Einführung im Neuen Testament bei der Theologischen Fakultät aus Bukarest (1885 – 1913)
6.	Iuliu (Iosif) Olariu	1885	aus Banat, Caransebes ¹⁹ , Professor und Direktor des Theologisch- Pädagogischen Instituts aus Caransebes (1885 – 1920). Er war der erste Doctor Theologiae in Czernowitz unter den Theologen aus Siebenbürgen und Banat
7.	Teodor Tarnavschi	1885	Supplent aus dem Jahr 1891 und Ordinarius seit 1896 beim Lehrstuhl für Praktische Theologie der Theologischen Fakultät aus Czernowitz

¹⁹ Candela, 1885, S. 270

8.	Georgescu (Petre) Pimen	1885	Professor beim Lehrstuhl für Dogmatische Theologie und Symbolistik der Theologischen Fakultät aus Bukarest (1885 – 1902). Bischof von Arges (1895 – 1902), Bischof von Unterdonau (1902-1909); Metropolit von Moldawien (1909 – 1934)
9.	Timuș Gherasim	1885	Professor für Hebräisch und Altes Testament bei der Theologischen Fakultät Bukarest; Prälat (1886) Bischof in Arges (1893 – 1911).
10.	Conon Arămescu Donici	1885	Absolvent der Fakultät für Wissenschaften und Philologie aus Iasi, besuchte zwischen 1880 – 1885 die Kurse der Theologischen Fakultät in Czernowitz und hat auch das Doktorat bekommen. Ehemaliger Erster Metropolit, wurde von den Liberalen gezwungen vom Stuhl zurückzutreten, denn er blieb zusammen mit seinen Gemeindemitgliedern während der deutschen Besatzung (1916 – 1918)
11.	George Popovici (Bănăţanul – Der Banater)	1886	Professor beim Theologischen Institut aus Caransebes (1886/1887) und dann Propst von Lugoj (1887/1927). Korrespondierendes Mitglied der Rumänischen Akademie (1909)
12.	Alexandru (Atanasie) Mironescu	1886	Absolvent der Theologischen Fakultät aus Bukarest und Czernowitz. Supplent beim Zentralseminar (1886 – 1887) Moralprofessor bei der Theologischen Fakultät aus Bukarest (1887 – 1897); Bischof-Stellvertreter von Ramnic, Erzbischof, Erster Metropolit zwischen 1909 und 1911, als er nach Cernica zurückzog.
13.	Tarnavski Vasile	1886	Professor beim Lehrstuhl für Biblisches Studium des Alten Testaments und Hebräisch (1900 – 1932)

14.	Corneliu de Săvescul	1886	Katechet
15.	Trăilescu Ioan	1886	Supplent beim Theologisch-Pädagogischen Institut aus Arad.
16.	Saghin Ștefan	1888	Professor beim Lehrstuhl für Dogmatische Theologie der Theologischen Fakultät aus Czernowitz (1900 – 1920), Supplent beim Lehrstuhl für Fundamentale Theologie (1907-1919), Dekan der theologischen Fakultät, Rektor der Universität aus Czernowitz 1919 – 1921, „Doctor Honoris Causa“ der Theologischen Fakultät aus Athen, Dogmatiker mit Publizistikaktivität (zwei dogmatische Monografien), die einen realen Fortschritt in der systematischen Theologie ausprägen.
17.	Puticiu Traian	1888	aus Lipa Banat in Ungarn
18.	Chiricescu Constantin	1889	Professor beim Seminar aus Husi (1889-1892), dann beim Seminar Veniamin aus Iasi (1892-1894) Professor für Kirchenväterkunde und Dogmengeschichte bei der theologischen Fakultät aus Bukarest (1894-1928).
19.	Traian Bădescu	1889	aus Sopotul Vechi - Ungarn, Professor bei der Theologisch-pädagogischen Institut aus Caransebes; Mönch (1902) unter dem Namen Iosif, ehemaliger Bischof von Caransebes
20.	Dimitrie Barbu	1889	- in Rumänischen Peșca (Ungarn)
21.	Badea Cireșanu	1891	Absolvent der Theologischen Fakultät in Czernowitz (1886-1890), ehemaliger Professor beim Seminar Curtea de Arges (1883-1886), Professor beim Lehrstuhl für Liturgisch, Pastoral, Homiletik und Katechetik bei der

			theologischen Fakultät aus Bukarest (1891-1919) und Supplent beim Morallehrstuhl (1898-1901).
22.	Petru Barbu	1891	4. April 1891 - Lugoj, Ungarn. Ehemaliger Professor beim Theologisch-Pädagogischen Institut aus Caransebes (1892-1908), beseitigt von den Ungarn (wegen der Propaganda für Vereinigung, denn er wurde Vizepräsident der rumänischen Nationalrats gewählt), aber wiedereingegliedert und genannt als Rektor am 1. März 1919. Er blieb in diesem Amt bis zu seiner Pensionierung im Jahre 1937.
23.	George Luță	1891	geboren in Horodnicul de Sus, Bukowina ²⁰ . Lehrer in Straja.
24.	Găină Vasile	1893	Promoviert Doctor Theologiae „sumis auspiciis imperatoris“. Professor beim Lehrstuhl für Dogmatik und christliche Philosophie der Theologischen Fakultät aus Czernowitz (1896-1907), angesehen als „Begründer der fundamentalen Theologie bei den Orthodoxen Rumänen“
25.	Pascan Ioan		Katechet
26.	Petre Ionescu	1896	wurde im Jahre 1900, Erzpriester in Berlinti, Arad
27.	George Mihuță	1896	
28.	George Proca	1896	
29.	Constantin Popescu	1896	
30.	George Dragomir	1896	aus Lugoj, Ungarn (der 10. Kandidat aus Ungarn), Priest, Professor bei der Theologisch-Pädagogischen Institut aus Arad (1897 – 1900) und Caransebes (1900 – 1912), beseitig

²⁰ „Candela“, Jahr X, 1891 Nr. 9, Sept., S. 580

			vom Lehrstuhl bei den ungarischen Behörden wegen seinen patriotischen Aktionen. Er wird in einem Krankenhaus in Sopron – Ungarn (1918) sterben
31.	Gheorghiu Vasile	1897	Aus dem rumänischen Königreich
32.	Letici Gheorghe	1897	der erste Serbe „Doctor Theologiae“
33.	Dinulescu Ștefan	1897	ehemaliger Professor beim Seminar aus Husi.
34.	Suciu (Iulian) Justin	1897	Professor beim Theologischen Institut aus Arad (1900-1938), ein sehr guter Biblist
35.	Ipolit Tarnavski	1897	Metropolitberater in Czernowitz, Abgeordneter im kaiserlichen Kammer in Wien, Staatssekretär für Kulte im Bukowina-Kabinett
36.	Teodor Botiș	1900	ursprünglich aus Valea Neagra, Eparchie von Arad; Professor beim Theologischen Institut und beim Pädagogischen Institut aus Arad, Rektor der Theologischen Akademie aus Arad (1918-1938), Herausgeber der eparchialen Zeitschriften aus Arad: <i>Biserica si Scoala</i> (Die Kirche und die Schule) (1917 – 1921) und <i>Calendarul Diecezan</i> (Der Diözesekalender) (1905 – 1919 und 1921 – 1923).
37.	Lazăr Gherman	1900	Katechet aus Siret
38.	Nectarie (Nicolae) Cotlarciuc	1900	Ehemaliger Bischof von Cetatea Alba (1923-1924), Metropolit von Bukowina (1924-1935).
39.	Ioan Ciupic	1901	
40.	Dimitriewicz V.	1901	
41.	Valerian Șesan	1901	Professor bei Lehrstuhl für kirchliche Jura der Theologischen Fakultät aus Czernowitz (1913-1940)

42.	Silvestru Octavian Isopescu	1901	einer der größten Orientalisten in Rumänien, der Übersetzer des Korans auf Rumänisch. Dozent für orientalische Sprachen und das Alte Testament bei der Theologischen Fakultät in Czernowitz (1908-1918), Professor für Griechische Sprache und Literatur bei der Fakultät für Philologie der Universität aus Iasi (1918-1922).
43.	Ioan Coțec	1902	
44.	Cassian Brenzan	1902	
45.	Aurel Crăciunescu	1902	Professor beim Theologischen Institut aus Sibiu (1903-1929) beim Lehrstuhl für Biblische Studien des Alten Testaments, Patriarchalischer Berater (1929 -1943)
46.	D. Verenca	1902	Professor, Historiker von Bukowina
47.	Vaso Vujic	1903	aus Dalja, Diözese von Karlowitz
48.	Toma Popovici	1903	aus Bosnien
49.	George Zublokovics	1903	Sekretär beim Serbischen Bistum aus Timisoara
50.	Simion Popovici	1904	
51.	Virgil Cioban	1904	
52.	Bălan Nicolae	1905	ehemaliger Professor in Sibiu (1905 – 1920), Erzbischof von Sibiu und Metropolit von Siebenbürgen (1920-1955), großer Theologe und Politiker, Ehrenmitglied der Rumänischen Akademie.
53.	Cioloa Dimitrie	1905	Professor für Neues Testament, Moral und Pastoral beim Theologisch-Pädagogischen Institut aus Caransebes (1908-1938), Folklorist

54.	Ciuhandu Gheorghe	1905	Theologischen Kursen in Arad (1893-1896) dann in Czernowitz (1900-1902). Berater für Schulproblemen beim Bistum von Arad (1905-1938), einer der wichtigsten Historiker der orthodoxen Kirche aus Transsilvanien und Banat, Ehrenmitglied der Rumänischen Akademie.
55.	Dimitrie Borcea	1906	
56.	Orest Tarangul	1906	ehemaliger Eparchieberater in Czernowitz und Suceava
57.	Pavel Roșca	1907	aus Transsilvanien, Philosophiedoktor in München (1910), Professor beim Theologisch-Pädagogischen Institut aus Sibiu (1911-1919) für pädagogische Fächer (Pädagogik, Pädagogikgeschichte, Didaktik und Methodik, Psychologie) dann Professor bei der Handlungsakademie aus Cluj (1928-1948), Prorektor aus Cluj und Rektor in Brasov.
58.	Iacob Lazăr	1908	Professor beim Lehrstuhl für kirchlichen Jura beim Theologischen Institut aus Arad (1908-1921), transferiert bei der Juraakademie aus Oradea (1921-1934), Professor bei der Jurafakultät der Universität Cluj (1934-1938) und dann bei der Theologischen Fakultät aus Bukarest (1938-1948).
59.	Casian Breabăn	1908	Priester II in Milisauti
60.	Aurel Mihaescu	1909	Banater
61.	Felea Ioan (Mönch Irineu)	1909	Beamter beim Erzbistum Sibiu, für eine Weile Professor für Kirchliche Gesänge und Typik beim Theologisch-Pädagogischen Institut aus Sibiu, Spiritual beim theologischen Internat in Bukarest (1927-1944).

62.	Grigore Pișculescu (Gala Galaction)	1909	Ordinarius beim Lehrstuhl für Einführung und Exegese des Neuen Testaments bei der Theologischen Fakultät in Chisinau (1926-1941) Exegeseprofessor des Alten Testaments bei der Theologischen Fakultät aus Bukarest (1941-1947).
63.	Nicolae Stinghe	1909	
64.	Avram Imbrone	1910	aus Banat
65.	Silviu Dragomir	1910	Theologische Fakultät aus Czernowitz und Fachstudien in Wien und Forschungen in Archiven (1909-1910), Karlowitz und Belgrad (1910), neue Spezialisierungsstudien bei der Kirchliche Akademie und Universität aus Moskau (1910-1911). Professor beim Theologisch-Pädagogischen Institut aus Sibiu (1911-1919), Professor für die Geschichte des Süd-Osten Europas bei der Philologie- und Philosophie fakultät der Universität Cluj (1919-1947)
66.	Cornel Corneanu	1910	
67.	Ilie Păsăilă	1910	
68.	Ion Puiu	1910	
69.	Ioan Broșu	1910	
70.	Cotos Nicolae	1911	Professor beim theologischen Seminar aus Chisinau (1918-1919) und dann Professor für Fundamentale Theologie bei der Theologischen Fakultät aus Czernowitz (1921-1940). Er unterrichtete auch die Religionspsychologie, christliche Philosophie und Sektologie, und vertrat für eine Weile den Lehrstuhl für Dogmatik und Symbolik

71.	Cioroianu Ștefan	1911	Priester und Propst (1921-1940), Kulturberater beim Bistum von Timisoara
72.	Ion Mărdan	1911	Sâmbăta de sus, Siebenbürgen
73.	Nicola Marcovici	1912	aus Debelobrdo, Kroatien
74.	Constantin Papuc	1912	aus Turches in Ungarn
75.	Câdea Romulus	1912	wurde das Doktorat unter dem Titel „auspiciis imperatoris“ verliehen. Professor beim Theologisch-pädagogischen Institut aus Sibiu (1915-1919), Professor für kirchliche Geschichte bei der Fakultät aus Czernowitz (1919-1922), dann Ordinarius des Lehrstuhls für Mittlere, Moderne und Zeitgemäße Weltgeschichte bei der Philologie- und Philosophie fakultät aus Czernowitz (1922-1940), Professor für Weltgeschichte bei der Philologie- und Philosophie fakultät Cluj (1940-1947).
76.	Vasile Loichița	1912	Professor beim Theologischen Institut aus Caransebes (1907-1924) und dann bei der Theologischen Fakultät aus Czernowitz (1924-1924), hat als Dogmatiker herausgetreten
77.	Nicolae Popovici	1913	aus Rumänischen Bocsa. Professor für kirchliche Geschichte und kirchlichen Jura bei der Theologischen Akademie aus Arad (1922-1945).
78.	Munteanu Ștefan	1914	Ehemaliger Studienpräfekt in Arad, Supplent bei der pädagogischen Abteilung des Theologischen Institut Arad, Professor für Altes Testament und Hebräisch bei der Theologischen Akademie in Oradea (1923-1948), Rektor bei dieser Akademie (1936 – 1939), Kulturberater der Eparchie

			von Oradea
79.	Domițian Spănu	1914	Theologische Fakultät in Czernowitz, wo er das Doktorat bekommt, Spezialisierungsstudien in Wien, Strassburg und Paris. Supplent beim Gymnasium, Priester in Galanesti (1923-1925), Professor Supplent (1925), dann Ordinarius beim Lehrstuhl für Moral der Theologischen Fakultät aus Czernowitz (einige Jahre hat er auch den Lehrstuhl für kirchliche Weltgeschichte ersetzt); eine Zeit Dekan der theologischen Fakultät, Prorektor der Universität aus Czernowitz.
80.	Buzdug Andrei	1916	(1891-1939) – aus Siebenbürgen, Priester, Professor bei der Orthodox-theologisch-universitären Institut aus Cluj (1924 – 1939), mit einer reichen Aktivität in praktischen Fächern. ²¹ Die Theologische Fakultät aus Czernowitz hatte das Recht die Verleihung des Titels von „Doctor Teologiae Honoris Causa“ dem Kaiser vorzuschlagen, für Persönlichkeiten mit verdienstvoller Aktivität.

²¹ Pr. Prof. Dr. Alexandru Moraru, *op. cit.*, S. 336

FOND ARCHIVISTIQUE MAXIMILIAN HACMAN

MAXIMILIAN HACMAN ARCHIVE FUND

Radu Florian BRUJA

Universit   „Ștefan cel Mare” Suceava
radub@atlas.usv.ro

Rezumat: Fondul arhivistic Maximilian Hacman

Reconstituirea trecutului necesit   o documenta  ie variat  , de la documente personale la memorii, de la coresponden  a privat   la m  rturiile celor care l-au tr  it, de la opera   naintașilor la criticii acesteia (acestora), toate menite s   refac   un tablou c  t mai fidel.   ntre sursele primare, documentele arhivistice   i-au c  știgat   nt  ietatea. Arhivele rom  nești sunt p  str  toarele unui num  r considerabil de fonduri dispersate prin avatarurile istoriei   n depozitele Serviciilor respective, din toate jude  tele. Articolul de fa   propune o scurt   trecere   n revist   a Fondului personal Maximilian Hacman p  strat   n patrimonial Serviciului Arhivelor Na  ionale Iași. Pentru relevarea importan  ei documentare a fondului, ar  t  m c   documentele care i-a apar  tinut profesorului cern  ușean Maximilian Hacman, ofer   informa  ii despre mediul academic al Universit  ții din Cern  ușii. Fondul con  ine o serie din studiile sale, publicate sau r  mase   n manuscris, totaliz  nd 61 de dosare   i acoperind o perioad   de 38 de ani,   ntre anii 1903   i 1941. Fondul con  ine documente originale   i copii   n limbile rom  n     i german  . Semnalarea acestui fond, pu  in studiat de c  tre cercet  tori, reprezint   un act de recuperare a biografiei unei personalit  ți a Bucovinei interbelice   i un   ndemn la studiu pentru cercet  torii trecutului   i pentru specialiștii   n drept interesați de opera deschiz  torilor de drumuri   n știin  a rom  neasc  .

Abstract: Maximilian Hacman Archive Fund

The past reconstruction needs a diversified documentation, from personal documents to memoirs, from private correspondence to the confessions of the people who experienced it, from the work of the ancestors to their critics, all of them meant to reproduce the picture as close as possible. Among the primary sources, the archive documents have gained their priority. The Romanian archives are the keepers of an impressive number of funds dispersed in the warehouses of those Services in all the counties. The present article proposes a short review of the Maximilian Hacman Personal Fund that was kept in the patrimony of the National Archives Department of Jassy. In order

to highlight the documentary importance of the fund, the documents collection that belonged to the Chernivtsian professor Maximilian Hacman, offer information about the academic environment of the University of Chernivtsi, presented through his activity on the scientific land. The Fund contains a series of his studies, some of them published or that remained in the manuscript, totalizing 61 files and covering a period of 38 years, between 1903 and 1941. The Fund contains original documents and copies in Romanian and German. Signalizing this fund that was little studied by the researchers, represents an act of recovery of the biography of a great personality of the inter-war Bukovina and an impulse to study for the researchers' of the past and for the law specialists that are interested in the work of the path breakers in the Romanian science.

Résumé: La reconstitution du passé nécessite une documentation variée, de documents personnels à mémoires, de la correspondance privée aux témoignages de ceux qui ont vécu, de l'œuvre des ancêtres à leurs critiques, tous voués à reconstituer le plus fidèlement le tableau. Parmi les sources primaires, les documents des archives gagnèrent la primauté. Les archives roumaines gardent un nombre considérable de fonds dispersés par les avatars de l'histoire dans les dépôts des Services respectifs de tous les départements. L'article ci-joint se proposa de passer en revue le Fond personnel Maximilian Hacman gardé dans le patrimoine du Service des Archives Nationales Iași. Afin de relever l'importance documentaire du fond, la collection de documents qui appartient au professeur de Tchernovtsy Maximilian Hacman, offre des informations sur le milieu académique de l'Université de Tchernovtsy, présenté par son activité scientifique. Le fond contient une série de ses études, publiées ou restées en manuscrit, totalisant 61 dossiers et couvrant une période de 38 ans, entre 1903 et 1941. Le fond contient des documents originels et des copies dans les langues roumaine et allemande. Signaler ce fond, peu étudié par les chercheurs, représente un acte de récupération biographique d'une personnalité de la Bucovine de l'entre-deux-guerres et une impulsion pour les chercheurs du passé et pour les spécialistes es droit intéressés à étudier l'œuvre des ouvriers de chemins dans la science roumaine.

Keywords: Archives, Maximilian Hacman, juridical studies, international law, manuscripts.

Introduction

Dans les Archives roumaines, on trouve un nombre considérable de fonds personnels, certains plus difficiles à identifier, dispersés dans les dépôts des Services des Archives de tous les départements. Plusieurs fonds personnels des personnalités plus ou moins importantes de la Bucovine, à travers les avatars de

l'histoire, devinrent les collections des autres Services d'archives. De cette manière, dans le patrimoine du Service des Archives Nationales Iași on retrouve plusieurs fonds personnels des représentants de la Bucovine. Parmi ceux-ci, on remarque, aussi, le Fond personnel Maximilian Hacman portant le numéro d'inventaire 2250.

Ces fonds ont le rôle de faire connaître la vie et l'activité des personnalités dans la société, leur dévoilant la vie privée, l'activité, leurs réalisations et échecs, les espoirs et les désirs, les événements importants et les détails de leur vie. Lorsqu'on écrit l'histoire, il ne suffit pas l'appel aux sources officielles. On complète ceux-ci par les archives personnelles qui reconstituent mieux l'esprit et les mentalités de l'époque. Conformément à un répertoire archivistique des fonds personnels, "la totalité des documents qu'une personne créa le long de sa vie et de son activité, ou qui appartinrent à la personne respective"¹ forment ceux-ci. On ne connaît pas les circonstances dans lesquelles le fond personnel de documents de Maximilian Hacman arriva à Iași, mais les signaler et les remettre dans le circuit historiographique représente une nécessité sociale. Son évaluation de perspective archivistique, mais aussi par sa valeur documentaire représente l'unique méthode de le garder en dehors de l'"amnésie de l'histoire". Tout en partant d'une étude du monde archivistique allemand, on souscrit à l'idée que "l'évaluation archivistique – ainsi que celle historiographique, on ajouterait – n'est pas une méthode qui favorise l'oubli, mais représente l'unique voie à suivre par laquelle on préserve durablement le souvenir"². On peut évaluer le fond Max Hacman d'une triple perspective : archivistique, historique et juridique. Quoique relativement peu nombreux, les documents aient une valeur multiple, nous offrant une perception sur des réalités disparues. Spécialiste es droit international, Max Hacman évalua les systèmes politiques et les régimes politiques de son époque, surtout ceux totalitaires. A cause du régime répressif instauré en Roumanie vers la fin de sa vie, on empêcha l'analyse historiographique de son fond, qui ne resta pas dans la mémoire de l'historiographie. Un de nos premiers objectifs fut de remettre le corpus de

¹ Filofteia Rînzîș, *Arhive personale și familiale* [Archives personnelles et de famille], vol. I *Repertoriu arhivistic* [Répertoire archivistique], București, Arhivele Naționale ale României, 2001, p.17.

² Apud Matthias Buchholz, *Munca arhivistică – (uneori) mai mult decât un act de prevenire a amneziei. Cazul „Arhivei literaturii oprimate din RDG”* [Le travail archivistique – (parfois) plus qu'un acte de prévention de l'amnésie. Le cas des "Archives de la littérature opprimée de RDA"], en „Revista Arhivelor” [“La Revue des Archives”], LXXXVI, no.1/2009, p.54.

documents dans l'attention de celle-ci. De plus, la postérité même fut injuste avec Maximilian Hacman qui communia la destinée injuste des intellectuels bucoviniens captifs des avatars du XXème siècle. En même temps, on y fit une précision sur les limites de notre enquête, nous limitant à essayer à apporter quelques éléments sur la biographie de Maximilian Hacman et la valeur des sources documentaires gardées aux Archives de Iași. Le but de l'article ci-joint n'est pas de nature archivistique, mais historiographique, de manière qu'on présente le matériel qu'on vient d'analyser en ordre évolutif et quantitatif. On ne l'y problématiza pas.

Une personnalité académique : le professeur Maximilian Hacman

Quelques données biographiques sur la vie du professeur Maximilian Hacman s'imposent. Celui-ci naquit le 13/25 août 1877 dans le village Oprișeni, des alentours de la ville Siret, de Bucovine. Maximilian fut le neveu du métropolite Eugeniu Hacman et le fils du prêtre Vasile Hacman qui servit à l'église de Oprișeni entre 1857 et 1879³. Il commença ses études dans le village natal, continua avec le lycée à Tchernovtsy. Toujours dans la capitale de la Bucovine il finit ses études à la Faculté de Droit devenant juriste, spécialiste ès droit commercial et cambial. L'année 1904, il soutint son doctorat en droit à Tchernovtsy, tout en se dédiant à "des sujets difficiles du domaine juridique"; par conséquent, il se fit remarqué par les professeurs de l'université de Tchernovtsy et on l'envoya afin de compléter ses études aux Universités de Berlin et Zurich les années 1909-1910.

Max Hacman s'est inscrit sur la trajectoire des hommes politiques roumains de la Bucovine qui militèrent pour la cause nationale. Il devint membre de la Société académique "Junimea" ["La Jeunesse"] et de l'année 1901 le président de celle-ci. Il définit ses idéaux dans le discours de l'Assemblée Générale de "Junimea" de 17 novembre 1902, devenant un activiste politique pour le maintien de l'identité nationale des Roumains. Rentré dans le pays de Berlin, il s'impliqua dans les actions des sociétés roumaines de la Bucovine, soutint des conférences sur divers sujets, faisant son début en 1911 avec le thème "Sur la famille aux anciens Roumains" qu'il traita du point de vue

³ Dumitru Covalciuc, *Oprișeni, un sat la răspântiile istoriei* ["Oprișeni, un village aux carrefours de l'histoire"], Zelenă Bucovina, éditeur M. Șapcă, 2008, p.241.

juridique. Toujours ces années-là, il commença à publier en “Călindarul Bucovinei” [“Le Calendrier de la Bucovine”]⁴.

A la fin de la première guerre mondiale, celui-ci s’est mis, ensemble aux intellectuels roumains de la Bucovine, au service de la cause nationale⁵. Il s’impliqua activement dans les événements le long de l’automne de l’année 1918, soutenant Sextil Pușcariu dans le projet de fondation d’un journal roumain. On le retrouve parmi les 14 fondateurs du journal “Glasul Bucovinei” [“La Voix de la Bucovine”], qu’on mit au service de l’union de cette province-là avec le Royaume roumain. Il fut cosignataire de l’article – programme „Ce vrem?” [“Que voulons-nous?”], dès le premier numéro daté le 22 octobre 1918. Il devint un des cinq rédacteurs de “Glasul Bucovinei” et membre dans le Conseil National Roumain⁶. Il participa au Congrès Général de la Bucovine de 28 novembre 1918 et vota pour l’union de la Bucovine avec la Roumanie⁷. Il eut un rôle important dans l’unification de la Bucovine avec la Roumanie et dirigea le Secrétariat pour le Commerce et l’Industrie dans le Conseil des Secrétaires d’Etat avec rôle de gouvernement provisoire après l’union⁸. Il dirigea, comme intérimaire, le secrétariat pour les affaires intérieures en 1921, aussi, et une année plus tard, on l’élut directeur général du département pour les affaires intérieures⁹. De septembre 1919, approché de Ion Nistor, il devint membre du Parti Démocrate de l’Union, avec orientation philo libérale, “Glasul Bucovinei” devenant l’officieux du groupe P.N.L. de la province unifiée avec la Roumanie¹⁰. Les documents du fond personnel laissent s’entrevoir sa position vis-à-vis l’unification législative de la Bucovine avec le reste du pays et les difficultés de ce procès. “Nous vivons dans le signe du zodiaque de l’Unification. Depuis deux années toutes entières, nous ne faisons autre chose que nous unifier, nous avec la patrie – mère, ensuite la patrie – mère avec nous”. Il exprima, de cette manière, son mécontentement

⁴ *Ibidem*, p.384-385.

⁵ Doina Alexa, *Ion Nistor – dimensiunile personalității politice și culturale* [Ion Nistor – les dimensions de la personnalité politique et culturelle], Rădăuți, Editura Institutului Bucovina-Basarabia, 2000, p.104-105.

⁶ Dumitru Covalciuc, *op. cit.*, p.385.

⁷ Ion Nistor, *Istoria Bucovinei* [L’histoire de la Bucovine], București, Humanitas, 1991, p.393-394.

⁸ Vlad Gafița, *Iancu Flondor (1865-1924) și mișcarea națională a românilor din Bucovina* [Iancu Flondor (1865-1924) et le mouvement national des Roumains de la Bucovine], Iași, Editura Junimea, 2008, p.270.

⁹ Dumitru Covalciuc, *op. cit.*, p.386.

¹⁰ Ioan V. Cocuz, Matei Hulubei, *Presa românească în Bucovina (1809-1944)* [La presse roumaine en Bucovine (1809-1944)], Suceava 1991, p.68.

vis-à-vis le processus d'unification lorsqu'il nota que les autorités centrales "prirent la décision que cette unification (amalgame spirituel) se fasse sous forme de liquidation (...) et le liquidateur général de Bucarest (...) l'unification de la législation se transforma dans un objet d'expériences hasardées d'un politicianisme encore plus hasardé"¹¹.

Mais la plus importante page de sa vie fut celle du domaine académique. De 1919, il fut professeur à la Faculté de Droit de l'Université de Tchernovtsy, qualité de laquelle il mit les bases de l'Académie d'Etudes commerciales de Tchernovtsy en 1920. Il occupa la fonction de doyen de la Faculté de Droit entre 1919-1921 et recteur de l'Université de Tchernovtsy entre 1921-1922¹². Il fut membre du Sénat universitaire et, de 25 octobre 1925, fut élu membre correspondant de la Chambre de commerce et industrie de Tchernovtsy. L'activité scientifique de cet "admirateur de l'ordre et de la rigueur teutonique" se consacra par de nombreux articles et études faisant référence à la science du droit allemand. Il reçut les décorations "Coroana României" ["La Couronne de la Roumanie"] en degré de commandeur, "Steaua României" ["L'Etoile de la Roumanie"], en degré de commandeur et un ordre polonais similaire¹³. Pendant la période de l'entre-deux-guerres, il fut vice président de la Société pour la Culture et la Littérature Roumaine en Bucovine¹⁴. Il s'impliqua, en même temps, dans la transformation du Théâtre allemand de Tchernovtsy en Théâtre National, en 1922¹⁵. Il participa à de nombreuses activités dans le cadre de l'Université libre coordonnée par la Société pour Culture pendant la période de l'entre-deux-guerres¹⁶. Il fut préoccupé par le droit international public et privé, par le droit commercial et cambial. Il fut le collaborateur d'importantes revues du pays, parmi lesquelles "Revista de Drept public" ["La Revue de Droit public"],

¹¹ Serviciul Arhivelor Naționale, Iași, Fond personal Maximilian Hacman (1878-1961) [Le Service des Archives Nationales, Iași, Fond personnel Maximilian Hacman (1878-1961)], d. 1, f.1-2. (dans les pages à suivre S.A.N.I.).

¹² Emil Satco, *Enciclopedia Bucovinei* [L'Encyclopédie de la Bucovine], le I-er volume, Suceava, 2004, p.471.

¹³ Dumitru Covalciuc, *op. cit.*, p.386.

¹⁴ Mircea Irimescu, *Societatea pentru Cultura și Literatura Română în Bucovina (1862-2012). 150 de ani. Istoric și realizări* [La Société pour la Culture et la Littérature Roumaine de Bucovine (1862-2012). 150 années. Histoire et réalisations], Rădăuți, Editura Septentrion, 2012, p.102.

¹⁵ Alis Niculică, *Din istoria vieții culturale a Bucovinei. Teatrul și muzica (1775-1940)* [De l'histoire de la vie culturelle de la Bucovine. Le théâtre et la musique (1775-1940)], București, Casa Editorială Floare Albastră, 2009, p.201.

¹⁶ Mircea Irimescu, *op. cit.*, p.294-299.

“Pandectele Române” [“Les Pandectes Roumaines”], “Revista societăților și dreptului comercial” [“La Revue des sociétés et du droit commercial”]. Il publia les volumes *Reforma studiului de drept* [La Réforme de l'étude de droit], Tchernovtsy, 1921, *Tratat elementar de drept cambial. Manual* [Traité élémentaire de droit cambial. Manuel], 1921, *Drept internațional public și privat* [Droit international public et privé], 1924, *Drept comercial comparat* [Droit commercial comparé], vol. I-II, București, 1930-1932, *Tratat de drept internațional public și privat* [Traité de droit international public et privé], București, 1935¹⁷.

Il s'impliqua, auprès de Ion Nistor dans la roumanisation de l'Université de la capitale de la Bucovine. A son avis de 1920, la transformation de l'université dans une roumaine constituait “une nécessité de majeure importance nationale”¹⁸. La situation confuse des derniers professeurs allemands de la Faculté de Droit le trouva parmi les protagonistes. La nomination de Eugen Erlich à la chaire mécontenta Maximilian Hacman. Il déclara que “sa nomination offense profondément le prestige, l'autonomie et le caractère national de notre Université”. Le rôle de Hacman dans l'intégration des professeurs venus à la Faculté de Droit de Tchernovtsy fut néfaste, ne tenant pas compte de l'esprit de l'ancienne Université autrichienne. Le Règlement de l'Université de Tchernovtsy remontait à 1875 et se fondait sur l'ancienne législation autrichienne. L'application de celle-ci contrevint aux actes législatifs de l'Ancien Royaume, qu'on n'étendit encore sur l'Université de Tchernovtsy, aussi. On utilisa dans le marasme législatif de la Bucovine des premières années d'après l'union, ainsi que dans le processus de roumanisation, des anciennes lois autrichiennes et roumaines pas introduites encore, comme celles-ci défendaient les intérêts des nouveaux dirigeants de l'Université¹⁹. Maximilian Hacman soutint la nécessité de l'unification législative et annula les derniers résidus de la tradition académique autrichienne²⁰. Mais en ses documents personnels il laisse s'entrevoir autre chose. M. Hacman accusa le changement du système juridique par l'introduction extrêmement rapide de celui roumain, par des ordonnances gouvernementales,

¹⁷ Emil Satco, *op. cit.*, p.471.

¹⁸ Dan Jumară, *Societățile culturale academice românești din Bucovina în perioada interbelică* [Les sociétés culturelles académiques roumaines de la Bucovine dans la période de l'entre-deux-guerres], Iași, Editura Alfa, 2005, p.123;

¹⁹ Arhivele de Stat ale Regiunii Cernăuți [Les Archives d'Etat de la Région Tchernovtsy], Fond no. 216, Universitatea Cernăuți [L'Université de Tchernovtsy], opis 4, dossier 36, f.1-9.

²⁰ Loc. cit., f.40.

sans tenir compte des réalités, sollicitant “une réformation complète de notre droit” et “une résolution rationnelle du problème”²¹.

L'élection de Maximilian Hacman, soutenu par le Parti National Libéral, provoqua un autre scandale dans le cadre de la Faculté de Droit. L'échec du professeur Constantin Rădulescu, arrivé de Bucarest dans la capitale de la Bucovine, d'obtenir un mandat de parlementaire, détermina celui-ci à entrer en conflit avec les professeurs de Tchernovtsy accusés de “régionalisme”. Le scandale entre le parti de Ion Nistor et celui de Constantin Rădulescu allait noircir l'atmosphère de l'Université de Tchernovtsy les premières années de l'entre-deux-guerres et produire des effets à long terme, jusqu'en 1940²².

En 1940, celui-ci se réfugia en Roumanie et y amena les documents qu'on retrouve à la base du fond personnel, arrivé aux Archives de Iași. Il demeura initialement à Focșani, aux parents de sa femme, mais ultérieurement il partit pour Bucarest. Il y fut membre du Conseil interuniversitaire roumain en 1940. En tant que sénateur du Parti de la Nation et délégué des Bucoviniens, il lut dans le Parlement une déclaration dans laquelle il exprima sa décision de lutter pour la libération des territoires occupés par les Soviétiques. Il adressa au roi Charles II un mémoire où il exprima la révolte des Bucoviniens vis-à-vis le rapt territorial d'une région qui n'appartint jamais à la Russie et de plus, n'eut aucune liaison de langue et de structure nationale avec la Russie²³. En même temps, il participa aux derniers ouvrages de la Faculté de Droit de Tchernovtsy, réfugiée à Bucarest. A la suite de l'intervention du ministre de l'Education de l'automne de l'année 1940, un autre universitaire bucovinien réfugié, Traian Brăileanu, il obtint le transfert ensemble à ses collègues de Tchernovtsy à la Faculté de Droit de Bucarest²⁴.

Le mois octobre de l'année 1940, il accompagna Sextil Pușcariu à Berlin, où il travailla à l'Institut roumain, récemment fondé, de la capitale allemande. On nomma Max Hacman responsable de guider, de contrôler les étudiants roumains, ainsi que de la relation avec les universités et les académies allemandes, poste où

²¹ S.A.N.I. Fond personal Maximilian Hacman (1878-1961) [Fond personnel Maximilian Hacman (1878-1961)], d. 1, f.18.

²² Erast Tarangul, *Amintiri* [Souvenirs], manuscrit gardé au Musée de la Bucovine de Suceava, no. inv. 663, p.96-97.

²³ Dumitru Covalciuc, *op. cit.*, p.190.

²⁴ Max Hacman, *În refugiu 25 iunie 1940 – 19 decembrie 1940* [En refuge 25 juin 1940 – 19 décembre 1940], en S.A.N.I., Fond Colecția Manuscrise [Fond Collection Manuscripts], d.1814, f. 149.

il résida jusqu'en juillet 1941²⁵. Il revint en Bucovine, en 1941, après la libération du nord de la province et s'y impliqua dans les actions de la Société pour la Culture par de nombreuses conférences²⁶. En 1943-1944 il devint le président de la Société, mais il fut obligé à supporter le second refuge. Le 19 juillet, se trouvant en refuge à Turda, il fonda l'Association des Réfugiés de la Moldavie, la Bucovine et la Bessarabie, dont il présida le comité dirigeant²⁷. Après la guerre, il se retira de la vie publique et mourut le 11 octobre 1961 à Turda.

La description du Fond

Arrivé dans les archives de Iași après la seconde guerre mondiale, le fond Max Hacman est constitué de 61 dossiers dont 50 de manuscrits, une photocopie d'après un manuel médical, quelques articles de la presse allemande sur Charles II et Elena Lupescu, huit documents dactylographiés et un imprimé. Le fond couvre une période de 38 années ; on data ses documents entre 1903 et 1941. Le fond contient des documents originels et des copies dans les langues roumaine et allemande. On travailla et on codifia l'inventaire du fond le 8 mai 2007. Regardés en ensemble, les documents du fond personnel gardé au Service des Archives Iași, apportent au premier plan des moments de son activité professionnelle et scientifique.

Les documents dactylographiés comprennent, en ordre: une étude envoyé au quotidien "Universul" ["L'Univers"] en 1937, mais qu'on n'y publia pas intitulé *Congresul Academiei de Drept german (Le Congrès de l'Académie de Droit allemand)*; *Declarația făcută de generalul Antonescu în 10 martie 1941 privind acordurile economice româno-germane (La Déclaration faite par le général Antonescu la 10 mars 1941 concernant les accords économiques roumains allemands)*, reprise du quotidien "Universul"; *Das neue rumänische*

²⁵ Daniela Olărescu, *Sextil Pușcariu – președintele Institutului român din Berlin: un subiect tabu?* [Sextil Pușcariu – le président de l'Institut roumain de Berlin: un sujet tabou?], en "Revista Arhivelor" ["La Revue des Archives"], LXXXVI, no.1, București, 2009, p.177.

²⁶ Mircea Irimescu, *op. cit.*, p.137; voir aussi D. Vatamaniuc, *Bucovina între Occident și Orient. Studii și documente* [La Bucovine entre Occident et Orient. Etudes et documents], București, Editura Academiei, 2006, p.565.

²⁷ Mircea Irimescu, *op. cit.*, p.137, p.150-151; voir aussi Pavel Morariu, *Bucovina sub regimul Antonescu (1941-1944). II Politică. Învățământ. Cultură* [La Bucovine sous le régime Antonescu (1941-1944). II Politique. Enseignement. Culture], Chișinău, Editura Prut Internațional, 2007, p.154.

*Arbeitsdienstpflichtgesetz (La nouvelle loi roumaine de l'obligation du travail)*²⁸, un article *Zur Frage des Titels der lex Salica (Concernant la question de la Loi Salique)*, daté en 1909; *Grundzüge des verstern Eisenbahnfrachtrechte - Rechtsvergleichende Darstellung (Les principales caractéristiques du Droit de la société ferroviaire de transports – présentation comparative)* de 1914, l'étude *Noua politică socială germană și realizările ei (La nouvelle politique sociale allemande et ses réalisations)* écrite en 1942; *Die Bucovina ein rumänisches Besitztum (La Bucovine, une propriété roumaine)*; *De la Europa Centrală la Germania Mare și la marele spațiu (De l'Europe Centrale à la Grande Allemagne et au grand espace)* et deux exemplaires de *Werden und Wesen der rumänisch-deutschen Freundschaftbeziehungen (La volonté et l'essence dans les relations d'amitié roumains allemands)*, daté en 1941.

Les manuscrits, formant la plus consistante partie du fond, comprennent de diverses conférences soutenues par M. Hacman: "Despre familia la vechii români" ["Sur la famille aux Anciens Roumains"], soutenue à la Veillée littéraire de Junimea de 1911; "Unificarea legislativă din 1920" ["L'Unification législative de 1920"] soutenue à l'assemblée du Parti Démocrate de l'Union, le 12 décembre 1920 dans la salle "Dom Polski" de Tchernovtsy; "Reforma studiului de drept" ["La Réforme de l'étude de droit"], soutenue au Congrès des professeurs universitaires de Roumanie, le 4 juin 1921; "Problema funcționarilor" ["Le problème des fonctionnaires"] soutenue le 5 mars 1927, à la Conférence P.N.Ț.; "Pactul Miciei Înțelegeri" ["Le Pacte de la Petite Entente"] de 1934; "Serviciul social românesc și Serviciul muncii germane" ["Le Service social roumain et le Service du travail allemand"], soutenu au Siègne du Service Social, de Câmpulung, en 1935; "Unirea Basarabiei" ["L'Union de la Bessarabie"] soutenue au Théâtre National de Tchernovtsy en 1935; "Revoluția națională germană. Viața lui Adolf Hitler" ["La Révolution nationale allemande. La vie d'Adolphe Hitler"], conférence soutenue dans l'Aula de l'Université de Tchernovtsy, le 16 mars 1936 et une journée plus tard, la seconde partie, avec le titre "Revoluția națională germană. Noua organizare a Germaniei" ["La Révolution nationale allemande. La nouvelle organisation de l'Allemagne"]; "Problema rasei în legislația germană" ["Le problème de la race dans la législation allemande"], soutenue à la Ligue Culturelle, le 21 mars 1937; "Franco El Caudello, eliberatorul Spaniei" ["Franco El Caudello, le libérateur de l'Espagne"], soutenue le 27 mars 1937; "Principele Rudolf de Habsburg, victima degenerării și decadenței regimului absolutist" ["Le

²⁸ Dont manquent deux feuilles.

prince Rudolf de Habsbourg, la victime de la dégénération et de la décadence du régime absolutisme”], soutenue le 3 mars 1939 et quelques conférences soutenues dans le cadre des cours de popularisation: “Comunismul rusesc în lumina realității” [“Le communisme russe dans la lumière de la réalité”] le 11 mars 1939; “Netralitatea în timp de pace și război” [“La neutralité pendant la paix et la guerre”], tenue dans l’Aula de l’Université de Tchernovtsy, le 9 février 1940; “Opera social politică din Germania” [“L’œuvre sociale politique de l’Allemagne”], soutenue à Sibiu, le 9 décembre 1941²⁹, “România – stat balcanic” [“La Roumanie – Etat balkanique”], tenue en 1942; “Take Ionescu – arbitrul Balcanilor” [“Take Ionescu – l’arbitre des Balkans”], le 20 mars 1943 et “O nouă reglementare a educației profesionale a tineretului german” [“Une nouvelle réglementation de l’éducation professionnelle des jeunes allemands”], en 4 avril 1943. Des autres manuscrits comprennent une série de discours tenus à diverses occasions, datés l’année 1942: “Discurs pregătit de Ziua Uniri” [“Discours préparé pour la Journée de l’Union”], “11 octombrie 1918 [“11 octobre 1918”]; “Cuvântare la înmormântarea mitropolitului Moldovei” [“Discours à l’enterrement du métropolite de la Moldavie”] et “Cuvântare la înmormântarea lui Alexei Popovici” [“Discours à l’enterrement de Alexei Popovici”]. Plusieurs de ces documents attirent l’attention sur les préoccupations scientifiques de Hacman, mais aussi sur les idées politiques qu’il soutint. Certains de ceux-ci représentent des descriptions de la situation politique internationale. Par exemple, les deux conférences sur “Revoluția națională germană” [“La Révolution nationale allemande”], soutenues le 16 et 17 mars 1936 comprennent des données biographiques de la vie d’Adolphe Hitler dès son naissance jusqu’à l’apparition des camps de concentration dans une forme sommaire, de résumé, sans des appréciations propres, respectivement la base législative et l’organisation du Reich, aussi sommairement³⁰. On y traita le communisme aussi schématiquement, avec accent sur l’organisation de l’Etat, le Komintern, la politique étrangère, la police politique, mais aussi l’adversité du stalinisme envers le trotskisme³¹. En échange, ils peuvent offrir une image véridique de la manière dont on comprit le régime national – socialiste et comme un spécialiste en droit de la Roumanie, avec de sérieuses études allemandes, le percevait.

²⁹ Soutenu à Tchernovtsy, aussi, le même mois, Pavel Morariu, *op. cit.*, p.29.

³⁰ S.A.N.I. Fond personal Maximilian Hacman (1878-1961) [Le Fond personnel Maximilian Hacman (1878-1961)], d. 7-8.

³¹ Loc. cit., d. 12.

Le fond comprend, aussi, les manuscrits des études que l'auteur publia: "Asanarea prin lege a moralității comerciale în Germania" ["Assainir par la loi la moralité commerciale en Allemagne"], publié en "Revista de drept comercial și Studii economice" ["La Revue de droit commercial et d'Etudes économiques"] en 1936; "Reorganizarea universităților germane" ["La réorganisation des universités allemandes"], publié en 1937 en "Revista de Pedagogie" ["La Revue de Pédagogie"]; "Stocul de împrumut bancar al legislației agrare" ["Le stock d'emprunt bancaire de la législation agraire"], qu'on imprima l'année 1939, dans "Revista de drept comercial și Studii economice" ["La Revue de droit commercial et Etudes économiques"]; "Politica engleză văzută de bărbați de stat englezi" ["La politique anglaise aperçue par des hommes d'Etat anglais"], apparu en plusieurs numéros de "Candela" ["La veilleuse"]; „Deutschlands Anteil am Aufstieg Rumanien” ["Le rôle de l'Allemagne dans l'ascension de la Roumanie"], article publié dans le journal "Berliner Rosen Zeitung" le numéro de 10 février 1941; "Noul cod al poporului german" ["Le nouveau code du peuple allemand"] qu'on publia en "Arhiva de drept public" ["Les archives de droit public"] en 1941; "Convenția secretă între România și Austro-Ungaria de la 1883" ["La convention secrète entre la Roumanie et l'Austro Hongrie de 1883"], étude publié dans le volume "Omăgiu lui Ion Nistor" ["Hommage à Ion Nistor"]; "Explicări practice la dreptul cambial austriac" ["Explications pratiques au droit cambial autrichien"], extrait publié en "Călindarul Bucovinei" ["Le Calendrier de la Bucovine"] de 1913.

Le fond contient, aussi, des autres études restées en manuscrit, qu'il prépara pour la publication. De ces études-là, on remarque ceux en roumain: "Înviniurile ridicate în Cameră în oglinda dreptului" ["Les accusations soutenues dans la Chambre dans le miroir du droit"], datée 1920; "Conceptia național-socialistă a dreptului (Revoluția dreptului german)" ["La conception nationale – socialiste du droit (La Révolution du droit allemand)"], datée 1935; "Statul corporativ" ["L'Etat corporatif"], datée février 1937; "Anexarea Austriei" ["L'Annexion de l'Autriche"] de 1938; "Actualități din domeniul dreptului internațional al politicii internaționale" ["Des nouvelles du domaine du droit international de la politique internationale"], datée janvier 1940 et quelques-unes pas datées: "Crearea noului imperiu roman" ["La Création du nouvel empire romain"], "Noua organizare constituțională a Germaniei" ["La nouvelle organisation constitutionnelle de l'Allemagne"], "Renașterea Germaniei ca putere mondială" ["La renaissance de l'Allemagne comme pouvoir mondial"], "Anteproiectul codului cambial" ["L'antéprojet du code cambial"], "Noul

imperialism japonez. Ascensiunea Japoniei spre dominația lumii” [“Le nouveau impérialisme japonais. L’Ascension du Japon vers la domination mondiale”], “Diplomația germană antebelică. Un capitol din politica internațională” [“La diplomatie allemande d’avant la guerre. Un chapitre de la politique internationale”] et “Rezoluția de la Alba Iulia. Studiu de drept critic” [“La résolution de Alba Iulia. Etude de droit critique”]. Deux dossiers, aussi, présentent un intérêt tout à fait particulier par leur titulature : “Take Ionescu în lumina documentelor diplomatice germane” [“Take Ionescu dans la lumière des documents diplomatiques allemands”] et surtout le dossier 44, intitulé “Memoriile lui Dimitrie Sturdza de la 1892” [“Les mémoires de Dimitrie Sturdza de 1892”]. Il rédigea des autres études dans la langue allemande: “Exekutionsrecht und Gessellschaftsrecht” [“Le droit exécutif et le droit des sociétés”] de 1908, „Der Eigentumswechsel bei der Mobiliarversicherung” [“L’échange de propriété dans l’assurance des biens immobiliers”] de 1909, „Das neue rumänische Wechselgesetz” [“Le nouveau code roumain d’échange commerciale”]³², „Beitrag zur Entwicklung der offenen Handelsgesellschaft” [“Contribution au développement des sociétés commerciales ouvertes”]³³, „Grundrüge des vestern Eisen bachfrachtrechtare”³⁴, Das neue rumanische Werhselgesetz”, datée 1937, „Geffällig Reitwechsel und Wechselreiterei” [“Modification conforme pour la chevalerie et fiches d’échange”]³⁵, et un cahier manuscrit de janvier 1903 intitulé “Pfaff Kaintz System des oesterreichischen allgemeinen Privatrecht” [“Le système autrichien Pfaff Kaintz de droit général privé”].

On retrouve, aussi, dans les fonds des Archives de Iași un manuscrit appartenant à Maximilian Hacman. Dans la Collection Manuscrits, portant le numéro d’inventaire 1814, on trouve deux cahiers de notes journalières *În refugiu [En refuge]*, le premier compris entre 25 juin 1940 et 20 décembre 1940 et le second, de 20 décembre jusqu’à 9 septembre 1941. Les deux cahiers contiennent des informations intéressantes concernant la situation des Bucoviniens réfugiés à l’intérieur du pays en 1940, sur la situation politique

³² Deux feuilles manquent.

³³ On prépara la conférence aux séminaires du professeur Iosef Kohler de Berlin pendant le premier semestre de l’année universitaire 1909-1910 et on la publia le tome 68-69 de “Zeitschaft für das Gerchte Handelund Konkrarsrecht”; malheureusement, la majorité des feuilles de ce manuscrit manquent, Loc. cit., d. 31, f.1.

³⁴ Deux feuilles sont en manuscrit, on dactylographia le reste.

³⁵ 10 feuilles manquent.

interne et internationale et surtout sa mission à l'Institut roumain de Berlin de l'automne et de l'hiver des années 1940-1941³⁶.

Conclusions

La biographie de Maximilian Hacman est symptomatique pour l'élite intellectuelle roumaine de la Bucovine, qu'on attrapa dans les événements des deux guerres mondiales. Témoin de l'extase de la grande union et de l'agonie de la Deuxième Guerre Mondiale, Maximilian Hacman entra dans le cône d'ombre que les nouvelles réalités politiques de la Roumanie d'après la guerre imposèrent. Semblable à son créateur, le fond Max Hacman résista inaperçu à travers les décennies passées dès la mort du professeur. Afin de relever l'importance documentaire extrêmement valeureuse du fond, la collection de documents qui appartient à Maximilian Hacman, offre des informations sur la réorganisation de l'Université de Tchernovtsy, sur les efforts et l'activité menée par Hacman pour roumaniser *Alma Mater Cernovisensis* pendant les années de l'entre-deux-guerres. Pourtant, son activité scientifique représente la plus consistante partie du fond, ses études, publiées, mais aussi celles restées en manuscrit étant une invitation pour les chercheurs de mettre en relief la carrière scientifique d'un savant roumain dans le science du droit, injustement oublié. Tout en tenant compte de l'importance de ces documents historiques, on tire la conclusion que leur revalorisation, dans un contexte plus nuancé, serait nécessaire et que celle-ci nous aiderait à comprendre, d'une autre perspective, aussi, la personnalité de Maximilian Hacman.

Signaler ce fond, peu étudié par les érudits, est, à notre avis, équivalent à une impulsion à l'étude pour les chercheurs du passé de la Bucovine, mais aussi pour les spécialistes en droit intéressés par l'œuvre des ouvriers de chemins dans la science roumaine. On considère qu'on doit valoriser les documents du fond comme source documentaire primaire dans les écrits sur l'histoire de la Bucovine et de ses personnalités dans l'intervalle temporel dont ils firent partie.

³⁶ Max Hacman, *În refugiu...*, en Loc. cit.

**БЕССАРАБСКАЯ ПРОБЛЕМА МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА
В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ РУМЫНСКОЙ
И МОЛДАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЯХ**

**THE INTERWAR BESSARABIAN PROBLEM IN THE POST-COMMUNIST
ROMANIAN AND MOLDAVIAN HISTORIOGRAPHIES**

Сергей НАЗАРИЯ

Государственный институт международных отношений Молдовы
sergnazar@mail.ru

Rezumat: Problema Basarabiei interbelice în istoriografiile post-comuniste românească și moldovenească

Autorul prezintă și analizează opiniile istoricilor români și moldoveni relative la problemele Basarabiei interbelice, expuse în publicațiile științifice de la sfârșitul secolului XX și începutul secolului XXI. În articol se arată că, în istoriografia din România, deciziile adoptate de Sfatul Țării din Basarabia de-a lungul anului 1918 au fost rezultatul unui exercițiu democratic, plebiscitar, în timp ce evenimentele din anul 1940 sunt interpretate exclusiv prin prisma pierderilor teritoriale. Uniunea Sovietică este prezentată cvasiunanim în calitate de stat agresor, expansionist, care a ocupat „provincia românească strămoșească Basarabia”. În istoriografia din Republica Moldova există două puncte de vedere asupra acestor subiecte. O parte a istoricilor din acest stat îmbrățișează abordări similare sau extrem de apropiate concepțiilor istoricilor din România, iar o serie de istorici combat punctele de vedere ale istoricilor români, insistând asupra efectelor negative ale administrației românești în Basarabia interbelică.

Abstract: The interwar Bessarabian problem in the post-communist Romanian and Moldavian historiographies

The author describes and analyzes the Romanian and Moldavian historians' opinions relative to the interwar Bessarabia problems that appeared in scientific publications of the late twentieth and early twenty-first centuries. The article shows that in the historiography of Romania, during 1918, the decisions taken by the State Council of Bessarabia represented the result of a democratic and plebiscitary exercise, while the events of 1940 are interpreted solely in terms of territorial losses. The Soviet Union is almost unanimously presented as an aggressor, an expansionist state, which occupied "the ancestral Romanian province of Bessarabia". According to the historiography of Moldova, there are two points

of view on these subjects. Some Moldavian historians embrace similar approaches or concepts, close to those of historians from Romania, while some other confute them, focusing on the negative effects of the Romanian administration in the interwar Bessarabia.

Résumé: Le problème de la Bessarabie de l'entre-deux-guerres dans l'historiographies roumaine et moldave post-communistes

L'auteur présente et analyse les opinions des historiens roumains et moldaves relatives aux problèmes de la Bessarabie de l'entre-deux-guerres, qu'on exposa dans les publications scientifiques de la fin du XXème et le début du XXIème. Dans l'article ci-joint, on souligne que, dans l'historiographie roumaine, les décisions que le Conseil du Pays de Bessarabie adopta le long de l'année 1918 furent le résultat d'un exercice démocratique, plébiscitaire, pendant que les événements de l'année 1940 furent interprétés exclusivement du point de vue des pertes territoriales. On y présente l'Union Soviétique quasi unanimement en qualité d'Etat agresseur, expansionniste, qui occupa "l'ancienne province roumaine Bessarabie". Dans l'historiographie de Moldavie, il y en a deux points de vue concernant ces sujets. Une partie des historiens de cet Etat embrassèrent des approches similaires ou extrêmement proches aux conceptions des historiens de la Roumanie, pendant que des autres combattirent les points de vue des historiens roumains, tout en insistant sur les effets négatifs de l'administration roumaine de la Bessarabie de l'entre-deux-guerres.

Keywords: Bessarabian issue, historians, historiography, Romanianism.

Вступление

В данной статье автор предпринял попытку представить мнения румынских и молдавских историков по бессарабскому вопросу, высказанные на рубеже XX-XXI веков. В румынской* историографии Россия / Советский Союз обычно представлены как агрессивная, экспансионистская держава, захватившая «исконно румынские провинции Бессарабию и Буковину».

В современной западной исторической литературе, переведённой на румынский язык, этой проблеме также уделено большое внимание. В целом авторы данных работ стоят на позициях историзма и стремятся к объективному анализу изучаемых событий, без экстраполяции сегодняшних политических и идеологических предубеждений на события 1918-1940 гг.

В том, что касается современной молдавской историографии**, иссле-

* Под румынской историографией мы понимаем румыноязычных историков Румынии, Республики Молдова и Западной Европы – прим. авт.

** Под молдавской историографией мы понимаем историков Республики Молдова,

дователи пытаются представить также негативные последствия установления румынской администрации в Бессарабии и, одновременно, позитивное влияние России / СССР на судьбу многонационального народа Бессарабии.

Новизна статьи состоит в том, что для достижения цели и задач широко используются новейшие публикации румынских и молдавских исследователей, а также в презентации основных концепций румынской историографии.

Румынская историография вопроса

Позицию румынских историков можно раскрыть наиболее конкретно, на наш взгляд, на примере интерпретации роли Сфатул Цэрий, проголосовавшего за объединение Бессарабии с Румынией. В современной румынской историографии доминируют оценки данной структуры как истинно «репрезентативного органа Бессарабии», «избранного на демократической основе»¹, как «собрания, представлявшего все классы и социальные слои бессарабского населения»², «организма с чёткими парламентскими атрибутами»³. Также утверждается, что Сфатул Цэрий «вобрал в себя единогласное одобрение населения Бессарабии»⁴, «отразил национальную структуру, весь политический, профессиональный и институциональный спектр общества»⁵, а выборы в этот «парламент» происходили в усло-

которые описывают прошлое с позиций молдавской государственности – прим. авт.

¹ M. Mușat, I. Ardeleanu, *Confirmarea internațională a Marii Uniri în 1918* [Международное подтверждение Великого Объединения 1918 г.], in „Revista de istorie”, t. 34. 1998, nr. 8, p. 1432; I. Scurtu, *Sfatul Țării, organ reprezentativ al Basarabiei* [Сфатул Цэрий – представительский орган Бессарабии], in „Magazin Istoric”, 1993, nr. 12. pp. 3-6.

² V. Fl. Dobrinescu, *Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918-1940* [Дипломатическая битва за Бессарабию], Iași, Editura Junimea, 1991. p. 75.

³ I. Scurtu et al., *Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1998* [История Бессарабии с древнейших времен до 1998 г.], București, Editura Semne, 1998. p. 93.

⁴ P. Cernovodeanu, *Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806-1920)* [Бессарабия. Драма румынской исторической провинции в международном политическом контексте (1806-1920)], București, Editura Albatros, 1993. p. 148; I. Constantin, *România, Marile Puteri și problema Basarabiei* [Румыния, Великие державы и проблема Бессарабии], București, Editura Enciclopedică, 1995. p. 21.

⁵ I. Scurtu et al., *Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1994* [История Бессарабии с древнейших времен до 1994 г.], București, Editura Tempus, 1994, pp. 108, 113; I.

виях, когда «население могло свободно выражать свою волю, избирая своих представителей в состав этого великого форума»⁶, и, наконец, что объединение от 27 марта 1918 г. «соответствует всем общепринятым критериям национального самоопределения»⁷.

Известный историк И. М. Опря считает, что «этот парламент Бессарабии отражал истинное национальное, социальное и политическое представительство румын и национальных меньшинств..., являлся законодательным органом, созданным посредством всенародных консультаций, имеющих плебисцитарный характер и поэтому имеющий полное право решать все вопросы Бессарабии»⁸. Он утверждает, что «те, кто ставят под сомнение значение Сфатул Цэрий, не желают признавать, что данный парламент был образован посредством демократической процедуры, а его решения представляли собой завершённую форму западных демократических принципов»⁹.

Историк из Республики Молдова, Георгий Кожокару, высказывая и свою собственную точку зрения, отмечает, что «румынские историки увидели в Сфатул Цэрий верховный орган государственной власти, избранный в полном соответствии с демократическими нормами своего времени, обладавший необходимыми законодательными демократическими прерогативами и в точности отражавший социальную, политическую и национальную структуру бессарабского общества. Очень похвально отметить, что в своих исследованиях посткоммунистического периода большинство румынских историков характеризовали Сфатул Цэрий в качестве „представительного органа (собрания)“ Бессарабии, в то время как большинство молдавских исследователей склоняются к интерпретации Сфатул Цэрий в качестве „парламента“ Бессарабии. В принципе, и одни, и другие чётко придерживаются мысли, что с момента своего учреждения Сфатул Цэрий был единственным законным выразителем суверенитета Молдавской Рес-

Constantin, *op. cit.*, p. 19.

⁶ I. Scurtu et al., *Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1998*, p. 82.

⁷ Fl. Anghel, *Relațiile româno-sovietice la Conferința de la Varșovia (1921)* [Румыно-советские отношения на Варшавской конференции (1921)], in „Studii și materiale de istorie contemporană”, 2003, vol. 2, p. 5.

⁸ I. Oprea, *România și Imperiul Rus. 1900-1924* [Румыния и Российская империя. 1900-1924], vol. 1. București, Editura Albatros, 1998, p. 168.

⁹ I. M. Oprea, *Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924)* [Бессарабия на Венской румыно-советской конференции (1924)], in „Revista istorică”, serie nouă, t. 3, 1992, nr. 7-8, p. 718.

публики (Бессарабии)»¹⁰.

Однако, на наш взгляд, подобного рода эпитеты не всегда отражают действительное положение вещей. Мы должны заметить, что в румынской историографии бессарабского вопроса зачастую игнорируется основополагающий принцип любого профессионального исторического исследования – принцип историзма. Эту же мысль подчёркивает голландский исследователь В. П. ван Мёрс: «Проблема Сфатул Цэрий несёт в себе сильнейший политический заряд... в румынской историографии... Румынские интерпретации концентрируются на законном праве парламента решать вопрос об объединении, но и эти слабые аргументы перекрываются тяжестью изначально сформулированного румынами предположения, будто бы результат был исторически предопределён»¹¹.

Следует обратить внимание на ещё один момент, свойственный некоторым румынским историкам националистической ориентации, материализующийся в иррациональной, по нашему мнению, совето/русофобии, факт, подмеченный и некоторыми румынскими историками¹². Так, например, И. М. Опря утверждает, что Россия извечно являлась самым безжалостным врагом «румынского рода». Любое событие из истории двух народов интерпретируется им как враждебное действие русских в отношении румын: «Соседство этой империи было для румынского народа синонимом настоящего террора истории»¹³. Исходя из этого, продолжает автор, «В рамках общей картины этих империалистических целей, подчинение румынских земель (имеются в виду Дунайские княжества – авт.) являлось постоянной заботой царей России... Гонимые ненасытным стремлением к расширению границ своей империи, русские... дошли в 1709 году до Днестра»¹⁴. Кроме того, считает историк, цели русских всегда вступали в противоречие с жизненными интересами румынского народа: «Румынская дипломатия опасалась..., что, продолжая расширяться к югу, Россия преследовала захват Константинополя и великих проливов и, для реализации

¹⁰ Gh. Cojocaru, *Sfatul Țării: Itinerar* [Сфатул Цэрий: Справочник], Chișinău, Editura Civitas, 1998, p. 19.

¹¹ W. P. von Meurs, *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă* [Бессарабский вопрос в коммунистической историографии], Chișinău, Editura Arc, 1996, pp. 401, 402, 403-404.

¹² M. Bărbulescu, D. Deletant, K. Hitchins et al., *Istoria României* [История Румынии], București, Editura Enciclopedică, 1998. p. 447.

¹³ I. Oprea, *România și Imperiul Rus. 1900-1924*, vol. 1, p. 5.

¹⁴ *Ibid.*, pp. 6, 7, 29-30, 152.

мечты царя Петра Великого, переданной Екатерине II-й и её наследникам, она, без сомнений, растопчет Румынию, нарушив её независимость и угрожая самому её государственному существованию»¹⁵.

Ещё отрицательнее его отношение к СССР: «Советская империя постепенно закабалила на своих пространствах нерусские народы, поставила их на службу России, стремясь к их денационализации и в конечном итоге к их полному поглощению»¹⁶. А Ем. Болд уверен, что без постоянного сопротивления румынских правительств «русскому экспансионизму» «страна давно была бы превращена в российскую губернию». Согласно утверждений того же автора, в отношениях с Россией «румынская дипломатия во все времена имела корректное, цивилизованное, аргументированное отношение», в то время как советская позиция являлась лживой, тенденциозной, основанной на инсинуациях, в соответствии с которыми советские представители всегда утверждали, что Бессарабия является русской землёй ещё с XIV-XV веков». А после признания большевистского «режима внутри страны и на международной арене, восстановления его военной мощи, советская дипломатия стала агрессивной, отравляя атмосферу диалога и предопределив его отрицательный результат»¹⁷.

В этом ряду стоит и переведённая на русский язык книга Иона и Луизы Попа. Хотя в самом её начале заявляется, что «выдержана беспристрастная и непредвзятая манера повествования», уже на следующей странице говорится о «большевистском геноциде Советской России против приднестровских румын», о «советских зверствах в 50-е годы, совершённых с целью сломить сопротивление бессарабских и приднестровских румын», а причина «кровавого приднестровского конфликта» состоит в действиях «националистических политических и военных кругов СССР»¹⁸.

Политика России по освобождению балканских народов от османского ига называется «русской экспансией», её усилия по освоению освобождённых от турок и татар территорий – «принудительной миграцией и колонизацией», а русские в XVII-XVIII веках представлены как враги. Гит-

¹⁵ *Ibid.*, p. 29-30; см. также: Em. Bold, R.O. Locovei, A. Ioniță, *Relațiile româno-sovietice (1918-1941)* [Румыно-советские отношения (1918-1941 гг.)], Iași, Editura Demiurg, 2008, pp. 12, 293.

¹⁶ I. Oprea, *România și Imperiul Rus. 1900-1924*, vol. 1, p. 152.

¹⁷ Em. Bold и др. *Relațiile româno-sovietice*, pp. 10, 11-12.

¹⁸ И. Попа, Л. Попа, *Румыны, Бессарабия и Приднестровье*, Кишинев, Prut Internațional, 2010, pp. 7, 8, 9.

леровское нашествие на СССР совместно с румынской армией изложено как «освобождение Бессарабии и Северной Буковины»¹⁹. В целом же в румынской литературе бессарабский вопрос представлен как «изобретённый советской стороной „конфликт“»²⁰.

В том же духе в румынской историографии интерпретируется и Вторая мировая война. События июня 1940 г. трактуются исключительно отрицательно. Советский Союз представлен как агрессивная, экспансионистская держава, захватившая «исконно румынские провинции Бессарабию и Северную Буковину»²¹. Начиная с 1990 г. в Румынии вышли сотни работ, призванные оправдать её участие в войне на стороне Гитлера и политику И. Антонеску. В соответствии с данной концепцией у Румынии «не оставалось иной альтернативы, ведь она оказалась зажатой между двумя тоталитарными монстрами», а маршал Антонеску представляется в качестве «спасителя Румынии», «защитника национальных интересов», «мученика-героя» и «маршала-освободителя от рабства»²².

Нота Советского правительства от 26 июня оценивается как ультиматум, появившийся в результате «сговора двух диктаторов, разделивших Восточную Европу». Включение Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР непосредственно увязывается с пактом Молотова-Риббентропа, по-

¹⁹ *Ibid.*, pp. 22, 79-81, 40, 86.

²⁰ Em. Bold, *Relațiile româno-sovietice*, p. 273.

²¹ С. Назария, *Международная обстановка вокруг бессарабского вопроса в 1939-1940 гг.*, in *Исторична Панорама. Збірник наукових статей*, Чернівці, 2013, Випуск 16, с. 60-62.

²² N. Lupan, *Mareșalul Ion Antonescu, soldat martir* [Маршал Ион Антонеску – солдат-мученик], București, Combinatul Poligrafic, 1991; Gh. Magherescu, *Adevărul despre Mareșalul Antonescu* [Правда про маршала Антонеску], București, Editura Păunescu, 1991; J. Rotaru, O. Burcin, V. Zodian, *Mareșalul Ion Antonescu: am făcut „războiul sfânt” împotriva bolșevismului. Campania anului 1941* [Маршал Ион Антонеску: я вел «священную войну» против большевизма. Кампания 1941 г.], Oradea, Editura Cogito, 1994; I. S. Nistor, *România în al doilea război mondial. Clarificări în lumina adevărului istoric* [Румыны во Второй мировой войне. Уточнения в свете исторической истины], Cluj-Napoca, Mesagerul, 1996, pp. 189-240; Gh. Buzatu, „Dacă mor, este pentru Bucovina și Basarabia. De ar fi să reîncep, aș face la fel!” [«Если я умру, я умру за Буковину и Бессарабию. Если бы начать сначала, то я поступил бы также!»], in „Dosarele istoriei”, 2000. nr. 12. pp. 32-36; Goma P., *Săptămâna Roșie (28 iunie – 3 iulie 1940) sau Basarabia și evreii* [Красная неделя (28 июня – 3 июля 1940 г.) или Бессарабия и евреи], Chișinău, Museum, 2003, p. 79; I. Constantin, *România, Marile puteri și problema Basarabiei*, p. 142.

сле чего для проживавших на этих территориях граждан настал период «нескончаемого советского террора». А после 22 июня 1941 г. началось «освобождение порабощённых румынских территорий»²³.

Период «борьбы с большевизмом» (1941-1944 гг.) назван «священной войной». Это была «справедливая война за освобождение исторических территорий и против коммунистической опасности с Востока»²⁴. Террор против мирного населения долгое время почти полностью отрицался, однако, за последние несколько лет появилось немало работ на эту тему, хотя в любом случае превалируют публикации о «преступ-

²³ Gh. Buzatu, *România cu și fără Antonescu* [Румыния с и без Антонеску], Iași, Editura Moldova, 1991, p. 148; Fl. Constantiniu, *Între Hitler și Stalin. România și pactul Molotov-Ribbentrop* [Между Гитлером и Сталиным. Румыния и Пакт Молотова-Риббентропа], București, 1991; Gh. Buzatu, *Românii în arhivele Kremlinului* [Румыны в архивах Кремля], București, Editura Univers Enciclopedic, 1996, p. 239; V. Golnețchi, *Bătălia pentru eliberarea Basarabiei și a nordului Bucovinei* [Битва за освобождение Бессарабии и севера Буковины], in „Cugetul”, 1993, nr. 3; A. Duțu, M. Retegan, *România în război. 1421 zile de încleștare* [Румыния в войне. 1421 дней в тисках], București, Editura Globus, 1992; A. Duțu, *Între Wehrmacht și Armata Roșie* [Между Вермахтом и Красной армией], in „Dosarele istoriei”, 1999, nr. 2, pp. 47-48; Gh. Buzatu, *România între dictat și tratat* [Румыния между диктатом и договором], in „Dosarele istoriei”, 2000, nr. 6, pp. 61-64; A.D. Duțu, *Între Scilla brună și Charibda roșie (1941-1945)* [Между коричневой Сциллой и красной Харибдой (1941-1945 гг.)], in „Dosarele istoriei”, 2002, nr. 5, pp. 38-40; C. Calafeteanu, *România, 1940: urmările unei nedreptăți* [Румыния – 1940: последствия несправедливости], in „Historia. Revistă de Istorie”, 2008, nr. 6, pp. 16-23; P. Țurlea, *Basarabia și nordul Bucovinei sub regim sovietic* [Бессарабия и север Буковины под советским режимом], in „Historia. Revistă de istorie”. 2009, nr. 9, p. 12; P. Otu, *Eroii mareșalului Antonescu se întorc acasă* [Герои маршала Антонеску возвращаются домой], in „Historia. Revistă de istorie”, 2012, nr. 4, p. 47 и др.

²⁴ Gh. Buzatu, *Mareșalul Antonescu și războiul din Est* [Маршал Антонеску и Восточный фронт], in „Dosarele istoriei”, 1999, nr. 7, p. 54; Fl. Constantiniu, *O istorie sinceră a poporului român* [Искренняя история румынского народа], București, Editura Univers Enciclopedic, 1997, p. 402; V. Fl. Dobrinescu, I. Constantin, *Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947)* [Бессарабия в годы Второй мировой войны (1939-1947 гг.)], Iași, Institutul European, 1995, pp. 216, 223, 242; A. Moraru, *Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812-1993)* [История румын. Бессарабия и Приднестровье (1812-1993 гг.)], Chișinău, AIVA, 1995, pp. 47, 52, 362; A. Moraru, I. Negrei, *Anul 1918. Ora astrală a neamului românesc* [1918 год. Звездный час румынской нации], Chișinău, Editura Civitas, 1998, pp. 381, 405, 407.

лениях советского режима против румынского народа».

После падения диктатуры Н. Чаушеску, события 23 августа 1944 г. и заключённое в Москве перемирие с Объединёнными Нациями трактуется рядом историков преимущественно как «предательство» и «измена национальным интересам»²⁶, но и в этом вопросе со временем стали появляться больше здравых и взвешенных оценок²⁸. Однако в отношении Бессарабии

²⁶ *Din istoria necunoscută a unei lovituri de stat – actul de la 23 august 1944* [Из неизвестной истории одного государственного переворота: события 23 августа 1944 г.], in „Magazin Istoric”, 1994, nr. 8, pp. 6-29; Gh. Buzatu, *23 august 1944: Meta-morfozele unei lovituri de stat* [23 августа 1944 г.: Метаморфозы государственного переворота], in „Dosarele istoriei”, 1999, nr. 1, pp. 35-40; *23 august 1944* [23 августа 1944 г.], in „Magazin Istoric”, 2004, nr. 8, pp. 4-22; C. Corneanu, *Un alt 23 august 1944. Cum s-a ajuns la „Stalingradul de pe Dunăre”* [Другое 23 августа 1944 г. Как случился «Дунайский Сталинград»], in „Dosarele istoriei”, 2004, nr. 9, pp. 31-38; Al. Oșcă, *Protagonistii actului de la 23 august 1944. Destăinuiri contemporane* [Главные герои событий 23 августа 1944 г. Свидетельства современников], in „Revista istorică”, București, Academia Română, 2004, nr. 5-6, pp. 27-42; Gh. Buzatu, *Ion Antonescu n-a respins armistițiul, ci planul complotiștilor* [Ион Антонеску отверг не перемирие, а план заговорщиков], in „Historia. Revistă de istorie”, 2004, nr. 9, pp. 10-14; I. Scurtu, *Urmările actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri* [Последствия поспешных действий 23 августа: Румыния обманута советскими и находится в состоянии войны с Великими державами], in „Historia. Revistă de istorie”, 2004, nr. 10, pp. 12-17; Gh. Buzatu, *23 august 1944: Noi probe epistolare* [23 августа 1944 г.: новые эпистолярные доказательства], in „Dosarele istoriei”, 2006, nr. 8, pp. 34-39; V. Moisuc, *Blestemul lui 23 august 1939. Premisele sale* [Проклятие 23 августа 1939 г. Его предпосылки], in „Historia. Revistă de istorie”, 2009, nr. 9, pp. 51-64.

²⁸ Gh. H. Marinescu, *23 august 1944 – 9 mai 1945. Antiaeriana română la datorie* [22 августа 1944 г. – 9 мая 1945 г. Румынская противовоздушная оборона на позициях], in „Magazin Istoric”, 1991, nr. 8, pp. 48-49; Fl. Constantiniu, *În ajunul căderii: diplomația regimului Antonescu în august 1944* [Накануне падения: дипломатия режима Антонеску в августе 1944 г.], in „Revista istorică”, Academia Română, 1994, nr. 9-10, pp. 877-881; A. Gherghel, *Amintiri despre 23 august 1944* [Воспоминания о 23 августа 1944 г.], in „Magazin Istoric”, 2002, nr. 8, pp. 8-11; Fl. Constantiniu, *„Nu în beneficiul Rusiei singure”. August 1944: criza diplomației antonesciene* [«Не в пользу одной только России». Август 1944 г.: кризис дипломатии Антонеску], in „Dosarele istoriei”, 2002, nr. 6, pp. 52-53; Fl. Constantiniu, *Despre 23 august '44, după 60 de ani* [О 23 августа 44-го, спустя 60 лет], in „Dosarele istoriei”, 2004, nr. 8, pp. 1-5; M. Carp, *La 23 august ne-am făcut datoria* [23 августа мы исполнили свой долг], in „Magazin istoric”, 2005, nr. 8, pp. 45-50; G. Trohanu, *Rela-*

и Северной Буковины 1944 год интерпретируется исключительно как «вторая советская оккупация». В этом смысле, некоторыми историками и Парижский мирный договор 1946-1947 гг. оценивается «как незаконный» и «освятивший территориальный грабёж» («raptul teritorial»), осуществлённый в результате «пакта Молотова-Риббентропа»²⁹.

Дипломатической борьбе за международное признание Бессарабии в составе Румынского королевства за последние 25 лет и в Румынии, и в Республике Молдова посвящено много работ³⁰. По бессарабскому вопросу в

tările unui martor ocular: ziua de 23 august 1944 la SSI [Свидетельства очевидца: день 23 августа 1944 г. в СБИ], in „Historia. Revistă de istorie”, 2007, nr. 4, pp. 51-54.

²⁹ I. Constantin, *Basarabia sub ocupație sovietică de la Stalin la Gorbaciov* [Бессарабия под советской оккупацией от Сталина до Горбачева], București, FIAT LUX, 1994, p. 119; V. Fl. Dobrinescu, D. Tompea, *România la cele două Conferințe de Pace de la Paris (1919-1920, 1946-1947). Un studiu comparativ* [Румыния на двух Парижских мирных конференциях (1919-1920, 1946-1947). Сравнительное исследование], Focșani, Editura Neuron, 1996, p. 106; V. Fl. Dobrinescu, I. Constantin, *Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947)* [Бессарабия в годы Второй мировой войны (1939-1947 гг.)], Iași, Institutul European, 1995, p. 343; I. Constantin, *România, Marile puteri și problema Basarabiei*, p. 240; I. Calafeteanu, *România, 1944-1947: de la armistițiu la pace* [Румыния, 1944-1947: от перемирия до мира], in „Historia. Revistă de istorie”, 2008, nr. 5, pp. 20-26 и др.

³⁰ V. Moisuc, *Premisele izolării politice a României. 1919-1940* [Предпосылки политической изоляции Румынии. 1919-1940 гг.], București, Editura Humanitas, 1991; V. Fl. Dobrinescu, *România și sistemul tratatelor de pace de la Paris (1919-1923)* [Румыния и система парижских мирных договоров (1919-1923 гг.)], Iași, Institutul European, 1993; F. C. Nanu, *Politica externă a României. 1918-1933* [Внешняя политика Румынии. 1918-1933 гг.], Iași, Institutul European, 1993; A. Goșu, *Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919-1920)* [Международное признание объединения Бессарабии с Румынией. Иоан Пеливан на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.)], in „Revista istorică. Academia Română”, 1993, nr. 9-10; P. Cernovodeanu, *Basarabia*; I. Constantin, *România, Marile puteri și problema Basarabiei*; V. Fl. Dobrinescu, D. Tompea, *România la cele două Conferințe de Pace de la Paris*; C. I. Stan, *Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920)* [Россия и Румыния на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.)], in „Revista istorică”, Academia Română, 2001, nr. 1-2; L. Pădureac, *Relațiile româno-sovietice (1917-1934)* [Румыно-советские отношения (1917-1934 гг.)], Chișinău, Editura Prut Internațional, 2003; O. Țăcu, *Problema Basarabiei și relațiile sovieto-române în perioada interbelică (1919-1939)* [Бессарабский вопрос и румыно-советские отношения в межвоенный период (1919-1939 гг.)], Chișinău, Editura Prut Internațional, 2004; I. Șişcanu, *Basa-*

румынской исторической литературе преобладает тезис: «Бессарабия – румынская земля», и всё, что ни делало румынское правительство в 20-30-е гг. для сохранения края в составе Великой Румынии было верным и справедливым, так как «и исторически, и этнически Бессарабия всегда была румынской, а её население в 1918 г. добровольно вошло в состав королевства». В этом смысле голландский историк ван Мёрс отмечает, что «в контексте написания румынской истории „объективность“ понимается как „соответствие румынским национальным интересам“, а это означает, что мои (В. П. ван Мёрса – прим. авт.) выводы могут разочаровать румынских читателей»³¹.

Работы историков из Республики Молдова, написанные после 1991 г., можно разделить на две противоположные группы: румынско-унионистскую³⁸ и молдо-государственную³⁹ (на этом последнем направлении мы остановимся чуть ниже). Первая группа публикаций четко вписывается в общее русло румынской историографии. Так, например, характеризуя политику румынских властей в Бессарабии, А. Морару пишет: «Объединение

rabia în contextul relațiilor sovieto-române. 1940 [Бессарабия в контексте советско-румынских отношений. 1940 г.], Chișinău, Editura Civitas, 2007; Fl. Constantiniu, *Tezaurul românesc, sursă de finanțare a subversiunii comuniste din România* [Румынский золотой запас – источник финансирования коммунистической подрывной деятельности в Румынии], in „Magazin Istoric”, 2011, nr. 8, pp. 5-8; Fl. Anghel, *Construcții geopolitice: Unirea Basarabiei în varianta de „cordon sanitar”* [Геополитические сооружения: объединение Бессарабии в варианте «санитарного кордона»], in „Revista istorică”, Academia Română, 2011, nr. 1-2; C. I. Stan, *Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920)* [Россия и Румыния на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.)], in „Revista istorică”, Academia Română. 2001, nr. 1-2; C. Ciucanu, *Lungul drum al confirmării diplomatice* [Долгая дорога дипломатического признания], in „Historia. Revistă de istorie”, 2012, nr. 5 и др.

³¹ W. P. von Meurs, *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*, p. 409.

³⁸ A. Moraru, *Istoria Românilor*; Gh. Cojocaru, *Sfatul Țării*; A. Moraru, I. Negrei, *Anul 1918*; N. Enciu, *Basarabia în anii 1918-1940. Evoluție demografică și economică* [Бессарабия в 1918-1940 гг. Демографическая и экономическая эволюция], Chișinău, Editura Civitas, 1998; L. Pădureac, *Relațiile româno-sovietice*; O. Țăcu, *Problema Basarabiei și relațiile sovieto-române în perioada interbelică (1919-1939)* [Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях межвоенного периода (1919-1939 гг.)], Chișinău, Editura Prut Internațional, 2004.

³⁹ П. М. Шорников, *Бессарабский фронт*, Кишинёв, Grafic-Design SRL, 2010; И. Э. Левит, *Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919-1920 гг.)*, Тирасполь, Литера, 2012 и др.

Бессарабии с Румынией в 1918 г. привело к стабилизации политической жизни, демократизации общественных отношений..., прекращению анархии и грабежей. В Бессарабии установился общественный порядок, прекратились социальные конфликты... После 1918 г. в Бессарабии происходит демократизация жизни на всех уровнях... Вся законодательная, исполнительная и судебная власть в Бессарабии координировалась монархом Румынии. Большое влияние на администрацию Бессарабии имели председатели Совета министров Румынии... Каждый из них проявлял заботу о Бессарабии, исполнял в точности законы страны на её территории, осуществлял контроль и надзор над государственными, судебными и административными лицами в этом крае»⁴⁰. И далее он продолжает: «Исторические факты доказывают..., что в последовавшие годы после Великого Объединения 1918 г. Румыния приложила значительные усилия для восстановления экономической жизни Бессарабии, для её внутреннего восстановления, экономической интеграции этого края в состав Румынского Государства»⁴¹.

Определённым исключением в этом ряду можно считать некоторые монографии И. Цуркану⁴², который приводит многочисленные факты, прекрасно подтверждённые богатейшим архивным материалом и воспоминаниями участников событий, об аграрном движении в крае, о политике румынских властей в Бессарабии, о полном политико-административном бессилии лидеров Сфатул Цэрий в 1917-1918 гг., об отсутствии у них малейшего авторитета у населения края, но выводы автора, сделанные в угоду румынизму, вступают в противоречие с содержанием его работ.

Для анализа нашего субъекта, представляют интерес и некоторые работы историографического характера румынских историков. Так, в одной из них, Фл. Ангел подробно анализирует англосаксонскую историографию бессарабского вопроса, выражая своё полное несогласие с американскими историками, которые солидаризируются со своим правительством в непризнании объединения Бессарабии с Румынией³². Другой

⁴⁰ A. Moraru, *Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria*, pp. 179, 182.

⁴¹ *Ibid.*, p. 204.

⁴² I. Țurcanu, *Relații agrare din Basarabia în anii 1918-1940* [Аграрные отношения в Бессарабии в 1918-1940 гг.], Chișinău, Universitas, 1991; I. Țurcanu, *Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918* [Объединение Бессарабии с Румынией. Прелюдии, предпосылки, успехи. 1918 г.], Chișinău, Tipografia Centrală, 1998.

³² Fl. Anghel, *Politica externă sovietică interbelică în viziunea istoriografiei anglo-saxone* [Межвоенная советская внешняя политика в интерпретации англо-саксонской историографии], in „Revista istorică”, Academia Română. 1997, nr. 5-6, p. 349.

историк, Г. Мойса, рассматривает всё написанное по бессарабскому вопросу в Румынии в период социализма, анализирует существовавшие в то время «табу» по данной теме и показывает их постепенное снятие и расширение возможностей для румынских историков писать «более объективно»³³, под «объективностью» понимая тезис «Бессарабия – румынская земля!». В этом контексте, мы считаем, что мемуары румынских политиков 1918-1940 гг.³⁴ объективнее большинства работ профессиональных историков периода после падения диктатуры Н. Чаушеску.

Особую ценность в этом отношении имеют опубликованные за последние десятилетия сборники документов³⁵, позволяющие непредвзято изучать

³³ G. Moisa, *Chestiunea Basarabiei în discursul istoriografic comunist* [Бессарабский вопрос в коммунистических историографических трудах], in „Historia. Revistă de istorie”, 2013, nr. 1, pp. 62-67.

³⁴ См.: С. Argetoianu, *Memorii* [Воспоминания], vol. 5, București, Editura Machiavelli, 1995; А. Averescu, *Notițe zilnice din război* [Военный ежедневник], vol. 2., 1916-1918, București, Editura Militară, 1992; I. G. Duca, *Memorii* [Воспоминания], vol. 3-4, *Războiul (1916-1919)* [Война (1916-1919 гг.)], București, Editura Machiavelli, 1994; О. Ghibu, *Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917-1918). Amintiri* [Жизненные баррикады. В революционной Бессарабии (1917-1918 гг.). Воспоминания], Chișinău, Editura Universitas, 1992; N. Iorga, *Memorii* [Воспоминания], vol. 1, București, Editura „Națională-Ciornei”, 1939; А. Marghiloman, *Note politice* [Политические заметки], vol. 1-3, București, Editura Machiavelli, 1993-1995.

³⁵ *1918 la Români. Documente externe* [1918 г. у румын. Внешние документы], vol. 2. București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1983; *1918 la Români. Desăvârșirea unității național-statale a poporului român. Documente* [1918 г. у румын. Завершение национально-государственного объединения румынского народа. Документы], vol. 3. București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1986; V. Fl. Dobrinescu, *Bătălia diplomatică pentru Basarabia; Diplomația cotropitorilor. Culegere de documente* [Дипломатия захватчиков. Сборник документов], Chișinău, Universitas, 1992; Șt. Ciobanu, *Unirea Basarabiei. Studii și documente* [Объединение Бессарабии. Исследования и документы], Chișinău, Editura Universitas, 1993; *Evreii din România între anii 1940-1944* [Евреи Румынии в 1940-1944 гг.], vol. 1, 2, București, Editura Hasefer, 1993, 1996; *Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917-1918. Documente* [Объединение Бессарабии и Северной Буковины с Румынией, 1917-1918 гг. Документы], Chișinău, Editura Hyperion, 1995; *Documente privind istoria României între anii 1918-1944* [Документы по истории Румынии 1918-1944 гг.], București, Editura Didactică și Pedagogică, 1995; *Relațiile româno-sovietice. Do-*

и анализировать исследуемый вопрос: как внутреннюю ситуацию в крае и настроения его населения, так и международную обстановку вокруг него.

Западная историография

Из всех публикаций западных историков, переведённых на румынский язык и включённых в научный оборот, особо следует отметить работы Ш. Д. Спектора, В. П. ван Мёрса, Ч. Кинга, К. Хитчинса³⁶. Данные исследования выделяется среди других, во-первых, глубоким пониманием процессов, происходивших в Бессарабии и вокруг неё в международной политике. Во-вторых, они раскрывают взаимосвязь внутреннего положения края с международными проблемами. Особо хотим подчеркнуть значение двух статей молодого французского историка Винсена Буле, раскрывшего положение в Бессарабии на основе дипломатических архивов Quai d'Orsay межвоенного времени³⁷.

Бессарабский вопрос в современной молдавской историографии

Изучаемый нами вопрос не обойдён вниманием и в современной молдавской историографии. Среди публикаций историков-государственников в первую очередь следует выделить книгу В. Н. Стати, в которой положение Бессарабии в межвоенный период раскрывается, ссылаясь на документы, и в которой представлена реальная картина, сложившаяся под

cumente [Румыно-советские отношения. Документы], vol. 1-2, București, Editura Enciclopedică, Editura Fundației Culturale Române, 1999, 2003.

³⁶ Sh. D. Spector, *România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I. C. Brătianu* [Румыния на Парижской мирной конференции. Дипломатия И. К. Брэтяну], Iași, Institutul European, 1995; W. P. von Meurs, *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*; Ch. King, *Moldovenii, România, Rusia și politica culturală* [Молдаване, Румыния, Россия и культурная политика], Chișinău, Editura Arc, 2002; K. Hitchins, *România. 1866-1947*, București, Editura Humanitas, 1998.

³⁷ В. Буле, *Французские дипломаты и бессарабский вопрос во время диктатуры короля Кароля II (1938-1940)*, in *Identitatea civică și integrarea europeană – factori ai consolidării statalității moldovenești* (Chișinău, 5-6 octombrie 2011), Chișinău, 2011, pp. 103-105; В. Буле, *Образ румынской администрации и настроения населения Бессарабии, отражённые во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918-1920 годов*, в „Русин. Международный исторический журнал”, Кишинев, 2012, no. 2 (28), с. 49-54.

румынской властью⁴³. Монография С. Назарии и В. Степанюка⁴⁴ является комплексным исследованием по бессарабскому вопросу, в которой осуществлён также полный анализ всего написанного по данной проблематике. Не следует игнорировать и другие работы данных авторов, изданных в разных странах⁴⁵.

Нельзя также не отметить монографию П. М. Шорникова, посвящённую рассмотрению ситуации Молдовы в годы Второй мировой войны⁴⁶.

⁴³ V. Stati, *Istoria Moldovei* [История Молдовы], Chişinău, Tipografia Centrală, 2002.

⁴⁴ S. Nazaria, V. Stepaniuc, *Problema Basarabeană şi interpretările ei în istoriografie: de la apariţie la Tratatul de la Paris (1917-1947)* [Бессарабский вопрос и его интерпретации в историографии: от начала и до Парижских договоров], Chişinău, Tipografia Centrală, 2010.

⁴⁵ С. М. Назария, *Плач по «похищенной провинции». Околоисторические фантазии об «освободительном» характере войны Румынии против СССР*, «Родина», 2009, no. 12. С. 152-155; S. Nazaria, V. Stepaniuc, *Apariția problemei basarabene în relațiile internaționale* [Возникновение бессарабского вопроса в международных отношениях], in „Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale”, 2010, nr. 4. pp. 125-141; С. М. Назария, В. Ф. Степанюк, *Молдавская Демократическая Республика и «объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права*, в „Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ”, no. 1, 2011, с. 70-88; С. М. Назария, *Международные отношения в эпоху мировых войн: Факты и мифология*, Кишинев, Tipografia Centrală, 2012; S. Nazaria, *O istorie contra miturilor: Relațiile internaționale în epoca războaielor mondiale (1914-1945/1947)* [История против мифов: международные отношения в эпоху мировых войн (1914-1945/1947 гг.)], Chişinău, Tipografia Centrală, 2012; С. Назария, *Эволюция политики стран Запада в бессарабском вопросе на Парижской мирной конференции*, in „Anuarul științific al IRIM”, volumul XI, Chişinău, 2012, С. 80-92; S. Nazaria, *Poziția statelor occidentale în problema basarabeană la Conferința de pace de la Paris* [Позиция западных государств в бессарабском вопросе на Парижской мирной конференции], in „Moldoscopie (Probleme de analiză politică)”, nr. 1 (LX). Chişinău, 2013, pp. 157-168; С. М. Назария, «...Сможем быстро захватить Бессарабию». Начало румынской антисоветской интервенции в оценках современников и историков, в „Свободная мысль”, 2013, no. 2. С. 111-122; С. М. Назария, *Июньские 1940 г. события в Бессарабии и их трактовка в современной историографии*, в „Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина”, Санкт-Петербург, 2013, no. 3, Т. 4, История. С. 92-101; С. М. Назария, *Орган молдавских националистов Сфатул Цэрий (1917 г.) и его оценки в современной румынистской историографии*, в „Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина”, Санкт-Петербург, 2013, no. 4, Т. 4, История. С. 17-26.

⁴⁶ P. Şornikov, *Moldova în anii celui de-al Doilea război mondial* [Молдова в годы Второй мировой войны], Chişinău, Tipografia Centrală, 2013.

Первая часть книги раскрывает внутреннее положение Бессарабии, дипломатическую борьбу по бессарабскому вопросу и, что особо ценно, автор подробно, на богатой архивной основе, используя воспоминания многих участников тех событий, показывает обстановку в крае в июньские дни 1940 г. и настроения его населения.

В контексте изучения бессарабской проблемы огромное значение имеют и книги специалиста в области истории Молдавии и международных отношений в эпоху мировых войн, профессора И. Э. Левита⁴⁷.

Определённую роль в деле изучения интересующей нас тематики играет и книга бывшего президента Республики Молдова П. К. Лучинского. Особый интерес вызывают его заметки о психологии молдаван, мысли о том, как преодолеть недостатки характера и «комплексы» нашего народа. В контексте изучаемого вопроса, нельзя не согласиться с автором, когда он утверждает, что «объединение было притянута за уши». Он пишет: «Что же говорить о 1918 годе, когда *de facto* вопрос уже был решён без участия молдаван и когда политический и экономический хаос на этой территории позволял любому незваному гостю вытворять всё, что он ни пожелает»⁴⁸. Раскрыты и умонастроения бессарабцев в межвоенное время.

В **заключение** следует отметить, что и румынские, и молдавские историки согласны с тем, что для истории Бессарабии 1918 и 1940 года имеют фундаментальное значение. Однако оценки этих событий в румынской и молдавской историографиях являются различными и, довольно часто, противоположными. В то время как румынские историки видят в основном позитивные эффекты объединения Бессарабии и Румынского королевства, молдавские исследователи подчеркивают колониальный статус провинции в рамках румынского государства. Учитывая научное и политическое значение изучения бессарабского вопроса, можно смело предположить, что полемика историков по данной тематике будет продолжаться ещё много лет.

⁴⁷ И. Э. Левит, *Движение за автономию Бессарабии в 1917 г.*, Кишинёв, Лига, 1997; И.Э. Левит, *Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918)*, Кишинёв, Центральная типография, 2000; И.Э. Левит, *Бессарабский вопрос в контексте международных отношений*.

⁴⁸ P. Lucinschi, *Moldova și moldovenii. De ce țara noastră este mereu la sărăcie? (Încercare de răspuns la întrebare)* [Молдова и молдаване. Почему наша страна постоянно пребывает в бедноте? (Попытка ответа на вопрос)], Chișinău, Cartea Moldovei, 2007, pp. 185, 191.

БОИ ЗА КОНТРОЛЬ НАД РИГОЙ В 1600 – 1611 ГОДАХ

FIGHTS TO TAKE OVER CONTROL THE CITY RIGA (1600-1611)

Збигнев ХМЕЛЬ

Институт истории Варшавского университета

zbigniew.chmiel@gmail.com

Rezumat: Luptele pentru preluarea controlului asupra oraşului Riga (1600-1611)

Scurta domnie a lui Sigismund III Vasa în Suedia (din 1587, rege al Poloniei şi Mare Duce de Lituania) şi detronarea lui au condus la izbucnirea războiului polono-suedez în 1600. Prin încorporarea Estoniei suedeze în teritoriul Uniunii lituaniano-poloneze, regele polonez a transformat conflictul dinastic din interiorul casei de Vasa (Wasa) într-un război de lungă durată între cele două ţări. Livonia a devenit câmp de luptă. Armata poloneză, care nu avea nici o flotă, a trebuit să apere provincia de numeroasele invazii ale regelui suedez, Carol al IX-lea. Scopul armatei suedeze a fost să profite (pentru apărare) de oraşele fortificate, în special de cel mai mare şi mai bogat: Riga. În prima fază a războiului, care a început în 1611, atacurile suedezilor nu au avut succes datorită vitejiei cetăţenilor şi victoriilor obişnuite ale armatei polono-lituaniene în bătăliile date în câmp deschis. Cu toate acestea, Uniunea nu a reuşit să câştige războiul, iar în 1617 luptele au fost reluate de către noul rege, Gustavus Adolphus al Suediei.

Abstract: Fights to take over control the city Riga (1600-1611)

Short reign of Sigismund III Vasa in Sweden (since 1587, King of Poland and Grand Duke of Lithuania) and his dethronement led to the outbreak of Polish-Swedish War in 1600. By incorporation of the Swedish Estonia into the Polish-Lithuanian Commonwealth territory, the Polish king transformed the dynastic conflict inside the Vasa (Wasa) House into a long-standing war between the two countries. Livonia became the battlefield for Swedish and Polish troops. The Polish army, which did not have any fleet, had to defend the province against numerous invasions of the Swedish king, Charles IX. The aim of the Swedish army was to seize fortified cities, particularly the biggest and the wealthiest one; Riga. In the first phase of the war, which started in 1611, the attacks were unsuccessful due to the bravery of the citizens and regular victories of the Polish-Lithuanian army in the battles in the open field. However, the Commonwealth did not manage to win the war, and in 1617 the fights were resumed by the new king, Gustavus Adolphus of Sweden.

Résumé: Les luttes pour le contrôle de la ville de Riga (1600-1611)

Le court règne de Sigismond III Vasa en Suède (de 1587, roi de la Pologne et Grand Duc de Lituanie) et son détronement menèrent à l'éclatement de la guerre polonaise-suédoise en 1600. Par l'inclusion de l'Estonie suédoise dans le territoire de l'Union lituanienne-polonaise, le roi polonais transforma le conflit dynastique de l'intérieur de la famille de Vasa (Wasa) dans une guerre de longue durée entre les deux pays. La Livonie devint le champ de bataille. L'armée polonaise, manquée de flotte, aussi, dut défendre la province des nombreuses invasions du roi suédois, Charles IX. Le but de l'armée suédoise fut de profiter des villes fortifiées, spécialement de celui plus grand et plus riche : Riga. Pendant la première phase de la guerre, qui débuta en 1611, les attaques furent manqués de succès grâce au courage des citoyens et aux victoires habituelles de l'armée polonaise-lituanienne dans les luttes du champ ouvert. Malgré cela, l'Union ne réussit pas à gagner la guerre et en 1617, le nouveau roi, Gustavus Adolphus de Suède, recommença les luttes.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Riga, Livonia, battle of Kirchholm, Swedish-Polish War, 17th century

Предисловие

Во время польско-шведских сражений за Ливонские земли в 1600-1611 годах Рига была самым большим портом в этой части Балтийского моря. В это время город был практически монополистом в посредничестве между территориями Великого Княжества Литовского и Псковом и купцами из западной Европы. Город находился в важной стратегической точке, что давало возможность контролировать торговлю вдоль Двины, и являлся так называемыми «воротами в Ливонию». Кроме того, контроль над портами, производимый вдоль Балтийского побережья, позволял извлекать прибыль из пошлины, собираемой с купцов, а также являлся гарантом поставки продовольствия в случае неурожая (что в Швеции в тот период случалось довольно часто¹). Именно поэтому во время польско-шведских войн за Ливонию Карл IX Седерманландский, а в дальнейшем Густав II Адольф, упорно стремились к захвату города, а король Сигизмунд III Ваза и последующие предводители польско-литовских войск изо всех сил стара-

¹ R. Tuchtenhagen, *Szwedzkie Dominium Maris Baltici w epoce nowożytnej* [The Swedish Dominium Maris Baltici in the Modern Era], „Zapiski Historyczne”, т. 71, 2006, н. 2-3, с. 81-103.

лись удержать его в своих руках. Именно вооруженные столкновения, имевшие место на первом этапе военных действий (1600-1609) вокруг Риги и расположенной в ее непосредственной близости крепости Дюнамюнде, являются предметом анализа данной статьи.

В состав Речи Посполитой официально Рига вошла только в 1581 году, когда приняла власть короля Стефана Батория. Однако, несмотря на это, она сохранила широкую экономическую самостоятельность. Как в период, предшествующий началу польско-шведской войны (1600-1629), так и во время самой войны часто возникали конфликты между городом и королевскими гарнизонами, находившимися как в городском замке, так и в замках, расположенных вокруг города. Из них важнейшим была крепость Дюнамюнде, (Даугавгрива), которая позволяла осуществлять контроль над устьем Двины и Рижским заливом. В обсуждаемый период замком занимался (в качестве местного старосты) великий маршалок литовский Кжиштоф Монивид Дорогостайский, который заботился о надлежащем снабжении и следил за нужной для крепости численности гарнизона. Командантом крепости он назначил Яна Островского. Замок представлял собой архитектурный ансамбль прямоугольной формы, был модернизирован Симоном Генге в последние годы правления Стефана Батория. Со всех сторон его окружала вода, а на трех из четырех углов были построены современные бастионы².

На рубеже XVI и XVII веков, несмотря на проблемы с гарнизонами замков и конфликты с находившимися в городе иезуитами, горожане Риги всегда были на стороне Речи Посполитой. Это было связано с огромной прибылью, которую город получал за посредничество в торговле, а также с привилегиями, данными Стефаном Баторием и Сигизмундом III Вазой³. За весь XVII век Рига, даже после захвата города шведами, была для Великого Княжества Литовского главным портом, а для шляхты местом снабжения в эксклюзивные товары и подарки⁴. В период, когда город находился во вла-

² S. Herbst, *Wojna inflancka 1600 – 1602* [The Livonia War 1600-1602], Забже 2006, с. 72.

³ В. Дорошенко, *Торговля и купчество Риги в XVII веке* [Trade and Merchandise in XVII century Riga], Пута 1985, с. 50.

⁴ А. Dziarnowicz, *Inflanckie wojny w źródłach i świadomości społeczeństwa Wielkiego Księstwa Litewskiego w drugiej połowie XVI i w XVII wieku* [Livonia in the source texts and awareness of the Grand Duchy of Lithuania's society in the second half of the XVI and in the XVII century] [в:] *Wojny północne XVI – XVIII wieku* [The northern wars of XVI-XVIII century], ред. В. Dybaś, Торунь 2007.

дении Речи Посполитой, он пользовался благоприятной экономической ситуацией, а монополии давали возможность рижским купцам получать огромную прибыль от экспорта товаров, производимых на территории бассейна реки Двины. В конце XVI века Рига отставала еще от Гданьска и Кенигсберга, однако быстрое экономическое развитие литовских помещичьих хозяйств сулило ей хорошее будущее⁵.

Начало войны

Свержение с престола Сигизмунда III Вазы (правитель Польши с 1587 года, Швеции с 1592 года) шведским риксдагом в 1599 году, а также объявленное королем включение Эстонии в состав Речи Посполитой, напрямую привели годом позже к началу польско-шведской войны⁶. Прежде всего присоединение спорной провинции к польско-литовскому государству, что стало исполнением данного шляхте много лет назад слова взамен за избрание на престол в Кракове, превратило династический спор двух Вазов в международный конфликт. Главным театром боевых действий после быстрого захвата Карлом Седерманландским Финляндии и Эстонии (провинции Шведского королевства, контролируемые сторонниками Сигизмунда), должна была стать Ливония. Шведские войска напали на нее уже летом 1600 года и практически полностью захватили. Как будто ожидая такого сценария, сейм 1598 года принял конституцию *Ordinatio Livoniae II*, которая уравнивала шляхту Короны Королевства Польского, Великого Княжества Литовского и Ливонии в праве пользоваться учреждениями провинции (до сих пор последние были этой возможности лишены, из-за чего чувствовали себя, как захваченное население), а также установила 3 воеводства и ввела принцип выбора шести послов в сейм Речи Посполитой. Все эти шаги должны были еще сильнее сплотить Ливонию с Речью Посполитой, а также укрепить преданность их населения к Сигизмунду III Вазе⁷.

⁵W. Doroszenko, *Eksport Rygi na Zachód w okresie przynależności do Rzeczypospolitej 1562 – 1620* [Riga's export to west during its affiliation with the Commonwealth 1562-1620], „Zapiski Historyczne”, т. 31, 1966, н. 1, с. 35.

⁶H. Wisner, *Zygmunt III Waza* [Sigismund III Vasa], Вроцлав 2006, с. 89.

⁷E. Travel, *Stosunek prawno państwowy Inflant do Rzeczypospolitej oraz ich ustrój administracyjny w l. 1561 – 1621* [The legal and national relation of Livonia to the Commonwealth and its administrative system between 1561-1621], „Zapiski Historyczne”, т.

В связи с тем, что сейм 1600 года не принял нужных налоговых постановлений, необходимых для содержания армии, польские войска в Ливонии с самого начала оказались в проигрышной ситуации. К тому же, прежде чем им удалось сгруппироваться, шведы захватили ряд крепостей, которые в последующих этапах военных действий надо было с трудом отбивать⁸. В случае начала войны власти Риги обязаны были обеспечить армию Речи Посполитой помощью в виде 300 солдат с оружием и амуницией. Горожане, однако, считали это количество завышенным, поэтому под предлогом излишне высоких сборов, отказывались платить взимаемые с города налоги. Уже 19 июля 1600 года четыре шведских крейсера заплыли в Двину, чему малочисленный и недостаточно снабженный пушками гарнизон Дюнамюнде, не в состоянии был существенно помешать. Это вызвало в Риге довольно большое смутение, потому что укрепления города находились в очень плохом состоянии⁹. В августе появились в городе шведские парламентарии, призывавшие жителей провинции к признанию власти регента Швеции, Карла Седерманландского (королем он стал только в 1604 году). Несколько дней спустя шведская армия оказалась в Ливонии и мгновенно завоевала их северную часть, вместе с Пярну и Вейсенштейном. В январе сдались другие города: Дерпт, Вольмар и Цесис¹⁰. Это стало возможным из-за недостаточной подготовки Речи Посполитой к войне, а также сосредоточению большей части ее вооруженных сил в Молдавии, где велись сражения с князем Михаем Храбрым¹¹. Эффективное со-

34, 1969, н. 1, с. 73 – 74.

⁸ P. Florek, *Stan przygotowania armii Wielkiego Księstwa Litewskiego do wojny ze Szwecją (1600-1601)* [The preparedness of the army of the Grand Duchy of Lithuania to the war with Sweden (1600-1601)] [в:] *Organizacja armii w nowożytnej Europie: struktura-urzędy-prawo-finance* [The organization of modern era army in Europe: the structure, authorities, law, finances], ред. К. Łopatecki, Забже 2011, с. 145.

⁹ E. Jekabsons, *Miasto Ryga i twierdza Dźwinoujście w czasie wojny polsko-szwedzkiej 1600-1621* " [City Riga and stronghold Dźwinoujście during Polish Swedish War 1600-1621], „Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska w Białymstoku”, т. 12, 1998, с. 21 – 22; H. Wisner, *Kircholm 1605*, Варшава 1987, с. 44.

¹⁰ S. Herbst, *Wojna inflancka...* [The Livonia War...], с. 51 – 62.

¹¹ J. Wimmer, *Wojsko i skarb Rzeczypospolitej u schyłku XVI i w pierwszej połowie XVII wieku* [The army and treasury of the Commonwealth in the afternoon of the XVI and in the first half of XVII century], „Studia i Materiały do Historii Wojskowości”, т. 14, 1968, н. 1, с. 17.

противление врагу было невозможным также из-за поведения шляхты Ливонии, которой по религиозным соображениям более близка была лютеранская Швеция.

Захват шведами почти всей территории Ливонии на север от Двины привел к тому, что на повестку дня встал вопрос о настроении и подготовке к защите самой Риги. Князь Карл, а также представители ливонской шляхты и жители города Ревель (в настоящее время Таллин), перешедшие на его сторону, пытались убедить городской совет перейти на шведскую сторону, объясняя это, среди прочих, религиозными предпосылками. Послы, однако, ничего не добились, а переписка была передана гетману великому литовскому Христофору Радзивиллу по прозвищу Перун и Сигизмунду III Вазе¹². Для горожан важнее была экономическая прибыль, которую обеспечивала торговля с литовской шляхтой, чем присутствие в городе нескольких католических священников и монахов, перед которыми так предостерегал князь-регент.

Однако помимо этого, городской совет не пустил на территорию города 300 воинов, присланных, предводительствовавшим в то время в Ливонии воеводой венденским, Георгом фон Фаренсбахом, выражая опасения по поводу поведения столь многочисленной группы солдат в городе. Это было результатом беспокойства и опасения горожан, что сильный королевский гарнизон может ограничивать автономию города внутри польско-литовского государства. Рижане предпочитали провести призыв в армию за свой счет, а также предназначить немалые денежные суммы на обновление земельных укреплений, окружавших город. Такое поведение вызвало тревогу воеводы, который не доверял властям Риги и их уверениям в лояльности¹³. Сам город с восточной стороны был защищен каналом и окружен средневековыми городскими крепостными стенами. Весь этот оборонительный комплекс находился внутри современного земельного вала, укрепленного палисадом и оврагом. В его состав входили 4 бастиона: Якова, Песочный, Центральный и Банный, а также один полубастион у реки с южной стороны¹⁴. Дополнительно с северной стороны город был за-

¹² Карл Седерманландский в городской совет Риги, 1 IX 1600 г., Библиотека польской академии наук (далее: ПАН) в местности Курник, н. 293.

¹³ Г. Фаренсбах королю, 26 II 1601 г., Библиотека Рачиньских, н. 293; A. Ziemiańska, *Ryga w Rzeczpospolitej polsko-litewskiej (1581 – 1621)* [Riga in the Polish-Lithuanian Commonwealth (1581-1621)], Торунь 2008, с. 212.

¹⁴ *Ibidem*, с. 213.

щищен замком, в котором располагались польские войска. Самое слабое укрепление находилось со стороны реки, где поспешно вознесли всего лишь деревянный палисад (на постройку блокгауза король не дал согласие¹⁵).

Шведы под Ригой

В марте 1601 года шведские войска напали на замок в Новом Млыне, защищавшем подход к Риге с северной стороны. Однако нападение было отражено предводителем обороны Яном Островским. Только 19 марта, когда шведские войска увеличились до 1800 солдат и шести артиллерийских орудий, военачальник произвел эвакуацию войск, а замок приказал взорвать¹⁶. Однако Шведы провели необходимые восстановительные работы и организовали там отправную базу для боевых действий против города, на которые защитники отвечали вылазками на позиции неприятеля¹⁷. В июле 1601 года на рижском рейде появились шведские судна, которые блокировали экспорт литовских товаров, а также не допускали поставку военной помощи водным путем для осажденного замка Кокенгаузен (на Двине, на восток от Риги). Рижане пытались прорвать блокаду путем укрепления армейского состава Дюнамюнде, до тех пор состоявшей исключительно из солдат, призванных великим маршалком литовским Кжиштофом Дорогостайским. Это, однако, не принесло ожидаемых результатов, и шведский флот по-прежнему перекрывал поставки продовольствия и военной техники в город. Дополнительно 300 рижских пехотинцев поддержали в то время силы гетмана Христофора Радзивилла и приняли участие в победоносной битве со шведами под Кокенгаузенем 23 июня 1601 г.¹⁸

В июле 1601 года Карл Седерманландский высадился в Пярну и оттуда направился на юг. 11 августа его отряды напали на крепость Дюнамюнде, как со стороны материка, так и с берега, откуда ее обстреливало около тридцати судов. Это событие, а также захват замка, должны были стать началом захвата Риги. Однако защита крепости вылилась в кровавую рас-

¹⁵ Король к Хвк, 4 IV 1601, Biblioteka Ordynacji Zamoyskich, н. 1786.

¹⁶ S. Herbst, *Wojna inflancka...* [The Livonia War...], с. 74.

¹⁷ R. Heidenstein, *Reinholdii Heidensteinii secretarii regii rerum polonica rum ab excessu Sigismundi Augustii libri duodecym* [The history of Poland since the death of Sigismund Augustus in XII books by Rainhold Heidenstein, the Royal Secretary], Frankfurt Nad Menem, 1672, с. 367.

¹⁸ S. Herbst, *Wojna inflancka...* [The Livonia War...], с. 96 – 103.

праву, а ее отряды совершили диверсионный поход на блокировавшие ее силы, нанося противнику серьезные потери¹⁹, как раз в то время, когда большинство шведских отрядов маршировало по направлению к Риге.

15 августа 1601 года в Ригу прибыли очередные посланцы герцога Карла. Они обещали городу сохранение всех привилегий, изгнание иезуитов, а также признание исключительно лютеранского вероисповедования на территории Риги. Однако и на этот раз городской совет ответил отказом. В связи с этим шведская армия приблизилась к городу, а флот приплыл в Двину, где на небольших островках соорудил шанцы, давшие возможность обстреливать город со стороны реки. Однако в то время со стороны материка подступы к городу защищали около 1,5 тысячи солдат под предводительством Георга фон Фаренсбаха, который организовал защиту прибрежной территории.

В сентябре у крепостных стен расположились также только что прибывшие отряды Христофора Радзивилла по прозвищу Перун. Им также был запрещен вход на территорию городских фортификационных сооружений. Только лично гетман литовский вместе с ближайшей свитой мог поселиться в замке. Однако появление под Ригой всей, хотя и меньшей чем шведская, литовской армии помешало герцогу захватить город в обычном сражении. Хотя шведы и попытались захватить город еще раз, предприняв неожиданную атаку, им это не удалось. Тем временем 9 сентября только что прибывшие полки тут же атаковали укрепленные позиции польско-литовских войск, однако их ночной штурм был отбит в кровавом сражении. В данной ситуации в конце сентября 1601 года, узнав о приближении коронной армии под предводительством самого Сигизмунда III и великого коронного гетмана Яна Замойского, шведы прекратили блокаду Риги и в ночь с 26 на 27 сентября торопливо удалились на север²⁰. Стоит напомнить, что вызванный военными действиями массовый голод и распространяющаяся эпидемия чумы, привели к появлению у городских стен нескольких тысяч ливонских крестьян, которые в самом большом городе провинции решили искать прибежище и лучшие условия жизни. Это заставило задуматься над

¹⁹ E. Jekabsons, *Miasto Ryga i twierdza...* [City Riga and stronghold...], с. 22.

²⁰ G. Manteuffel, *Zarys dziejów krain dawnych inflanckich, czyli Inflant właściwych (tak szwedzkich jako i polskich), Estonii z Ozyliq, Kurlandii i Ziemi Piltyńskiej* [The outline of the history of Livonia (both Swedish and Polish), Estonia with Ösel, Courland and Pilten Land], ред. K. Zajas, Краков 2007, с. 148 – 149.

вопросом помощи беженцам. Благотворительной деятельностью занялись городской совет и находившиеся в городе иезуиты²¹.

Благодаря штурму Яна Замойского в северном направлении, а в дальнейшем благодаря действиям гетмана Яна Карла Ходкевича, Рига в течение нескольких лет была защищена со стороны материка. В то время она являлась главным оперативным центром польско-литовских войск и их пунктом снабжения. Город поставлял полевым войскам пушки, а также лодки и баржи для их транспортировки²². В результате наступления коронных отрядов удалось отбить несколько важных городов и замков. Таким образом, в феврале 1603 года у шведов оставались всего лишь 3 больших города: Пярну, Таллин и Нарва. Рига в это время понесла дополнительный большой расход, наняв 600 мушкетёров, которые должны были присоединиться к армии Замойского в 1602 году. Однако, непослушный отряд вместо того, чтобы отправиться на место сражений, начал громить окрестности Адажи, и его пришлось разоружить. Кроме того, на Ригу наложили обязательство снабжения продовольствием, порохом и амуницией гарнизонов замков, отвоеванных у шведов, а ремесленников использовали для починки неисправной военной техники, а также для постройки переправ и мостов. Городской совет, а также некоторые состоятельные горожане, оказывали финансовую поддержку последующим военным начальникам в Ливонии, страдавшим от вечной нехватки денежных средств²³.

В Речи Посполитой прекрасно понимали, какую роль Рига и крепость Дюнамюнде играют в контексте военных действий, проводимых в Ливонии. В 1603 году как крепость, так и городской замок были снабжены продовольствием, а король передал городскому совету деньги на жалованье для солдат²⁴. В тот период, благодаря многочисленным торговым контактам, другие города (среди прочих Гданьск и Любека), участвовавшие в ак-

²¹ E. Jekabsons, *Miasto Ryga i twierdza...* [City Riga and stronghold ...], с. 23

²² B. Janiszewska-Mincer, *Rzeczpospolita Polska w latach 1600 – 1603. Narastanie konfliktu między Zygmuntem III Wazą, a stanami* [Polish Commonwealth between 1600-1603. The rise of the conflict between Sigismund III Vasa and the people], Быдгощ 1984, с. 87.

²³ A. Ziemlewska, *Postawa Rygi wobec państwa polsko-litewskiego na przełomie XVI i XVII wieku* [The attitude of Riga towards Polish – Lithuanian Commonwealth at the turn of the XVI and XVII century] [в:] *Wojny północne XVI – XVIII wieku* [The northern wars of XVI-XVIII century], ред. B. Dybaś, Торунь 2007, с. 76 – 77.

²⁴ J. Firlej do rady miejskiej Rygi, 14 I 1603 r. [в городской совет Риги, 14 I 1603 г.], Latvijas Valsts Vestures Arhivs (далее: LVVA), ф. 673, а. 1, н 1300, с. 39.

тивной балтийской торговле, информировали Ригу о возможных нападениях шведов, а Гданьск даже предлагал прислать наемный отряд, состоящий из 60-ти человек для укрепления городского гарнизона. Однако самой большой проблемой, отрицательно сказывавшейся на финансовом положении рижских купцов, были действия флота противника. В 1603 году вражеский флот напал на 72 судна, плывшие из Риги. 26 кораблей были взяты в плен и направлены в Пярну, находившемся в то время в шведском распоряжении²⁵. В следующий раз около 30 скандинавских кораблей появились у крепости Дюнамюнде в 1604 году с намерением помешать проходу водным путем снабжения для литовских войск, находившихся в Ливонии, а также посредством экономических потерь подорвать преданность города по отношению к Речи Посполитой. Шведский флот не позволял выйти из порта голландским и любекским суднам. В сложившейся ситуации, желая защитить порт, король Сигизмунд III приказал маршалку Дорогостайскому (являвшимся одновременно местным старостой) снабдить крепость Дюнамюнде артиллерийским оружием и людьми, а Мачею Ленеку, рижскому старосте, дополнительно укрепить отряды городского замка 100 солдатами. Следует, однако, подчеркнуть, что эти действия являлись только частично эффективными. Суть в том, что у Речи Посполитой, не имевшей в то время собственного военного флота, не было возможности прикрыть торговые судна, находившиеся вне зоны дальности огня артиллерии, расположенной на материке.

Битва под Кирхгольмом

В очередной раз шведы штурмовали устье Двины в Балтийское море в августе 1605 года, когда литовская армия, защищавшая Ливонию, была очень немногочисленной. Именно тогда четырехтысячная армия под предводительством Фридриха Иоахима Мансфельда, с 6 артиллерийскими орудиями, начала осаду крепости Дюнамюнде. Но гарнизон крепости, состоявший всего лишь из 100 наемников, 10 казаков и 89 латышских крестьян, отбил 3 штурма противника, намного его превышавшего своей численностью²⁶. Более того, защитники под предводительством Габриэля Бя-

²⁵ LVVA, ф. 673, а. 1, н. 1228, с. 104; A. Szelągowski, *Walka o Bałtyk* [Combat about the Baltic Sea], Львов 1904, с. 179.

²⁶ E. Jekabsons, *Miasto Ryga i twierdza...* [City Riga and stronghold...], с. 23 – 24.

лозора захватили одно шведское судно с погрузкой меда, вин и пива, которое оплошно село на мель вблизи польских позиций²⁷.

Рига стала главной целью военных действий. В ее сторону направлялись отряды, возглавляемые самим Карлом IX, которые произвели высадку в Пярну, а также шедший из Ревеля корпус Ленартсона²⁸. В этот раз город основательно подготовился к обороне: запасы оружия пополнены, купеческие склады эвакуированы на окраины и защитные позиции укреплены. Шведских послов, прибывших в город 13 августа, по приказу совета расстреляли. Желая отомстить, Мансфельд сжег дотла окраины города вместе с находившимися там мельницами, костелами, складами и домами представителей высших сословий. 22 августа, воспользовавшись неполной блокадой города со стороны противника, защитников Риги поддержало 300 солдат ленника Речи Посполитой, герцога Курляндии Фридриха Кетлера. Продукты питания, нужные защитникам, из своих складов передал великий канцлер литовский Лев Сапеха. В сентябре к Риге лично прибыл Карл IX, который не только в очередной раз пытался уговорить город сдаться, но также установил тайные отношения с группой поддерживавших его горожан, в расчете на то, что те откроют ему городские ворота. Однако заговорщиков задержали. В этой ситуации шведы начали планомерную осаду как крепости Дюнамюнде, так и самой Риги, размещая главный свой лагерь в местности Келлерскер. Их войска в то время насчитывали уже 14 000 солдат.

Помимо значительного превосходства шведов, гетман Ян Карл Ходкевич решил провести бой в открытом поле. Он прекрасно понимал, что потеря Риги - это потеря крупнейшего порта в Ливонии, лишение литовских войск основной базы снабжения и захват шведами контроля над двинской торговлей. Именно через Ригу проходило в тот период около 75% вывозимого зерна, 80% льна и конопли, а также примерно 90% пепла и дегтя²⁹. Кроме того, постоянные организационные, транспортные, хозяйственные проблемы войск в Ливонии и нежелание шляхты установить налоги, позволявшие содержать армию на протяжении долгого времени, привели бы к окончательной потере города.

²⁷ H. Wisner, *Kircholm 1605*, с. 95.

²⁸ J. Wimmer, *Wojsko i skarb Rzeczypospolitej...* [The army and treasury of the Commonwealth...], с. 22.

²⁹ В. Дорошенко, *Торговля и купечество...*, [Trade and Merchandise...] с. 53.

Доверия не было также по отношению к горожанам, которых обвиняли в проявлении симпатии к шведам, несмотря на то, что городской совет постоянно сообщал гетману о передвижениях шведского флота³⁰. Поэтому литовский предводитель решил подойти к Риге и спровоцировать Карла IX к битве, что в конечном итоге ему удалось. Сражение под Кирхгольмом 27 IX 1605 года закончилось одной из величайших побед Речи Посполитой во всей ее истории. Благодаря максимальному использованию подвижности и ударной силы гусаров, 4000 литовцев победили армию, насчитывавшую от десяти до двенадцати тысяч солдат. Побежденные шведы быстро прекратили осаду Риги и крепости Дюнамюнде и убежали на корабли³¹. 29 сентября Гетман Ходкевич, показывая захваченные артиллерийские орудия и знамена, триумфально въехал в город и был принят городским советом. Затем прошли похороны погибших победителей и важных офицеров вражеской стороны³². Однако нехватка финансовых средств на жалованья для победоносной армии и начало сандомерского мятежа, который заставил литовские отряды покинуть Ливонию, помешали воспользоваться победой. Ходкевичу пришлось заключить перемирие со шведами, которое должно было действовать до октября 1608 года³³.

Капитуляция крепости Дюнамюнде

Но уже в 1606 году перемирие было нарушено, когда шведские корабли появились под Ригой и начали блокировать проход судов из городов, торговавших с Ригой (среди прочих из Гданьска, Кенигсберга и Липавы). Карл IX Седерманландский решил воспользоваться происходившим в Речи Посполитой сандомерским бунтом, который поглотил все польско-литовские силы и средства, а также отвлек внимание шляхты от ситуации с Ливонией. Шведы даже высадили десант с целью захватить крепость Дюнамюнде, чего, однако не случилось благодаря бдительности гарнизона,

³⁰ Я. К. Ходкевич городскому совету Риги, 16 VIII 1605 г., LVVA, ф. 673, а. 1, н. 1302, с. 68.

³¹ H. Wisner, *Kircholm 1605*, с. 100 – 115; P. Szpaczyński, *Mocarstwowe dążenia Zygmunta III w latach 1587-1612* [Imperial aspirations of Sigismund III between 1587-1612], Краков 2013, с. 210-211.

³² E. Jekabsons, *Miasto Ryga i twierdza...* [City Riga and stronghold..., с. 25.

³³ A. Filipczak-Kocur, *Skarbowość Rzeczypospolitej 1587-1648, Projekty-ustawy-realizacja* [The treasury of the Commonwealth 1587-1648, Projects-Laws-Implementation], Варшава 2006, с. 107.

который быстро был усилен 33 местными латышскими крестьянами, а в дальнейшем 93 солдатами, присланными из Риги. Город опасался очередного нападения и поэтому, защищая свою торговлю, нанял несколько голландских и английских кораблей вместе с экипажем, а также наемные пехотные войска в Кенигсберге. Защитникам города повезло, поскольку шведы также были обессилены после последнего поражения и не решились штурмовать город большими войсками. Но очередные расходы опустошали городскую казну. Город был вынужден на своих плечах нести большую часть тяжестей войны, которую Речь Посполита не могла закончить в свою пользу, поскольку уже несколько лет сама боролась с финансовыми трудностями. По этой причине сейм, желая укрепить связь между Ливонией и остальной частью государства, принял в 1607 году новые постановления для провинции, наделяя местную аристократию одинаковыми правами с жителями Короны и Литвы³⁴.

Только в июле 1608 года шведы возобновили усиленные военные действия. Во главе девятитысячного войска в Ливонии оказался Фридрих Иоахим Мансфельд. Эти войска направились к Дюнамюнде, чтобы путем захвата крепости приобрести подходящую исходную базу для набегов на город и иметь возможность обстреливать корабли, заходившие и выходявшие из Риги. 26 июля начался обстрел крепости со стороны Двины, где появилось приблизительно 60 вражеских кораблей. Литовские войска не были готовы к немедленному отпору врага, несмотря на то, что уже весной 1608 года рижане сообщали о подготовке шведов к очередному вторжению. Вместо денег и армии из Варшавы в Ливонию посылались призывы к мужественному противостоянию и преданности Речи Посполитой³⁵.

После недельной осады, 5 августа 1608 года, крепость Дюнамюнде капитулировала. Воинские отряды во главе с Габриэлем Бялосорем могли достойно покинуть крепость, но 40 оставшихся в замке артиллерийских орудий достались неприятелю, в то время как находившийся недалеко от замка Новый Шанец, продолжал оставаться под контролем литовских

³⁴ J. Heyde, *Kość niezgody – Inflanty w polityce wewnętrznej Rzeczypospolitej w XVI – XVII wiek* [Bone of contention – Livonia in the internal policy of the Commonwealth in XVI-XVII century] [в:] *Prusy i Inflanty między średniowieczem a nowożytnością. Państwo – społeczeństwo – kultura* [Prussia and Livonia from the Middle ages to the Modern Era. country-society-culture] ред. B. Dybaś, D. Makiła, Торунь 2003, с. 165.

³⁵ E. Jekabsons, *Miasto Ryga i twierdza...* [City Riga and stronghold...], с. 26.

войск³⁶. В отношении прибывших в город защитников было возбуждено следствие, где они обязаны были объяснить причины такой быстрой капитуляции. Грабя и сжигая окраины города, шведы направились к Риге, которая в очередной раз отказалась сдаться шведским властям. В то время, когда враг осаждал крепость Дюнамюнде, литовские войска были приведены в состояние боевой готовности. Прибытие на территорию военных действий Яна Кароля Ходкевича, укрепление им отрядов рижского замка, а также возведение рядом с городом полевых укреплений, блокировавших свободное движение шведов, помешали Мансфельду осуществить задуманную осаду города. В этой ситуации он углубился в Ливонию, оставляя в районе Риги сильный гарнизон крепости Дюнамюнде и флот. Таким образом, город терял большинство своих доходов, поскольку корабли, нагруженные товаром, по несколько недель должны были стоять в порту, чтобы не попасть в шведские руки. Утратившие надежду рижане, вооружили несколько торговых кораблей и таким мнимым флотом в конце октября 1608 года напали на корабли, блокировавшие устье реки³⁷. Атака поддерживалась с материка артиллерийским огнем Нового Шанца. Удалось затопить одно вражеское судно, захватить несколько артиллерийских орудий, расположенных на берегу, а оставшуюся часть флота заставить отступить. 8 ноября, ввиду приближавшейся зимы, весь шведский флот уплыл по направлению к Стокгольму. Однако крепость Дюнамюнде по-прежнему находилась в руках отрядов неприятеля, которые взимали высокие пошлины с направлявшихся к Риге кораблей, а также препятствовали торговле военными материалами. Такая ситуация привела к тому, что капитаны некоторых кораблей предпринимали попытки прорываться в порт под обстрелом шведских артиллерийских орудий³⁸.

Удачливый год 1609

Военные действия возобновились в 1609 году. Хотя в феврале литовским войскам не удалось ещё завоевать крепость Дюнамюнде, был пойман один житель Риги, который во время пыток признался, что вместе с дру-

³⁶ Н. Wisner, *Kircholm 1605*, с. 121.

³⁷ К. Сандецки городскому совету Риги, 26 X 1612 г., LVVA, ф. 673, а. 1, н. 1219, с. 57.

³⁸ А. Ziemiańska, *Ryga w Rzeczpospolitej...* [Riga in the Polish-Lithuanian Commonwealth...], с. 224 – 225.

гом хотел открыть шведам одни из городских ворот³⁹. За это время Ходкевичу удалось укрепить свои войска личными отрядами литовских магнатов. С этими силами гетман польный литовский отправился на Пярну. За шесть дней прошел 200 километров и 2 марта 1609 года завоевал город, а также замок, находившийся во вражеских руках почти с самого начала войны за Ливонию⁴⁰. Затем направился к Риге, находившейся под угрозой захвата войсками Мансфельда. Затем одержал победу над шведами с помощью ложного флота (состоявшего из кораблей, завоеванных в Пярну, а также купленных у английских и голландских купцов) в битве у устья Салацы в ночь с 23 на 24 марта, и тем самым снял с Риги морскую блокаду. Отвоевание Яном Карлом Ходкевичем Пярну привело к тому, что отряды крепости Дюнамюнде были все более отстранены от остальной части шведских сил. Однако, когда в марте 1609 года казалось, что ее судьба уже предрешена, отряды гетмана литовского, давно не получавшие денег, отказались от дальнейшей службы и ушли в Литву. В тот период большую стойкость проявил шведский комендант крепости Нильс Шерншёльд, который отверг предложение капитуляции, помимо угроз Ходкевича вывезти пойманных в Пярну жену и детей шведа в глубь Речи Посполитой. Военные действия приостановились до осени, когда 8 октября Ходкевич, при поддержке курляндских и рижских отрядов, разгромил войска Мансфельда в сражении у реки Гауя. Ошеломленные этим разгромом, изголодавшиеся отряды крепости Дюнамюнде, насчитывавшие к тому времени всего лишь 100 здоровых солдат, капитулировали⁴¹. Успехи немногочисленного литовского войска в сражении с более многочисленным и располагавшим сильным флотом врагом, были поразительны, особенно потому, что отряды в Ливонии с 26 сентября 1608 года служили в кредит⁴².

С этого момента военные действия во всей провинции замерли. Обе стороны искали решения конфликта на территории погруженного в Смутное время Московского государства (союзнический шведско-русский договор в Выборге в 1609 году и нападение Речи Посполитой на Смоленск⁴³). В

³⁹ LVVA, ф. 673, а. 1, н. 1013, с. 28.

⁴⁰ L. Podhorodecki, *Jan Karol Chodkiewicz 1560-1621* [Jan Karol Chodkiewicz 1560 – 1621], Варшава 1982, с. 184; S. Herbst, *Wojna inflancka...* [The Livonia War...], с. 42 – 44.

⁴¹ E. Jekabsons, *Miasto Ryga i twierdza...* [City Riga and stronghold...], с. 28.

⁴² A. Filipczak-Kocur, *Skarb litewski za pierwszych dwu Wazów 1587 – 1648* [The Lithuanian treasury during the reign of the first two Vasas 1587-1648], Вроцлав 1994, с. 59.

⁴³ W. Polak, *O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607-1612* [About Kremlin and Smolensk area. The Commonwealth policy towards

1611 году шведский флот покинул Рижский залив, что являлось результатом начала так называемой кальмарской войны с Данией. В октябре 1611 года было заключено перемирие, которое в дальнейшем продлевали в 1613 и 1614 годах. Перерыв в военных действиях благоприятно повлиял на экономику Ливонии, а также самой Риги. Город, после десяти лет сражений, обязанный содержать наемные отряды, а также снабжать польско-литовские гарнизоны, с разрушенным в результате боев культурным наследием, а также с потерпевшей убытки торговлей, находился на грани банкротства. Городской казна была пуста, численность населения падала, и все большее количество горожан отказывалось платить очередные налоги. Все это грозило взрывом недовольства и восстания против власти⁴⁴. Не удалось заключить длительного перемирия из-за претензий Сигизмунда III Вазы на шведский престол, а также из-за намерений Густава Адольфа захватить Ливонию и таким образом перенять контроль над торговлей с литовскими и русскими землями. Военные действия возобновились в 1617 году.

Выводы

Военные действия в 1600-1609 годы указывают, насколько важным фактором на первом этапе польско-шведских войн оказалось отношение населения Ливонии. Именно благосклонность здешней шляхты позволила шведам мгновенно завоевать большую часть провинций во время нападения в 1600-1601 годы. В то время как экономические выгоды решительным образом определили поведение рижских жителей, сохранивших преданность Сигизмунду III Вазе. Военные действия показали превосходство армии Речи Посполитой над шведскими войсками. Они являлись также предостережением, поскольку речь идет о противнике, который, благодаря более эффективному государственному и финансовому аппарату, а также сильному флоту, чуть ли не все время держал стратегическую инициативу. Шведы были в состоянии восстанавливать свои армии после поражений, проводить длительные осады и блокады крепостей и сильно осложнять жизнь рижским купцам, тем самым воздействуя на их политические мнения. К сожалению, опьяненная ранними победами Речь Посполита, не умела из этого сделать правильных выводов, что впоследствии в 1617-1629 годы привело к потере большей части провинций вместе с Ригой.

Moscow between 1607-1612], Гданьск 2008, с. 92-97.

⁴⁴ A. Ziemiańska, *Postawa Rygi wobec...* [The attitude of Riga...], с. 77.

FEDERALISM IN THE BALKANS: PROJECTS AND REALITIES

Roumen GENOV

New Bulgarian University, Sofia

genov@nbu.bg

Rezumat: Federalismul in Balcani: proiecte și realități

Balcanii sunt cunoscuți, de-a lungul istoriei și mai ales în timpurile moderne, datorită dezbinării lor, conflictelor și războaielor. A existat, însă, o altă latură a poveștii – încă de la sfârșitul secolului al XVIII-lea, când au fost lansate diferite proiecte menite să înfăptuiască unitatea lor politică, sub forma de con/federație. Astfel de proiecte au fost propuse de liderii naționali din Balcani și sugerate de politicieni străini și observatori ai stării de lucruri din regiune. Măsurile luate pentru realizarea acest lucru, de regulă, nu au depășit faza de pregătire și planificare. Principala defecțiune a mișcărilor în această direcție a constat în încercarea dobândirii, de către una sau alta dintre națiuni, a unei poziții dominante în cadrul unei eventuale uniuni balcanice. Ea a fost mai mult sau mai puțin prezentă în singura materializare practică și parțială a ideii de uniune, cazul fostei Iugoslavii, și de asemenea a fost unul dintre motivele pentru care, în cele din urmă, această federație s-a prăbușit. Dar este ideea de unitate regională o simplă utopie, acum moartă și îngropată o dată pentru totdeauna? Oamenii care încă doresc încetarea eternelor conflicte și realizarea unității își leagă acum speranțele de Europa integrată și unită.

Abstract: *The Balkans are known, throughout their history and especially in modern times, for their divisiveness, conflicts and wars. There was, however, another side to the story – since the late 18th Century different projects were launched to achieve their political unity in some form of con/federation. Such projects were proposed by the Balkan national leaders, and suggested by foreign politicians and observers of the region affairs. A number of steps had been made to achieve that, which, as a rule, did not go beyond preparation and planning phase. The principal flaw of the moves in that direction was that they envisaged dominant position of one or another nation in an eventual Balkan union. That was more or less present in the only practical, and partial, implementation of that idea in the case with former Yugoslavia, and that also was one of the reasons why that this federation had finally collapsed. But is the idea of regional unity a mere utopia now dead and buried once and for all? People who still wish cessation of eternal conflicts and achieving unity now pin their hopes on integrated and unified Europe.*

Résumé: Le fédéralisme dans les Balkans: projets et réalités

On connaît les Balkans, le long de l'histoire, mais surtout à l'époque moderne, grâce à leur désunion, aux conflits et aux guerres. Il y en eut, aussi, un autre côté de l'histoire – dès la fin du XVIII-ème siècle, lorsqu'on lança de divers projets qui devaient réaliser leur unité politique, sous forme de confédération. Les leaders nationaux des Balkans, les politiciens étrangers et les observateurs de la situation de cette région-là proposèrent ou suggérèrent de tels projets. Les mesures prises pour son mise en place ne dépassèrent, d'habitude, la phase de préparation et planification. La principale défection de ces mouvements consista dans l'essai de l'une ou de l'autre des nations d'acquérir une position dominante dans le cadre d'une éventuelle union balkanique. Cela fut plus ou moins présente dans l'unique matérialisation pratique et partielle de l'idée d'union, le cas de l'ancienne Yougoslavie, mais représenta aussi un des motifs de l'écroulement final de cette fédération-là. Mais est-ce l'idée d'unité régionale une simple utopie, morte et enterré pour toujours? Les gens qui désirent encore la fin des conflits éternels et la réalisation de l'unité mettent de nos jours leurs espoirs de l'Europe intégrée et unie.

Keywords: *Balkans, history of conflicts, federal projects, Balkan Union, failures of*

Introduction

The Balkan Peninsula became notorious with its ethnic conflicts and almost incessant wars between the states in the region, alternated with short periods of peace between them, sometimes pathetically called “eternal” to the irony of history. The conflicts and wars, especially in the late 19th and 20th century, had earned the Balkans negative reputation, from relatively neutral “storm center” to sharp ones of “great battleground of history” and “powder keg of Europe”.

“Balkanization”, as a geopolitical term highly negative connotations, as it is used to denote a process of fragmentation of a region or state into smaller territories or states at conflict with each other, was derived from the experience of the peninsula, and is widely used to describe developments in countries as different as Nigeria and the United States. The image of the inhabitants of the Balkans is so heavily laden with negative stereotypes and clichés of primitive, wild and demoniac people in popular culture and politics.¹

The history of the Balkans can be perceived as endless waves of migrations and invasions, from the coming of Indo-European tribes' ca. 2000 B.CE. to the Soviet army in 1944. As a result the population became so mixed that 'Bal-

¹ Maria Todorova, *Imagining the Balkans*, New York, Oxford University Press, 1997.

kan Babel' is quite apt an expression referring not only to former Yugoslavia but to other states, too, despite of consistent policy of ethnic homogenization in the 20th century.²

The historical experience of the nations of the Balkan Peninsula is so divisive and traumatic that the ready adjective that comes to mind is tragic. It is often present in the titles of books dealing with the past and problems in the 19th and 20th century of the region as a whole or some of its parts (from 'Tragic Peninsula' of a little known author Christ Anastasoff of the 1930s,³ to 'Balkan Tragedy' of the Brookings Institution's expert Susan L. Woodward.⁴ The easiest explanation for that state of affairs, for setting ethnic groups and nations one against another, and for all the bloodshed and cruelties, offered by casual visitors and observes again did not change much, it is the "ancient hatred" among those wretched peoples, its "legacies" and constant re-emergence (from John Gunther's 'Inside Europe' to Robert Kaplan's 'Balkan Ghosts').

British historian Edward Augustus Freeman (1823-1892), a prolific author, and the second Regius Professor of Modern History at Oxford, used to lecture on 'Unity of History', that also meant unity of European history. Freeman was quite popular in his times on both sides of the Atlantic, and even in Eastern Europe (a number of his books were translated into Russian in the 1880s and 1890s).⁵ He was also an enthusiast of federalism, considering it the best form of government, and he intended to write a comprehensive history of federalism in Europe, which remained unfinished due to his premature death. From today's point of view Freeman is not the best advocate of the ideas of European unity (and unification), being a narrow political historian, and champion of racialism (though a cultural-historical, and not of biological or "scientific" one; to him only the peoples which were able to set up parliamentary and democratic institutions, that is the Germanic, more precisely Anglo-Saxon branch of the Aryans,

² Sabrina Petra Ramet, *Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to Ethnic War*, Boulder, Westview Press, 2002.

³ Christ Anastasoff, *The Tragic Peninsula: A History of the Macedonian Movement for Independence since 1878*, St Louis, Blackwell Wielandy, 1938.

⁴ Susan L. Woodward, *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*, Washington, Brookings Institution, 1995.

⁵ See E. A. Freeman, *Comparative Politics: Six Lectures read before the Royal Institution in Jan. and Feb., 1873, with the Unity of history, the Rede Lecture read before the University of Cambridge, May 29, 1872*, London, Macmillan, 1873.

could claim to have had history per se). Besides that, he viewed Europe as exclusively Christian, and he was in his political campaigns virulently anti-Islamic or rather anti-Turkish (political opponents used to compare him sarcastically with St. Bernard of Clairvaux). Nevertheless, Freeman's idea of underlying unity of history, of Europe in particular, definitely possesses potential and sounds quite immediate and topical.

Colin Kidd holds the view that "early modern Europeans were not intellectually programmed for ethnic hatred", because Christianity as their common faith stressed an underlying human unity,⁶ and some scholars believe that is true of the Balkans. Paschalis Kitromilides, well known for his publications on modern Balkan/South-East European history, tends to believe that during the period prior to coming of modern nationalism and establishment of national states there was an unified Balkan community sharing common mentality, based on Eastern Orthodox Christianity, as represented in the face of Ecumenical Patriarch of Constantinople. To him, there was no ethnic division and confrontation within the Balkan Christian community until the 19th century.⁷

Can the Balkans be perceived as an entity despite the divisiveness and eternal conflicts between states and ethno-nationalist ideologies?

In fact, the Balkan region was historically unified (though by means of conquest, coercion and dictate), within the successive empires (the Macedonian, the Roman, the Eastern Roman, the Ottoman ones), and the ethnic groups had to accommodate to coexistence imposed by the absolutist rulers. The situation changed in the 18th and 19th century when the Balkans saw emergence of modern ethno-nationalism, self-identification and differentiation of modern Balkan nations. And it became radically different under the historical realities of the 20th century, when fully fledged national states were confronting each other. It is our intention to see and explain the antithesis of well-known divisiveness and bitter and cruel conflicts presumably resulting from belated, post-Romantic nationalism, that is, the aspirations (sincere or ostensible), for Balkan "unitarism."

⁶ Colin Kidd, *British Identities Before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600-1800*, New York, Cambridge University Press, 1999.

⁷ Paschalis M. Kitromilides, *Enlightenment, Nationalism, Orthodoxy: Studies in the Culture and Political Thought of Southeastern Europe*, Hampshire, 1994; Idem. *An Orthodox Commonwealth: Symbolic Legacies and Cultural Encounters in Southeastern Europe*, Aldershot, 2007.

Ideological designs and political attitudes in Balkans (14th -18th centuries)

The schemes Balkan unity were manifested in different modes: of military union, of federation of the Christian nations leveled against the Ottoman Empire or another European power, of rapprochement between South-East European states, and the Ottoman Empire directed against other powers in the region.⁸

But initially, in most cases they were directed against the Ottoman Empire, which considerably weakened, remained a formidable power facing the Balkan Christian nations. That is not surprising having in mind the fact that the earliest projects of "European union" were intended as a barrier to Ottoman expansion (the plan of union of European states of the Hussite King of Bohemia Jiří or George of Poděbrady, or the "Grand Design" of the French statesman Maximilien de Béthune, Duke of Sully, in the 15th and 17th century respectively).

The idea of union or federation was in some cases political product of the Balkan historical realities and projects, in other was an "imported" one. One of the first "imported" plans for unified Balkans was the Catherine II notorious "Greek design", restoration of the Byzantine Empire, under a Russian ruler, an idea with which her favorite Prince Grigory Potyomkin used to toy, and one of her grand-sons was conveniently name Constantine.

So far as modern period is concerned, we have to deal first of all with the situation of the Balkans under Ottoman domination that lasted half a millennium, or with "Pax Ottomana".

The Eastern Roman Empire or Byzantium was in a state of gradual decline for centuries. It started with the signal defeat in battle of Manzikert in 1071 against the Seljuk Turks, continued with the taking Constantinople in 1204, by the would be deliverers of the Holy Land, after which the empire never regained its integrity. Meanwhile, at the background of fragmentation and dynastic rivalries, a new menace was looming from the East, the Ottoman Turks, and the Balkan Christian states deeply divided and antagonized could not meet it adequately. After driving the Byzantine power from Anatolia the Ottomans continued with their expansion in Europe. In 1354 Galipoli became their first possession on European soil, in 1361 Adrianople was taken to be-

⁸ H. Batowski, *Le mouvement panbalkanique et les différents aspects des relations interbalkaniques dans le passé*, in "Revue internationale des études balkaniques", Belgrade, tome II, 1938.

come their capital, the next year the Byzantine emperor John V Palaiologos became a vassal of Murad I. The Eastern Roman empire was reduced city-state, its boundaries limited by the walls of Constantinople, alongside with Despotate of the Morea and Empire of Trebizond. Nevertheless, the last Byzantine and Bulgarian rulers continued their wars in the face of the Ottoman peril (the last one of 1364 waged using Turkish mercenaries).

The disunity of the Balkan Christians was strengthened by the dynastic policy of the rulers and aristocracy. In Bulgaria, for instance, Tsar Ivan Alexander breaking precedence made his younger son, Ivan Shishman, heir and tsar of Tarnovo (Central Bulgaria), while the elder son, Ivan Sratsimir, was given the north-western part of the country, which eventually became an independent kingdom of Vidin (but he soon became vassal of the Hungarian king Lajos I, or Louis the Great). The north-eastern part (Dobrudzha) became independent under despot Dobrotitsa. "Great Serbia" after reaching its peak under King Stephen Uroš IV Dušan (c. 1308–1355), self-proclaimed "Emperor of Serbs and Greeks", started to crumble, and regional princely families increased their power.

The Balkan rulers could oppose the new invaders only shaky coalitions of states, often in conflicts between themselves. Their attempts to halt the Turkish conquest of the Balkans ended in catastrophes (the Battle of Maritsa, or Chernomen in 1371, of the Kosovo Polje near modern-day Pristina in 1389). The last Bulgarian tsar Ivan Shishman became vassal of Sultan Murad I in the early 1370s, but started a war with the Wallachian Voivode Dan I (1384–86). In 1393 the Turks took Shishman's capital Tarnovo, and two years later he was beheaded on order of Bayezid I. His brother Ivan Sratsimir joined the crusade of combined armies of Christendom against the Turks under Sigismund of Luxemburg (king of Hungary, of Croatia, of Bohemia and Holy Roman Emperor from 1433 until 1437), and after the disaster at Nicopolis in September 1396, was taken to Bursa where died in captivity. That was practically the end of Bulgaria. By the end of the 14th century most of the Balkans was under Ottoman rule, though the Serbs, Bosnians and Albanians retained for some time a degree of sovereignty, and Walachia and Moldavia their independence. The final blow to the the Eastern Roman Empire, that survived the western part by 1,000 years, was taking of Constantinople (renamed Istanbul) in 1453 by Sultan Mohamed II Fatih (Conqueror).

The advance of the Ottoman empire was explosive and in two centuries it spread on three continents. It reached its peak in the 17th century when sultans' armies got to the "heart of Europe". The armies of Sultan Suleiman the Magnificent were at the gates of Vienna in 1529, and only the second unsuccessful siege

in 1683 marked the check of the expansion in that direction, and the Ottoman Empire became a lesser threat to the European Christian civilization.

The Ottoman conquest was disaster, from the viewpoint of European-style economic and cultural development. It was a sharp and tragic turn of fate of the Balkan peoples, their states collapsed, the elites were wiped out, most of the people of the thin literate strata, mostly clergy, had to flee to Western Europe, to the Danubian principalities or to Moscow Russia, but the life of common people did not change radically. The Ottoman economic system was amalgamation of Asiatic and Byzantine elements, the new rulers accepted certain aspects of the existing system as heirs of the Balkan-Byzantine world. Though oppressive the Ottoman regime in the Balkans was compared with the situation in other parts of Europe was tolerant in religious terms and established a multicultural and multi-religious system of cohabitation of ethno-religious entities.

The Ottoman rulers borrowed the system of *pronoia*, where army officers in the, instead of regular salary got part of the tax revenue from the territory granted. Under the Ottoman sultans a version of *pronoia* developed, called the *timar* system between the 14th and 16th centuries, where revenues from temporary land grants of different size was appropriated by *timariots* (*Sipahis* and other members of the military class) for their service.

The land, the chief source of wealth, as ever before, was state property, and the sultans who were supreme rulers and caliphs (spiritual leaders of the Sunni Muslims) could freely dispose of it. Only small portion of it was in private possession, in the form of *mulk*, and another part outside of state was *Waqf* (or *vakif* in Turkish), religious endowment established to finance mosques, religious institutions or charities. It can be assumed that Christian peasants hold property alongside Muslims, they were tenants, paying rent to the *timariots* (*sipahi* cavalrymen who were granted land for their military service), and could inherit their plots. However the non-Muslims had to pay other taxes, like the *jizya* (*cizye* in Turkish), head or poll tax levied on able bodied adult males of military age. One of the most negative aspect was the *devshirmeh* system, abduction of Christian youths from their families, to convert them to Islam and train them soldiers (the brightest of them could become administrators and reach the highest posts), becoming members of the Janissary corps (Turkish *Yeni-cheri*), the standing army of the empire (between 1380 and 1826). *Devshirmeh* or blood tax (abolished in 1683 by Sultan Mehmet IV), was deplored in Balkan folklore and later in national histories as utmost form of oppression, but on the other hand it was an opportunity to join the dominant ethno-religious group and the ruling elite of the em-

pire. There were other forms of discrimination of the non-Muslims regarding their legal position, and even the form and color of their dress.

Another aspect of inter-religious situation was the process of Islamization. During the period of Ottoman domination comparatively large groups of local population was converted, esp. in the Rhodope Mountains and North Western Bulgaria, in Bosnia, in Macedonia. Those new Muslims speaking their native languages are known under different names (Pomatzi in Bulgaria, Pomakoi in Greece, Torbeshi in Macedonia, Poturice in Serbia, or simply Muslims in Bosnia). The methods of Islamization is subject of disputes, the nationalist Balkan historians claiming that it was forcible conversion, while some of their Turkish colleagues even claim, that the group consists of the Turks who in the course of time were Slavized adopting local dialect. The process on the whole seems to have been prolonged and voluntary, not at least because of economic reasons, exemption from heavy taxes. On the other hand the Ottoman rulers did not aim at total Islamization because of economic and fiscal considerations again, and it was a “creeping” process, rather than permanent violent pressure.⁹

The Ottoman Empire has been often favorably compared with Western Europe in modern history for its relative religious toleration, so far as a form of coexistence between the ethno-religious communities had always existed there despite the dominant position of Islam. Upon the conquest of Constantinople in 1453 the Eastern Orthodox Christians were organized by Sultan Mehmet II, like other religious groups, as Roum millet (millet-i Rûm).¹⁰ They were placed under the civil-ecclesiastical authority of the Ecumenical Patriarch of Constantinople as their millet-bashi, the highest religious and political leader. The millet

⁹ Evgeny Radushev, *Hristiyanstvo i islyam v Zapadnite Rodopi s dolinata na reka Mesta, XV – 30-te godini na XVIII vek*, [Christianity and Islam in the Western Rhodopes and the Mesta Valley, the 15th Century-the 1730s.], 1-2, Sofia, National Library “Sts. Cyril and Methodius”, 2005; Antonina Zhelyazkova, Alexiev Bojidar Georgeta Nazarska, *Sûdbata na mîûsîûlmanskite obshtnosti na Balkanite* [The Fate of Muslim Communities in the Balkans], vol. 1: *Mîûsîûlmanskite obshtnosti na Balkanite i v Bûlgariâ* [The Muslim Communities in the Balkans and in Bulgaria], Sofia, IMIR, 1997 (in Bulgarian); Antonina Zhelyazkova, Jorgen Nielsen, Giles Kepel (eds.) *Relations of Compatibility and Incompatibility between Christians and Muslims: A Collection of Articles*, Sofia, IMIR, 1995.

¹⁰ Benjamin Braude, Bernard Lewis (eds.) *Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society.*, vol. 1-2, New York -London, 1982.

system permitted them not only to practice their faith, but to enjoy a measure of communal autonomy, though they were treated as second-class subjects being *ghiaours* or infidels in the eyes of their Moslem rulers. The Armenians were also organized as a millet, and in the 19th century new millets were organized for the Uniate Christians (the Eastern Orthodox believers recognizing the authority of the Pope), and Protestant Christian communities. In 1870 the Eastern Orthodox Bulgarians were recognized as millet, and their Exarchate instituted by a sultan's firman.¹¹

The repulse of the Turks in 1683 when they were for second time at the gates of Vienna was the first sign of the relative decline of their power. It became more marked in the 18th-first half of the 19th century. Since the early 18th century signs of decline became visible, the Ottoman Empire showed marked and increasing backwardness in technological and institutional terms vis-à-vis Western, and even parts of Eastern Europe (Russia). The process was intensified by inherent weaknesses, the corruption and squandering of resources, the ineffective fiscal system, and weakening of central government. The Janissaries became a praetorian guard, ineffective as soldiers, but their power was used to dictate the deposing and enthronement of sultans.

Attempts to reform the imperial structures, initially aimed at creation of modern army, continued during the reform period or Tanzimat (starting with Sultan Abdul Mejid's decree, the Hat-i-sherif of Gulhane of 1836, reaffirmed by the Hat-i-humayun of 1856), had limited success in stabilizing and strengthening the empire, and checking the centrifugal tendencies. The reform acts promised equality of all subjects, irrespective of their religion, guarantees of their property and honor, removal of tax farming, and different abuses, but remained mostly on paper because of opposition of local functionaries and the Muslim population. Nevertheless they were used by the subject peoples as a legal base for their demands for extension of their local government. By that time the sultan had practically lost Egypt then Greece, and Serbia and Romania became autonomous. Modernization, reforms and infrastructure project required borrowing of capital, and the empire amassed huge debts, esp. after the Crimean War.

As a whole, "Pax Ottomana" guaranteed a greater degree of stability and unity (though enforced) in the Balkans than the regimes in the previous periods. One of its effects was, however, a comparative retardation of the process of for-

¹¹ Richard von Mach, *Der Machtbereich des bulgarischen Exarchats in der Türkei*, Leipzig - Neuchatel, 1906.

mation and consolidation of the Balkan nations. Nevertheless, the decline of the empire, the attempts at its modernization or “westernization”, the intensification of economic activities within, and the trade with Western Europe, the influence the ideology of modern nationalism, stimulated the construction of national identities and formulation of respective national programs.¹²

Projects of Balkan Unity of the 19th century

Since the late 18th century, the Balkans became a focal point of the notorious “Eastern Question”. The latter concerned the existence of the multiethnic Ottoman Empire (and its inevitable demise), and the perspectives of its non-Turkish parts, the inheritance of the empire, so to say. The development of the Eastern Question included a series of crises affecting South-Eastern Europe, the Eastern Mediterranean and North Africa. The character of the Eastern Question, and its successive crises were caused by the infiltration of Western ideas, culture, and finance first of all, and the inability and ineffectiveness of the Ottoman rulers and elites to adapt to the changes. The Western ideas of self-determination and national state were gradually accepted by the different ethnic groups in the Balkans, but the attempts to carry them into effect by the peoples of the region, by setting up national states with clearly defined borders, led to multiple conflicts and the Ottoman Empire, on the one hand, and between themselves, on the other. The European Great Powers became increasingly involved in those processes pursuing their strategic, economic, and imperial interests. Their aspirations to control and gain advantages from the process of disintegration of the Ottoman Empire resulted in rivalries and conflicts between them, and interference in the Balkan countries. Their meddling only intensified the inter-Balkan quarrels and bitter conflicts.

Of all the Great Powers Russia became the most dangerous adversary of the Ottoman Empire waging about dozen wars against her, and tearing off new chunks from its territory. The most decisive of all the Russo-Turkish wars was the one of 1877-78, when the Russian army reached the outskirts of Istanbul. They imposed on the defeated Turks the Treaty of San Stefano, creating among the other things a “Great Bulgaria”. Despite of the fact that her territory coincided more or less with the boundaries of the two Bulgarian provinces envisaged by

¹² Peter Sugar, “*External and Domestic Roots Eastern European Nationalism*”, in Peter Sugar, Ivo Lederer (eds.) *Nationalism in Eastern Europe*, Seattle, 1969.

the project of the Constantinople conference of ambassadors of the Great Powers (December 1876-January 1877), and with the territory of the Bulgarian Exarchate, voted by the population itself, everyone, except Russia and Bulgaria, was discontented, both the Great Powers and Bulgaria's neighbors. The former were alarmed of the perspective of "Great Bulgaria" becoming outpost of further Russian expansion, the latter deemed it an infringement of their ethnic and territorial interests. As a result, Russia had to agree to a radical revision of the San Stefano Treaty at Congress of Berlin.

The results of the war of 1877-78 changed radically the situation in the Balkans. "Turkey in Europe", as it was styled then, was reduced to a narrow strip stretching from the Black to Adriatic Seas, Romania, Serbia and Montenegro finally became fully independent and enlarged their territory, though not to the full of their aspirations. On their part, the Bulgarians felt being robbed by the Treaty of Berlin. "San Stefano Bulgaria" had been turn to five pieces, the territory of the autonomous Principality of Bulgaria was reduced from 62 777 to 170 221 square kilometers. Not surprisingly the "San Stefano Bulgaria" became a "national ideal", and its achievement the central point of Bulgarian foreign policy until 1944, leading to the disaster of the Second Balkan (or Inter-Allied) War, and to participation in World War I and World War II on the "wrong" side.

The "ancient hatreds" and conflicts between the Balkan states are but only one of the side of their complex relations. No doubt, they have been ever troubled, but there was another side of them, namely, the tendencies and attempts to achieve one form or another of unity between them.

The first "native" project for Balkan unity was launched by the Greek revolutionary, poet and founder of the first patriotic society Hetaireia, Rigas Velestinlis or Pheraios (1757-1798), who was influenced by the political philosophy of the Enlightenment and the French Revolution. In his *"Constitution of the Inhabitants of Rumeli, Asia Minor, the Islands of the Aegean, and the Principalities of Moldavia and Wallachia"*, and the poem *"Thourios"*, Rigas called to the Balkan peoples for joint struggle against the Ottoman power which could crush them individually, and to form a republic whose "sovereign nation will consist of all the citizens of that state, no matter what their religion and language, that is, Greeks, Bulgarians, Albanians, Wallachians, Armenians, Turks". Not using the word "federation" Rigas meant a federative republic. Under the influence of nationalist zeal Rigas called that state "Greek", and believed the principal language would be

Greek.¹³ That circumstance gave ground of some scholars to claim that Rigas had laid the foundation-stone of the later “Megali Idea”, the restoration of the Byzantine Empire, and of Greek preponderance in the Balkans and the Near East.

In 1806 another Russian plan for a federation of the Christian peoples of Southeastern Europe was launched by Prince Adam Jerzy Czartoryski (1770-1861), a Pole, who served as foreign minister of Alexander I. As can be expected such a state, though retaining all the “internal forms of independence”, had to be under Russian protection and aegis.¹⁴ His successor at the same post, Count Ioannis Capodistrias, a Greek, came out in 1816 with another anti-Ottoman plan of confederation of Wallachia, Moldavia and Serbia. Put forward during the second Serbian uprising such an alliance could be the first step towards an all-Balkan state including the other nations (Greeks, Bulgarians). In 1828 Capodistrias, then Kyvernètes, that is president of the Greece, put forward a new project of Balkan federation with Constantinople as administrative centre, and under princes from European dynasties for every of the constituent states (kingdoms of the Hellenes, Epirus, Macedonia, Bulgaria, Serbia, and Dacia), Russian protectorate not being mentioned this time.

Similar plan all-Balkan federation was proposed by one of the leaders and ideologues of the first Russian revolutionaries – the Decembrists, Col. Pavel Pestel. Being in touch with the Greek patriotic society, Philiki Etaireia, operating in South Russia, Pestel used the name “Greek empire” for such a formation, as a synonym of federal Balkan state consisting of seven autonomous provinces.¹⁵

In the 1830s –1840s the Illyrian movement of Croatian intellectuals called not only for a national revival to counter the process of Magyarization in the Hapsburg Empire, but also for linguistic, ethnic and political unity of all South Slavs, who were seen as one nation, descending from the autochthonous population of ancient Illyria. Central idea of the movement was the creation of “Great Illyria” comprising all Slavic and non-Slavic lands in the Balkans.¹⁶

¹³ Yannis Kordatos, *Rigas Feraios and Balkan Federation*, Athens, 1974.

¹⁴ L. Stavrianos, *Balkan Federation: A History of the Movement towards Balkan Unity in Modern Times*, Northampton, Mass., 1944, p. 34-38.

¹⁵ Anatole G. Mazour, *The First Russian Revolution, 1825*, Stanford, 1937.

¹⁶ Jaroslav Šidak et al., *Hrvatski narodni preporod - ilirski pokret* [Croatian National Revival-Illyrian Movement], Zagreb, 1990; Elinor Murray Despalatović, *Ljudevit Gaj and the Illyrian Movement*, Boulder-New York-London, 1975.

The idea of South Slav or Yugoslav federation in the 1840s was strongly influenced by French scholars and intellectuals, like Jerome-Adolph Blanqui, Cyprien Robert, and by Polish émigrés circle around Prince Czartoryski residing in Paris (Hotel Lambert). Ilija Garašanin

Prince Mihailo Obrenović (1823-1868), after succeeding his father in 1860, aimed at the final liberation of his country from the sultan. His military preparations were accompanied with attempts to form alliances against the Ottoman Empire, and agreements were signed with other Balkan nations – Greece, Montenegro, Romania and Bulgarian representatives in 1866-68, so as Serbia to become the centre of a Balkan alliance. Realization of the plans was prevented by Mihailo's assassination in June 1868.

His prime minister, Ilija Garašanin, as minister of the interior in 1840s, wrote a secret memorandum in 1844, known as the "Načertanije" ("Draft Plan"), outlining the principles the foreign policy of Serbia, as focus of South Slav unity, or "Piedmont in the Balkans". The project was initially suggested by the Czartoryski circle in Paris, namely by its emissary, the Czech Franjo Zach, and the intention was eliminate Russian protectorship by creating a large state. Garašanin himself was ready to use any diplomatic combination in order to unify the South Slavs under a Serbian dynasty.¹⁷ Clearly hegemonistic motives made the "Načertanije" harbinger of Great Serbian policy of unification. In 1867 Garašanin entered into negotiations with the leaders of "Dobrodetelna Družina" (Philanthropic Society), organization of wealthy and conservative Bulgarians living in Wallachia, who followed the line of Russian Balkan policy, to form a "dualist Serb-Bulgarian or Bulgarian-Serb Yugoslav (South-Slavic) kingdom" under Serb dynasty. It was supposed to have a parliament with representation on the basis of numerical strength of ethnic elements. An agreement was drafted in that respect but never signed by the Serbian side, partly because the crisis in the Serb-Ottoman relations in the late 1860s dissolved, partly because of apprehension that Bulgarians being more numerous could prevail. The Croatian Catholic bishop of Djakovo Josip Strossmayer, great enthusiast of South-Slav unity also got into touch with Garašanin to find that behind his plans was only Serbian hegemonism.¹⁸

¹⁷ David MacKenzie, *Ilija Garašanin: Balkan Bismarck*, Boulder, 1985.

¹⁸ Josip Juraj Strossmayer, *Izabrani književni i politički spisi* [Selected literary and political writings], Zagreb, 2005; *Episkop Josip Štrossmajer i bugarite: khŭrvatskiĭat*

Federal ideas were espoused consistently by Svetozar Marković (1846-1875), a radical leader of the Omladina (Youth), a democratic and revolutionary organization, who was also the first Serbian socialist. Marković was critical of the official doctrine of "Greater Serbia", and opposed to it the alternative of Balkan unity and democratic federalism.

A number of Romanian political leaders were in favour of federalism: Ion Ghica (1816-1897), aristocrat and revolutionary, and twice Prime Minister, Ion Bratianu (1821-1891), Prime Minister, were in favor of some form of federation in Southeastern Europe. Nicolae Balcescu (1819-1852), a historian and leader of the revolution of 1848 in Wallachia favoured establishment of "United States of the Danube" (Danubian federation).¹⁹

The idea of federation became popular among the leaders Bulgarian revolutionary movement of liberation in the 1860s and 1870s, as a means to achieve independence, and then as a way to integrate Bulgaria in the European state system and contemporary processes. Georgi S. Rakovski (1821-1867), father of the organized liberation struggle, journalist and historian, was the first to speak about Balkan unity, not specifying the form of future federation. He became emissary of Prince Mihailo Obrenovic in his attempts to set up the so called First Balkan Union. The most enthusiastic champion of federalism was Lyuben Karavelov (1834-1879), the most significant Bulgarian writer of the pre-Liberation period, and president of the Bulgarian Revolutionary Secret Committee in the early 1870s. Karavelov was in touch with Serbian political figures, and with the Omladina (Youth) democratic and revolutionary organization. Karavelov's ideal was a federal republic modeled after Switzerland or the United States, a "federation of free Balkan countries" that would be the first stage to setting up of United States of Europe. Vasil Levski (1837-1873), the Apostle of Freedom, who like Giuseppe Mazzini urged on reliance on the nation itself, wrote about a Balkan Republic. Hristo Botev (1848-1876), a poet of genius, the last president of the BRSC, who died in the April Rising, combined federalism with socialism, a union of ideas that continued after him and until the mid-20th century).²⁰

intelektualen elit i Sofiā [Bishop Josip Strossmayer and the Bulgarians: The Croatian Intellectual Elite and Sofia], Sofia, 2009.

¹⁹ Keith Hitchins, *The Romanians 1774-1866*, Oxford University Press, 1996; Idem. *România 1866-1947*, Bucharest, Humanitas, 2004.

²⁰ Hristo Kabakchiev, *Bŭlgarskite revolyutsioneri - Rakovski, Karavelov, Levski, Botŭov - za Balkanskata federatsiya* [The Bulgarian Revolutionaries Rakovsky, Karavelov, Botyov

Balkan federation found a number of sympathizers and upholders among leading European political figures, ranging from the epitome of the 19th century revolutionist Giuseppe Mazzini to the British Liberal politician and extravagant republican (which did not impede him being a close friend of future Edward VII) Charles Dilke. Mazzini, though not a federalist, so far as Italy was concerned, in his "Letters to the Slavs" and in direct contacts with Balkan revolutionaries, recommended federation as the most suitable solution to the problems of liberation, state building and territorial conflicts.

After the Berlin Congress of 1878 which imposed a solution of the Eastern Question to last, with certain modifications, to the Balkan Wars of 1912-13, the federal idea had had three main aspects: firstly, to achieve more stable international status of the newly liberated small Balkan nations; secondly, to solve in a peaceful way the numerous tricky relations, and thirdly, to offer a solution to pressing social problems of the constituent states, according to radical and socialist thinkers and activists.

After the (partial) Liberation of Bulgaria in 1878, the idea of Balkan unity and of federation in one form or another was part of number of political parties of different ideological hues (Liberals, Democrats, Radicals, Social-Democrats, Agrarians, proto-Fascists, Communists). Social-Democrats were especially zealous federalists, their leaders Dimitar Blagoev and Hristo Kabakchiev were prominent ideologues of federalism.²¹

The idea of South-Slav federation as a kernel of larger Balkan or Eastern federation was shared by a number of Serb academic and Liberal political figures at the end of the century, the scholars Stojan Novaković, a historian, president of the Serbian Academy of Sciences and twice prime-minister of Serbia, Jovan Skerlić, professor of Serbian literature at the University of Belgrade and member of parliament, Jovan Cvijić, a geographer and president of the Serbian Academy of Sciences. Nikola Pasić, a dominant figure in Serbian politics for about half a century, leader of the People's Radical Party, five times prime-minister of Serbia, and three times of the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes after 1918, also offered a variant of federalism, more or less copying the Garašanin's one.

Different forms of federation were proposed between 1878 and 1918 as solution of the Macedonian question that came to the fore after the Berlin Con-

about the Balkan Federation], Sofia, 1917; Ivan Ormandjiev, *Federatsiya na balkanskite narodi* [Federation of the Balkan Slavs], Sofia, 1947.

²¹ Hristo Kabakchiev, *Kûm Balkanska Federatsiya* [Towards a Balkan Federation], in Hristo Kabakchiev, *Izbrani sûchineniya* [Selected Writings], Sofia, 1947.

gress. The population of Macedonia was mixed, every Balkan state (Bulgaria, Greece, Serbia, even Romania), claimed ethnic and historical rights in the province, the neighbors tried to prove predominance of the respective element (so called "war of statistics").

In Greece among the others especially prominent was Leonidas Vulgaris, who not only espoused the ideas of federalism but founded in 1880 a Provisional Government of Macedonia, consisting of Bulgarians, Greeks, Turks, Albanians, and Serbs.²² The Greek Association founded in 1884 propagated an "Eastern Confederation" as a means to "untie the Macedonian tangle". Later Eleftherios Venizelos, the dominant figure in Greek politics in the Greek politics, had suggested at the moment when the Ottoman Empire was practically driven out of the Europe, at the London peace conference of 1913, suggested a confederation of all the Balkan states. It was intended not as realization of the "Megali Idea", rather than as consolidation of the realities created by the war.

The authoritarian Bulgarian Prime Minister Stefan Stambolov, formerly a fighter against the Ottoman domination, found it proper to offer a project of Bulgarian-Turkish union, of federative nature, to Sultan Abdul Hamid II in 1891. Stambolov's project corresponded with the idea put forward by Ahmed Izzet Pasha, a general and one of the the last grand viziers of the Ottoman Empire, himself a native of Macedonia, of a Balkan League under the aegis of the Empire, in order to halt the expansion of the Great Powers in the region.

At the end of the 19th century the Macedonian Question became the focal point of inter-Balkan rivalries, and the policy to win the Christian population by the ecclesiastical and educational activities gave way to "armed" propaganda by respective nationalist bands. Under these conditions the Internal Macedonian and Adrianople Revolutionary Organization (founded in 1893), orientated towards federation or confederation based on recognition of the principle of nationality, to secure absolute equality of rights of each one. That solution could turn Macedonia from apple of discord into a centre of attraction around which the small Balkan states would be made to group themselves.

Federalism took a prominent place in the programmatic documents of the Balkan social-democratic parties during the period prior to World War. They interpreted it as a revolutionary means of exit from the tangled national question in the Balkan. Vaso Pelagić (1833-1899), one of the first Serbian socialists,

²² Vărban N. Todorov, *Greek Federalism during the Nineteenth Century: Ideas and Projects*, Boulder, 1995, p. 99.

saw the future of the Balkans and part of South-Eastern Europe as a Balkan-Carpathian Federation consisting of 19 member-states. The leaders of the left-wing (or “narrow”) Bulgarian Social-Democrats Dimitar Blagoev, and of Dimitrije Tucović, founder and leader of the Social Democratic Party of Serbia, propagated republican federalism. It was to them, on the hand, a fair and democratic way to solve the Macedonia question, which would dissolve after forming of federal union, on the other, an instrument to check the imperialist penetration in the Balkans. The idea of federalism became so popular among the Balkan socialists, that at the beginning of the 20th century it was given organizational forms. In 1915 the Social-Democratic parties of Bulgaria (the “narrow” socialist of Blagoev), Greece and Romania, founded in Bucharest a Balkan Social-Democratic Federation. Their slogan was: “Balkan Federative Republic – the only solution to the national question”.

The close of the 19th century saw the emergence in the countries of Eastern Europe, with their agrarian economy, of peasants’ parties. In 1901 the Bulgarian Agrarian National Union was formed as a political party espousing a specific form of “corporatism”, they believed the peasants in predominantly agrarian countries, organized as an estate, were to be the dominating factor, and their party to occupy the centre of politics. Unlike some of their counterparts the Balkans, the BANU leaders, Alexander Stambolisky, Stoyan Omarchevsky, were staunch proponents of “integral federalism” of the South-Slav countries, and of Balkan Federation (even including Turkey), as a means to resolve national problems, secure peace and economic progress.²³

The period between 1878 and 1918 abounded with projects and improvised plans of federation in the Balkans, of different organizations and parties or individuals, but none of their authors made efforts to give them practical realization.

Unity and disunity during the 20th Century

At the end of World War I definite steps were taken leading towards forming a South-Slav or Yugo-Slav state. In July 1917 the Serbian government-in-exile and the Yugoslav Committee (a group of distinguished South-Slav political fig-

²³ John Bell, *Peasants in Power: Alexander Stambolisky and the Bulgarian Agrarian National Union, 1879-1923*, Princeton, 1977.

ures from Austria-Hungary formed in London), signed in the island of Corfu a declaration for a unified and democratic South-Slav state under a constitutional monarchy. At a conference held in November 1918 in Geneva of the Yugoslav Committee, the National Council, and the Serb political parties of adopted a declaration in favour of unified South-Slav state.

After the war, the process of unification and state building was accelerated. On November 25, the Assembly of Vojvodina voted to join the region to Serbia, the next day the Montenegrin national assembly declared union with Serbia, on December 1, 1918 the Croatian Sabor (Assembly) did the same, and finally, on December 5, 1918 the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes (KSHS), was proclaimed under the Karadjordjević dynasty

However, from the very beginning a conflict loomed large between the general concepts based on historical experience and state traditions. The Serb leaders insisted on a strong, centralized unitary state, while Croat and Slovene ones' aspirations were for autonomy within the KSHS. The Greater Serbian concept of centralized power prevailed which meant defeat of the principle of federalism professed for decades by different political and intellectual circles. Croatian parties went into persistent opposition and withdrew from parliament, the principal Serb parties, helped by the Muslims adopted on June 28, 1921, Vidovdan (the feast day of St. Vitus occupying a central place in the Serbian national mythology as the day of the Battle of Kosovo in 1389), a constitution establishing centralized state based on the pre-war Serbian model. Serb-dominated governments of Prime Minister Nikola Pasic in the 1920s used political repressive methods to crush the opposition parties, especially the Croatian Peasants Party, whose leader Stjepan Radić was arrested a number of times. The confrontation of concepts and policies led to deep crisis which culminated in shooting of opposition deputies and the assassination of Stjepan Radić in the very building of the Skupstina. The death of Radić deepened the ethnic rift and made him an icon of Croatian patriotism and independence. Autocratic Alexander I took advantage of the crisis to carry coup d'état in 1929, and established a royal dictatorship. The constitution was suspended, national political parties banned, and policy of suppression of nationalist tendencies and "Serbianization" followed. The name of the state was changed from KSHS to Yugoslavia. The 1930s witnessed intensification of ethnic confrontation and government repressions. King Alexander I himself was assassinated in 1934 by the Ustase (Croat separatist and fascist movement, the actual killer being an IMRO hitman). Only on the eve of World

War II the successor of Radić, Vladko Maček, managed to wrest from the Belgrade government a degree of autonomy by creation of Banovina of Croatia (August 1939), but it was too little, too late.

Despite of the failure of “internal” federalism in the first, monarchic Yugoslavia, some of the opposition parties did not give up the idea, and even proposed “external” federation with Bulgaria. In the first half of the 1930s four Balkans conferences were organized to discuss the federation ideas, and had even set up an Institute of Balkan Cooperation at the League of Nations. The results of those efforts were, however, the same as the Bulgarian-Yugoslav rapprochement as expressed in the “Pact of Peace and Eternal Friendship” of 1935, which in a few years ended in the next armed conflict.

The Communist parties in the Balkan countries formed after 1919 followed the traditions of their Social-Democratic predecessors regarding federalism. In 1920 they set up the Balkan Communist Federation, headed three years later by Georgi Dimitrov (to become later a leader of the Bulgarian Communist Party, Secretary General of the Communist International, and finally, prime minister of Bulgaria in 1946-49). As an organizational offshoot of the Comintern, the BCF appealed for “unification of the democratic forces in the peninsula in the struggle against the capitalist exploitation and imperialist penetration in South-Eastern Europe”, and envisaged the future federation as a union of “workers-peasants’ republics”. That concept was conformed to the strategies of the Comintern and encouraged by its Executive Committee. The BCF was supplemented in 1922 with Balkan Communist Youth Federation.

The Internal Macedonian Revolutionary Organization (IMRO), which had become after World War I a fearsome terrorist organization, also promoted a form of federalism. Its leader after 1924 Ivan (Vanche) Mihailov wrote of Macedonia as “Switzerland in the Balkans”, which he saw as a link of possible unification of South-Eastern Europe.

As it was with the developments during World War I practical steps towards federation were made during the next wartime period. In November 1942 the Communist resistance headed by Josip Broz Tito, Secretary-General of Communist PartyYugoslavia, and functionary of the Comintern, convened two sessions of the Anti-Fascist Veće (Council of National Liberation of Yugoslavia (AVNOJ) in Bihać in November 1942, and a year later in Jajce, which established the basis for post-war organization of a federation of the six constituent republics.

The concepts of federalism were revived during World War II, both in all-European and local frame, and by both leftist and rightist groups and governments. The Ventotene Manifesto of 1941 written by Altiero Spinelli and by Ernesto Rossi was seen as the birth of European federalism.²⁴ At the end of 1941 the Greek and Yugoslav governments-in-exile in London negotiated and signed agreement until the end of 1941 for a Greek-Yugoslav (con) federation or Balkan Union. It was sponsored by Great Britain as the first step in realization of the "Eden Plan" (named after the Foreign Secretary Anthony Eden). The "Eden Plan" had as final aim was to create a central-eastern union friendly to the Western powers, by linking the Balkan Union (to include also Albania, Bulgaria and Romania) with a Central European federation (Hungary, Czechoslovakia and Poland).²⁵

The Greek-Yugoslav federation to be realized after the war never went planning phase, due Stalin's opposition to a strong and independent federation which could threaten his designs for expansion the Soviet sphere of influence to East and Central Europe, and to shift of British support to the partisan forces of Josip Broz Tito who had of alternative plans for a Balkan confederation, while Churchill and Stalin had agreed that Greece would be in the Western sphere of influence and thus excluded from such a federation.

After the war, Tito, who enjoyed mass popular support, as party leader and prime minister, was complete master of the situation. Monarchy was abolished and Federal People's Republic of Yugoslavia (FPRY) was proclaimed (later to be renamed into Socialist Federal Republic of Yugoslavia, SFRY in 1963). The situation immediately after the war was favorable for the creation of a larger federation in the Balkans. The two neighboring countries, Yugoslavia and Bulgaria, were under the control of respective Communist parties, with their leaders Tito and Dimitrov, long time supporters of federalism. Negotiations began to this end culminating in the Bled Agreement between them of August 1, 1947, which took the two states on the threshold of federative integration. But it was not to come because of the intervention of external factor in the face of the Soviet dictator

²⁴ Bertrand Vayssière, *Le Manifeste de Ventotene (1941): Acte de Naissance du Fédéralisme Européen*, in "Guerres Mondiales et Conflits Contemporains", vol. 55, issue 217, (Jan 2005), p. 69-76.

²⁵ Jonathan Levy, *The Intermarium: Wilson, Madison, & East Central European Federalism*, Boca Raton, FLA: Universal-Publishers, 2007, p. 203-205.

Joseph Stalin. He was initially favorably disposed to forming of a Balkan federation, but as virtual master of Eastern Europe he did tolerate any leaders who enjoyed authority of their own, like Tito, or allowed themselves any move not sanctioned by Moscow. The Stalin-Tito rift not only made federation irrelevant, but set the rest of the "Socialist camp" against schismatic Yugoslavia. Second Yugoslavia continued much longer than the monarchic one, due to combination of factors, domestic and international. It was, however, plagued with innate weaknesses, like ethnic tensions, economic disparity between different republics, and bureaucratic domination of Belgrade. For a time discontent was kept under the heavy lid of one party, Communist regime, though more liberal and open to the world as compared with any other one, and any manifestations of nationalism were suppressed.

After the death of Tito the inherent contradictions of the second Yugoslavia began to come into open, the country confronted deep economic and institutional crisis. In 1991 the disintegration of Yugoslavia began in earnest, soon degenerating into series of bloody wars. The former federation broke down to its constituent republics, the final blow on the last-Yugoslavia (of Serbia and Montenegro), being dealt in 2006 with the independence of the latter.

There are different views as to the reasons why Yugoslavia as federation failed, because of the great divergence in economic development of the former Yugoslav republics and the degree of their preparedness to integrate into the globalized market,²⁶ or to the destruction of the very concept of a Yugoslav nation.²⁷

Conclusions

At present the ideas of Balkan unity and federalism, such as were known before, seem completely and irreparably compromised. The Balkan peoples and leaders now place their hopes mostly on the process of European integration and its furtherance. After accession of all Balkan states into the European Union, they

²⁶ Stephen Schwartz, *Beyond "Ancient Hatreds": What really happened to Yugoslavia?*, in "Policy Review", no. 97, October 1, 1999 (<http://www.hoover.org/publications/policy-review/article/7780>).

²⁷ Andrew B. Wachtel, *Making a Nation, Breaking a Nation: Literature and Cultural Politics in Yugoslavia*, Stanford University Press, 1998.

believe the boundaries would disappear, together with territorial and ethnic tensions; economic development would be accelerated lead to raising and equalizing of the living standards, etc. At the same time, despite the fact that they had carefully avoided any mention of federalism in the text of the ill-fated Treaty establishing a Constitution for Europe which remained un-ratified, there is still a possibility that the European Union may move in the future towards a more coherent political structure.

**DIE VERSUCHE DER HABSBURGER, IN SIEBENBÜRGEN
EINE WOHLFAHRTSPOLITIK ZU BETREIBEN
(1688-1790)**

**THE ATTEMPTS OF THE HABSBURGS TO OPERATE
IN TRANSYLVANIA A WELFARE POLICY (1688-1790)**

Marinel Ovidiu KOCH – TUFIS

Karl-Franzens Universität im Graz
marinelovidiu.kochtufis@edu.uni-graz.at

Rezumat: Încercările Habsburgilor de a realiza în Transilvania o politică vizând sporirea bunăstării populației (1688-1790)

Habsburgii au încercat, în interesul propriei lor dinastii și al Monarhiei să promoveze în Transilvania o politică socială care să conducă printre altele și la creșterea bunăstării populației Principatului și, în mod special, a bunăstării categoriile sociale defavorizate, care constituiau majoritatea populației. Promovarea unei politici vizând sporirea bunăstării populației, care a constituit o noutate pentru Transilvania, trebuia să contribuie la creșterea prestigiului Habsburgilor în rândurile populației țării și la consolidarea aici a stăpânirii Curții din Viena. O altă consecință a promovării acestei politici trebuia să o constituie sporirea numărului de locuitori ca urmare a îmbunătățirii condițiilor de trai ale acestora, acest lucru contribuind de fapt la creșterea puterii financiare, economice și militare a statului habsburgic. Componentele politicii Habsburgilor de creștere a bunăstării populației Transilvaniei sunt multiple, în acest articol fiind analizate următoarele aspecte: îmbunătățirea asistenței sanitare a populației și asigurarea, în măsura posibilităților, a unei hrăniri corespunzătoare a acesteia, protecția supușilor transilvăneni contra abuzurilor funcționarilor statului, a funcționarilor aparținând administrației din teritoriile celor trei națiuni privilegiate și a trupelor habsburgice staționate în țară, precum și a țăranilor aserviți (iobagi) față de abuzurile nobilimii stăpânitoare de domenii. În cadrul acestei politici, nu în ultimul rând s-a avut în vedere sprijinirea înființării de orfeline. Pentru a reuși să promoveze o politică eficientă de creștere a bunăstării populației Transilvaniei, Curtea de la Viena a trebuit să fie corect informată în legătură cu situația reală a locuitorilor Principatului. O metodă folosită în acest sens a fost dată, printre altele, de stabilirea de contacte directe între monarhii habsburgice (în special împăratul Iosif II) cu populația Transilvaniei, și în mod deosebit cu categoriile sociale defavorizate.

Abstract: *According to the interests of their dynasty and monarchy, the Habsburgs tried to promote a social policy in Transylvania, leading – among other things – to increase the living standards of Principality's population, and in particular the welfare of the disadvantaged social groups, which constitute the majority of the population. The promotion of a policy to enhance the welfare of the population, a policy which was also new to Transylvania, had to contribute to the prestige of the Habsburgs among the country's population and, therefore, to the strength of Vienna Court's domination in Transylvania. Another consequence of this policy should have been the increasing number of inhabitants of the Principality, thanks to the improvement of their living conditions, this fact concurring to the financial, economic and military strength of the Habsburg state. As the Habsburgs policy of the growth of Transylvania's population welfare had multiple components, this article examines the following issues: the public health care improvement and the population's proper-feeding insurance (if possible), the Transylvanian subjects' protection against the abuses of state officials, the protection of the civil administration in the territories belonging to the three privileged nation, and of the Habsburgs troops stationed in the Principality, the protection of the peasants (serfs) against the ruling nobility's excesses, and not lastly, the support for the establishment of orphanages. To achieve an effective policy to promote the growth of population welfare Transylvania, the Viennese Court had to be informed about the real situation of the inhabitants of the Principality. To succeed in promoting an effective policy to increase the welfare of the population of Transylvania, the Viennese Court had to be informed about the real situation of the inhabitants of the Principality. A method used to this purpose was, inter alia, the establishment of direct contacts between the Habsburg Monarchy, the Emperor Joseph II in particular, with the population of Transylvania, and especially with the disadvantaged social categories.*

Résumé: Les essais des Habsbourg de réaliser en Transylvanie une politique du bien-être (1688-1790)

Les Habsbourg essayèrent de promouvoir, selon les intérêts de leur propre dynastie et de la Monarchie, une politique sociale en Transylvanie, qui conduise entre autres à l'augmentation du bien-être de la population de la Principauté, et surtout de la prospérité des catégories sociales défavorisées, qui constituaient la majorité de la population du pays. D'ailleurs, promouvoir une politique visant à augmenter la prospérité de la population, politique qui constitua en même temps une nouveauté pour la Transylvanie, devait contribuer à la croissance du prestige des Habsbourg parmi les rangées de la population du pays et, par conséquent, au renforcement de la domination de la Cour de Vienne en Transylvanie. Une autre conséquence de la promotion de cette politique devait être l'augmentation du nombre d'habitants de la Principauté, par suite de l'amélioration des conditions de vie de ceux-ci, conduisant en effet à la croissance du pouvoir financier, économique et militaire de l'Etat habsbourgeois. Les composantes de la politique des Habsbourg d'augmenter le bien-être de la population de la Transylvanie sont multiples; dans l'article ci-joint l'auteur analy-

sa les aspects suivants: l'amélioration de l'assistance sanitaire de la population et l'assurance, si possible, de son alimentation correcte, la protection des sujets transylvains contre les abus des fonctionnaires de l'Etat, des fonctionnaires appartenant à l'administration des territoires des trois nations privilégiées et des troupes habsbourgeoises cantonnées dans la Principauté, ainsi que des paysans asservis (serfs) vis-à-vis des abus de la noblesse maîtrisant des domaines, et pas dernièrement, par l'appui accordé à la fondation d'orphelinats. Afin de réussir à promouvoir une politique efficace de croissance du bien-être de la population de la Transylvanie, on dut, en outre, informer la Cour de Vienne sur la situation réelle des habitants de la Principauté. Une des méthodes qu'on utilisa à cet égard, fut d'établir des contacts directs entre les monarques habsbourgeois, en spécial l'empereur Joseph II, et la population de la Transylvanie et, en particulier, avec les catégories sociales défavorisées.

Keywords: *Habsburgs, Absolutism, Populationism, social policy, welfare policy, Transylvania*

Die Grundzüge der Sozialpolitik der Habsburger in Siebenbürgen

Die Sozialpolitik war eine wichtige Komponente der absolutistischen Politik der Habsburger in Siebenbürgen¹. Es stellt sich die Frage. Was charakterisierte die Sozialpolitik der Habsburger im Fürstentum? Die wichtigen Grundzüge dieser Politik waren: I. Die Politik der Erhöhung der Einwohnerzahl Siebenbürgens mittels verschiedener Methoden², II. die Politik gegenüber den wichtigen ethnischen Gruppen Siebenbürgens – Ungarn, Szekler, Sachsen und Rumänen – und ethnischen Minderheiten³, III. die Politik gegenüber den sozialen Gruppen

¹ Über die populationistischen Theorien und über die Grundzüge der Sozialpolitik der Habsburger im Allgemein und in Siebenbürgen, vgl. auch KOCH - TUFİŞ Marinel Ovidiu, *Aspekte der Sozialpolitik der Habsburger in Siebenbürgen (1688–1790). Maßnahmen zur Erhöhung der Anzahl der Einwohner des Fürstentums*. In: Codrul Cosminului, Bd. XVIII, Nr. 2, Suceava 2012, S. 349 ff.; KOCH- TUFİŞ Marinel Ovidiu, *Die Politik der Habsburger gegenüber den wichtigen ethnischen Gruppen Siebenbürgens – Ungarn, Szekler, Sachsen und Rumänen – und ethnischen Minderheiten (1688–1790)*. In: Codrul Cosminului, Bd. XIX, Nr. 1, Suceava 2013, S. 142 ff.

² Dieser Aspekt der Sozialpolitik der Habsburger in Siebenbürgen wurde in unserem Artikel analysiert: KOCH - TUFİŞ Marinel Ovidiu, (2012), S. 347–360.

³ Dieser Aspekt der Sozialpolitik der Habsburger in Siebenbürgen wurde in unserem Artikel analysiert: KOCH- TUFİŞ Marinel Ovidiu, (2013), 141–160.

und Kategorien, seien es die Stände oder die einfachen Einwohner – Bauern und arme Staatsbewohner⁴ – und nicht zuletzt das Betreiben einer Wohlfahrtspolitik (IV.). Viele Komponenten der Sozialpolitik der Habsburger konnten, genau wie im Fall anderer Maßnahmen der Habsburger, in Siebenbürgen, im Gebiet der Grenzregimente und auf den fürstlichen Domänen besser und mit mehr Erfolg durchgeführt werden, als in den Territorien, die sich direkt unter der Verwaltung der drei ständischen Nationen befanden. Im vorliegenden Artikel wird nur der vierte Aspekt der Sozialpolitik der Habsburger in Siebenbürgen analysiert und herausgearbeitet bzw. der Versuch einer Wohlfahrtspolitik durch die Habsburger in Siebenbürgen.

Das Betreiben einer Wohlfahrtspolitik durch die Habsburger in Siebenbürgen

Die Habsburger versuchten in Siebenbürgen in ihrem Interesse auch eine Wohlfahrtspolitik zu betreiben, was in der Geschichte des Fürstentums ein Novum darstellte. Kaiser Leopold I. verlautbarte diese Absicht schon im Leopoldinischen Diplom (1691)⁵. Nach der Auffassung des Wiener Hofes musste das Ansehen der habsburgischen Kaiser in den Augen der breiten Masse der Bevölkerung Siebenbürgens durch die Betreibung einer Wohlfahrtspolitik wachsen. Das sollte zu einer Konsolidierung ihrer Herrschaft beitragen und ebenso die Einwohnerzahl, durch die Verbesserung der Lebensbedingungen, vermehren, was letztendlich auch finanzielle, wirtschaftliche und militärische Vorteile für den Staat bedeuteten. Die Sorge für die Wohlfahrt der Bevölkerung Siebenbürgens blieb, wie es auch aus den königlichen Propositionen Leopolds II. für den siebenbürgische Landtag der Jahre 1790/1791 resultiert, ein Desiderat und gleichzeitig auch eine wichtige Angelegenheit der Sozialpolitik der Habsburger im Fürstentum.⁶

⁴ Dieser Aspekt der Sozialpolitik der Habsburger in Siebenbürgen wurde in unserem Artikel analysiert: KOCH- TUFIŞ Marinel Ovidiu, *Die Grundzüge der Politik des Wiener Hofes gegenüber den sozialen Klassen und Kategorien Siebenbürgens (1688–1790)*, In: „Codrul Cosminului“, Bd. XIX, Nr. 2, Suceava 2013, S. 335-360.

⁵ Vgl. KUTSCHERA Rolf, *Landtag und Gubernium in Siebenbürgen 1688–1869*. In: Paul Philipp (Hg.), (= *Studia Transylvanica*, Ergänzungsbände des Siebenbürgischen Archivs, Bd. 11), Köln–Wien 1985, S. 334.

⁶ In den königlichen Propositionen steht es sinngemäß: „[...] ferner, daß im Allgemeinen für den Wohlstand des steuerpflichtigen Volkes gesorgt und auf taugliche Mittel gebracht werde, der Armuth der Contribuenten zu steuern, ihre Lage zu erleichtern und

Die Komponenten der Wohlfahrtspolitik der Habsburger in Siebenbürgen waren sehr vielfältig. Dazu zählten: Die Verbesserung des Lebensniveaus der Bevölkerung durch die Steigerung der finanziellen und wirtschaftlichen Kraft der einzelnen Untertanen als Folge der erbrachten Leistung, die gerechte Verteilung der Steuerlast auf einzelne Personen, der Schutz der siebenbürgischen Untertanen vor Missbräuchen der Behörden und der habsburgischen Armee – im Fall der Leibeigenen vor Missbräuchen des Adels – der Schutz der Person und der Interessen der siebenbürgischen Untertanen im Ausland durch die Errichtung von Konsulaten in der Walachei und in Moldau, die Verbesserung der Rechtslage im Fürstentum – damit die Untertanen ihre Rechte vor Gericht selbst einfordern können – die Verbesserung der medizinischen Fürsorge und der Ernährung der Bevölkerung, die Bereitstellung eines Ausbildungsprogramms für die breite Masse der Bevölkerung und nicht zuletzt die direkte Kontaktaufnahme der habsburgischen Herrscher mit der einfachen Bevölkerungsschicht.

In diesem Artikel werden die folgenden Aspekte der Wohlfahrtspolitik der Habsburger in Siebenbürgen analysiert und herausgearbeitet: 1. Die Verbesserung der medizinischen Fürsorge, 2. die Verbesserung der Ernährung der Bevölkerung, 3. die Errichtung von Waisenhäusern, 4. der Schutz der Untertanen vor Missbräuchen, 5. der Kontakt zwischen den Habsburgern und der einfachen Bevölkerungsschicht. Zwei Aspekte waren aufgrund ihrer direkten Auswirkung auf die Steigerung des Lebensniveaus der Bevölkerung Siebenbürgens besonders wichtig: Die Verbesserung der medizinischen Fürsorge und die Ernährung der Bevölkerung.

1. Die Verbesserung der medizinischen Fürsorge der Bevölkerung

In Siebenbürgen existierte bereits eine Organisation des Gesundheitswesens. Verantwortlich für diesen Bereich war der Ärztliche Kongress, der von einem „Land – Protomedikus“ geleitet wurde. Die Sanitätskommission, die aus Spezialisten bestand, war eine Außenbehörde des Guberniums. Der „Land – Protomedikus“ war kein Mitglied des Guberniums, musste auf den Sitzungen des Guberniums aber Fachreferate präsentieren, wenn er dazu aufgefordert wurde⁷. Eine besonders wichtige Aufgabe der Sanitätsbehörden war die Bekämpfung der Seuchen, die sich vom Osmanischen Reich aus oft auch bis nach Siebenbürgen

ihren Zustand zu verbessern.“ Vgl. ZIEGLAUER Ferdinand, *Die politische Reformbewegung in Siebenbürgen in der Zeit Josephs II. und Leopolds II.* Wien 1881, S. 155.

⁷ Über die zentrale Organisation des Gesundheitswesens, vgl. KUTSCHERA Rolf, (1985), S. 150 f. und 205.

ausbreiteten. So fielen allein der Pestseuche in den Jahren 1717–1720 laut Schätzungen fast 20 Prozent der Bevölkerung Siebenbürgens zum Opfer⁸. Weitere Pestepidemien, die aber weit weniger Opfer forderten, gab es auch in der nächsten Zeit⁹. Um dieses Übel zu bekämpfen, beschloss der Wiener Hof die Errichtung eines Sanitätskordons an der Grenze Siebenbürgens zur Walachei und Moldau. An den wichtigen Grenzübergängen entstanden Quarantänestationen (Kontumanzen), im Jahr 1744 wurden die Quarantänezeiten genau fixiert. Die Neuregelung der Kontumanzeinrichtungen erfolgte im Jahr 1770¹⁰. Nach der Errichtung der Militärgrenze konnte die Pestgefahr besser bekämpft werden. Die Quarantänestationen befanden sich sogar im Aufgabenbereich des Guberniums, die Militärbehörden spielten aber auch hier eine wichtige Rolle. Im Notfall wurde das Grenzgebiet vom Inneren Siebenbürgens sogar durch eine militärische Sperrlinie abgesondert. Die lange Quarantänezeit verursachte aber wirtschaftliche Verluste. Aufgrund dieses Themas kam es zu angeregten Disputen¹¹. Schließlich setzte

⁸ Vgl. TRÓCSÁNYI Zsolt, MISKOLCZY Ambrus, *Siebenbürgen im Habsburgerreich. Das lange 18. Jahrhundert (1711–1830)*. In: Béla Köpeczi (Hg.), *Kurze Geschichte Siebenbürgens*. Budapest 1990, S. 409.

⁹ Vgl. MÜLLER Konrad, *Siebenbürgische Wirtschaftspolitik unter Maria Theresia*. In: Harold Steinacker (Hg.), (= Buchreihe der Südostdeutschen Historischen Kommission, Bd. 9), München 1961, S. 63; SCHULLER Georg Adolf, *Samuel von Brukenthal*. In: Theodor Mayer (Hg.), (= Buchreihe der Südostdeutschen Historischen Kommission, Bd. 18. (München 1967, Bd. I.), S. 244 f.; VOCELKA Karl, *Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat*. In: Herwig Wolfram (Hg.), *Österreichische Geschichte 1699–1815*. Wien 2001, 2004, S. 324 f.

¹⁰ Über das Quarantänewesen in Siebenbürgen, vgl. MÜLLER Konrad, (1961), S. 43 f. und 62 f.; SCHULLER Georg Adolf, (1967), Bd. I., S. 244 f.; ANDEA Avram, *Absolutismul luminat în Transilvania. Politica iosefină der reforme* [Der Aufgeklärte Absolutismus in Siebenbürgen. Die josephinische Reformpolitik]. In: Paul Cernovodeanu, Nicolae Edroiu (Hg.), *Istoria Românilor. Românii între Europa Clasică și Europa Luminilor (1711–1821)*. Bukarest 2002, Bd. 6, S. 548; EDROIU Nicolae, *Viața socio - economică a Transilvaniei* [Die Gesellschaft und die Wirtschaft Siebenbürgens]. In: Paul Cernovodeanu, Nicolae Edroiu (Hg.), *Istoria Românilor. Românii între Europa Clasică și Europa Luminilor (1711 - 1821)*. Bukarest 2002, Vol. 6, S. 285 ff.; BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, *Călătoria împăratului Josif al II - lea în Transilvania la 1773* [Die Reise Kaiser Josephs II. durch Siebenbürgen im Jahre 1773]. Cluj-Napoca / Klausenburg 2006, Vol. / Bd. I., S. 524– 713 und 760 ff.

¹¹ Während sich Joseph II., die siebenbürgische Hofkanzlei und Brukenthal für eine Lockerung der Quarantänezeit aussprachen, war der Hofkriegsrat und der bekannte Arzt Van Swieten für eine strenge Erhaltung.

sich Kaiser Joseph II. im Jahr 1776 durch, die Quarantänezeit wurde reduziert.

Nach der ersten Reise Joseph II. durch Siebenbürgen (1773) wurde an weitere Maßnahmen gedacht, durch die das Gesundheitswesen im Fürstentum verbessert werden sollte: Die Anstellung von Kreisärzten, die Vorbereitung einer Pockenimpfaktion in der Bevölkerung, die zuerst auch aufgeklärt werden musste. Verschiedene siebenbürgische Ärzte versuchten die schlechten sanitären Bedingungen in Siebenbürgen durch Publizierungen und die Verbreitung von Broschüren zu verbessern. In den Städten und insbesondere in Sibiu (Hermannstadt / Nagyszeben) wurde eine bessere polizeiliche Ordnung geschaffen. Zur Verbesserung der schlechten hygienischen Verhältnisse in Sibiu¹² wurden unter der Leitung vom Gouverneur Brukenthal Teiche trockengelegt und Wasserkanäle gebaut. In den wichtigen Städten Siebenbürgens befanden sich für die medizinische Fürsorge der Bevölkerung Spitäler, die unter der Aufsicht des Stadtmagistrats oder der rezipierten Kirchen standen und von diesen auch unterhalten wurden. In den wichtigen Stadtgarnisonen gab es auch Militärspitäler, die vom Staat unterhalten wurden¹³. Der Staat stellte in den Stadtgarnisonen und im Bergwerksgebiet auch Ärzte ein und unterhielt diese aus seinen eigenen Finanzmitteln. In den Montanorten waren manchmal aus einem Mangel an Spezialisten auch Personen angestellt, die nur über geringe medizinische Kenntnisse verfügten¹⁴. Von einem flächendeckenden Sanitätseinrichtungsnetz, sowohl des Staates

¹² Der siebenbürgische Thesaurarius Leopold von Clary informierte in seinem Bericht aus dem Jahr 1773 von der „Unsauberkeit“ und die „schlechte Pflasterung“ in der Stadt, von den „üble Ausdünstungen und Ungesundheit“, die durch die „Teichen, Pfützen, und Morästen“ aus dem Umgebung von Sibiu verursacht sind. Vgl. BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 331; Ein ähnliches Bild über den schlechten hygienischen Verhältnissen in Sibiu gab auch der Kaiser Joseph II. in seinem Reisejournal aus dem Jahr 1773 durch Siebenbürgen. Vgl. BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 679.

¹³ Über die Lage des Gesundheitswesens in Siebenbürgen, vgl. auch SCHULLER Georg Adolf, (1967), Bd. I., S. 73 und 334; KUTSCHERA Rolf, (1985), S. 216 und 219; ANDEA Avram, *Transilvania. Reformarea administrației* [Siebenbürgen. Die Reform der Administration]. In: Paul Cernovodeanu, Nicolae Edroiu (Hg.), *Istoria Românilor. Românii între Europa Clasică și Europa Luminilor (1711–1821)*. Bukarest 2002, Vol. 6, S. 382; GYÉMÁNT Ladislau, MUREȘAN Ovidiu, *Transilvania. Știința* [Siebenbürgen. Die Wissenschaft]. In: Paul Cernovodeanu, Nicolae Edroiu (Hg.), *Istoria Românilor. Românii între Europa Clasică și Europa Luminilor (1711–1821)*. Vol. 6, București 2002, S. 880; BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 524–713 und 760 ff.

¹⁴ Vgl. GERSTORFF Franz v., *Siebenbürgischer Bergwercks Commissions Bericht (1762)*. In: Rainer Slotta u.a. (Hg.), *Silber und Salz in Siebenbürgen*. Bochum 1999, Bd. 1., S. 183 und 221 f.

als auch der siebenbürgischen Stände, konnte in dieser Epoche im Fürstentum Siebenbürgen nicht die Rede sein.

2. Die Verbesserung der Ernährung der Bevölkerung

Die Verbesserung der Ernährung der Bevölkerung war ein wichtiger Aspekt der Wohlfahrtspolitik eines Staates. Die Hungersnöte, die in Siebenbürgen noch in den 1780er Jahren vorkamen¹⁵, und die Teuerung der Lebensmittel trafen in erster Linie die breite Schicht der Bevölkerung. Gründe dafür waren die niedrige landwirtschaftliche Produktivität, die zusätzlich auch den klimatischen Schwankungen und Schädlingen ausgesetzt war, und die drückenden feudalen Verhältnisse. In der Kompetenz des siebenbürgischen Guberniums befand sich im Sachgebiet „Publica“ sogar die Gewährung der Hilfe bei Missernten und die Beseitigung von Flur- und Unwetterschäden¹⁶, das war aber zu wenig. Welche Maßnahmen konnte der Staat noch treffen, um die Ernährung der einfachen Bevölkerung zu verbessern? Durch eine Lockerung der feudalen Verhältnisse versuchte der Wiener Hof auf indirektem Weg auch die Ernährungslage der einfachen Bevölkerung zu verbessern. Ein direkter Weg war die Verbreitung moderner Anbautechniken und ertragreicher Kulturpflanzen, wie die Kartoffel. Die besten Ergebnisse wurden im Militärgrenzgebiet erreicht, wo die feudalen Verhältnisse ziemlich gelockert wurden und der Staat mit direkter Hilfe und unter Aufsicht der Militärbehörden Getreidespeicher baute und die Kultur der Kartoffel mit Erfolg verbreitete¹⁷. Die Sicherung der Bevölkerung Siebenbürgens im Fall einer Hungersnot durch die Errichtung eines flächendeckenden Netzes von Getreidemagazinen, wie vom siebenbürgischen Gouverneur General Buccow im Jahr 1763 vorgeschlagen und von Staatsrat Borié im Jahr 1766 verlangt, konnte aber wegen mangelnder Finanzmittel nicht durchgeführt werden¹⁸.

3. Die Errichtung von Waisenhäusern

Eine Komponente der Politik der Habsburger für die Fürsorge der Bevölkerung Siebenbürgens war auch die Errichtung von Waisenhäusern. Auch in diesem Bereich spielten die rezipierten Kirchen des Fürstentums eine wichtige

¹⁵ Vgl. TRÓCSÁNYI Zsolt, MISKOLCZY Ambrus, (1990), S. 410.

¹⁶ Vgl. KUTSCHERA Rolf, (1985), S. 150.

¹⁷ Vgl. auch GÖLLNER Carl, *Die Siebenbürgische Militärgrenze. Ein Beitrag zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 1762–1851*. In: Adam Wandruszka (Hg.), (= Buchreihe der Südostdeutschen Historischen Kommission, Bd. 28), München 1974, S. 34–46.

¹⁸ Vgl. MÜLLER Konrad, (1961), S. 28.

Rolle. Im Jahr 1773 besuchte Joseph II. die zwei Waisenhäuser in Hermannstadt, die nicht lange zuvor errichtet worden waren – ein lutheranisches und ein katholisches Waisenhaus. Für letzteres und seinen Leiter, Pater Delpini, fand der Kaiser viele Lobesworte – seiner Auffassung nach wurde es ganz den Vorstellungen Maria Theresias entsprechend errichtet und geführt¹⁹.

4. Der Schutz der Untertanen vor Missbräuchen

In Siebenbürgen gab es Missbräuche der Beamten (a), und insbesondere am Anfang der habsburgischen Herrschaft auch der Armee gegenüber der einfachen Bevölkerung (b), es gab aber auch Missbräuche der Grundherren gegenüber den untertänigen Bauern (c).

a) Der Schutz der Untertanen vor Missbräuchen der Beamten. Die siebenbürgischen einfachen Untertanen, und ganz besonderes die untertänigen Bauern, wurden manchmal auch von den Beamten, einschließlich der Kameralbeamten, unterdrückt. Diese Situation fiel Joseph II. schon während seiner ersten Reise durch Siebenbürgen (1773) auf²⁰. Der siebenbürgische Gouverneur Auersperg übergab Kaiser Joseph II. schon vor dieser Reise durch das Fürstentum aus dem Jahre 1773 Dokumente, die Beweise für die Missbräuche der Oberbeamten des Komitats Hunedoara (Hunyad) gegenüber den Einwohnern enthielten²¹. Der Kampf gegen die Übertritte der Beamten konnte in den fürstlichen Domänen besser geführt werden. Ein Schritt in diese Richtung wurde in den Jahren 1775–1776 gemacht: Die Pflichten der untertänigen Bauern aus dem Gebiet der Gebirge „Munților Apuseni“ (Westkarpaten), das Großteil in einer Domäne der Krone organisiert und dem Thesaurariat untergeordnet war, wurden per kaiserlicher Verordnung in einer provisorischen Reglementierung zusammengefasst²². Joseph II. versuchte die Unterdrückung der einfachen Untertanen durch die Beamten auch mittels seiner Verwaltungsreformen in Siebenbürgen aus den Jahren 1784 und 1786 zu beseitigen²³.

¹⁹ Vgl. BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 602, 698 und 759.

²⁰ Vgl. JOSUPEIT - NEITZEL Elke, *Die Reformen Josephs II. in Siebenbürgen*. In: Georg Stadtmüller u.a. (Hg.), (= *Studia Hungarica*. Schriften des Ungarischen Instituts, München, Bd. 33), München 1986, S. 61 f.; BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 524–781.

²¹ Vgl. BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 269–315.

²² Vgl. EDROIU Nicolae, (2002), S. 251 f.

²³ Über die Verwaltungsreformen Josephs II. in Siebenbürgen, vgl. ZIEGLAUER Ferdinand v., (1881), S. 24–28; KUTSCHERA Rolf, (1985), S.159 f.; JOSUPEIT - NEITZEL Elke, (1986), S. 99–123 und 132–138; ANDEA Avram, *Transilvania. Instituțiile centrale ale Principatului Transilvaniei* [Siebenbürgen. Die Zentralinstitutionen des Fürstentums

b) Der Schutz der Untertanen vor Missbräuchen der habsburgischen Armee. Was den Schutz der siebenbürgischen Untertanen vor Missbräuchen der habsburgischen Armee betrifft, wurde die habsburgische Armee am Anfang der habsburgischen Herrschaft nicht nur in den befreiten Gebieten Ungarns für viele Missbräuche gegenüber der Bevölkerung verantwortlich gemacht²⁴, sondern auch in Siebenbürgen²⁵. Diese Situation änderte sich aber im Laufe der Zeit aufgrund verschiedener Maßnahmen des Wiener Hofes, wie die Errichtung in Siebenbürgen des Oberlandeskommisariats (*Supremus Commissariatus Provincialis*)²⁶ im Jahr 1691, so entscheidend²⁷, dass sich Gouverneur Bruckenthal in den

Siebenbürgen]. In: Paul Cernovodeanu, Nicolae Edroiu (Hg.), *Istoria Românilor. România între Europa Clasică și Europa Luminilor (1711 - 1821)*. București 2002, Vol. 6, S. 376 f.

²⁴ Vgl. MAYER Theodor, *Verwaltungsreform in Ungarn nach der Türkenzeit*. In: Josef Fleckenstein, Heinz Stoob (Hg.), Sigmaringen 1980, S. 62 ff.; KALMÁR János, VARGA J. János (Hg.), *Einrichtungswerk des Königreichs Hungarn (1688-1690)*. In: Winfried Eberhard u.a. (Hg.), (= Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa, Bd. 39), Stuttgart 2010, S. 178-181.

²⁵ Vgl. KUTSCHERA Rolf, (1985), S. 87; MAGYARI Andrei, *Începutul regimului habsburgic în Transilvania și mișcarea adversă a lui Francisc Rákóczi al II - lea* [Der Beginn der habsburgischen Herrschaft in Siebenbürgen und der antihabsburgische Aufstand unter der Führung von Francisc Rákóczi II.]. In: Virgil Cândea (Hg.), *Istoria Românilor. O epocă de înnoiri în spirit european (1601-1711/1716)*. București 2003, Vol. 5, S. 375 f.

²⁶ Zum Aufgabenbereich des Oberlandeskommisariats gehörten die Finanzierung, die Bezahlung, die Verpflegung und die Einquartierung der Truppen sowie der Schutz der Zivilbevölkerung vor den Missbräuchen der Militärs.

²⁷ Dazu trugen die Maßnahmen der Habsburger betreffend die Sicherung der Finanzierung der Bezahlung und die Verpflegung der habsburgischen Truppen in Siebenbürgen (Vgl. auch BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 620 und 724; SCHULLER Georg Adolf, (1967), Bd. I, S. 308) und nicht zuletzt die Reglementierung des Problems der Einquartierung der Truppen in den Häusern der Bevölkerung oder in den Kasernen, die gebaut wurden. Vgl. auch PRODAN David, *Instaurarea regimului austriac în Transilvania* [Der Beginn der habsburgischen Herrschaft in Siebenbürgen]. In: Oțetea A. u.a. (Hg.), *Istoria României. Feudalismul dezvoltat în secolul al XVII- lea și la începutul secolului al XVIII- lea. Destrămarea feudalismului și formarea relațiilor capitaliste*. București 1964, Vol. 3, S. 235; SCHULLER Georg Adolf, (1967), Bd. I, S. 308; SCHULLER Georg Adolf, (1967), Bd. I, S. 308; SCHULLER Georg Adolf, *Samuel von Brukenenthal*. In: Theodor Mayer (Hg.), (= Buchreihe der Südostdeutschen Historischen Kommission, Bd. 19. (München 1969, Bd. II.)), S. 72 f.; ANDEA Avram, (2002), *Transilvania. Instituțiile centrale ...*, S. 365 f.; BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S.

Jahren 1778/79 gegen die geplante Reduzierung der Anzahl der habsburgischen Truppen im Fürstentum aussprach²⁸.

c) Der Schutz der Untertanen vor Missbräuchen der Grundherren. Die Berichte der habsburgischen Hochbeamten, wie die siebenbürgischen Gouverneure und die Kommandierten Generäle, aber auch die zahlreichen Klagschriften der Bauern selbst, sind Beweise für die Unterdrückung und den Missbrauch der untertänigen Bauern, insbesondere der rumänischen, durch ihre Grundherren. In den Jahren 1773 und 1783 konnte sich Kaiser Joseph II. während seiner Reisen durch das Land von dieser Situation selbst überzeugen²⁹. Schon während seiner Reise im Jahr 1773 traf er Maßnahmen gegen die Grundherren, die die Bauern unterdrückten, und befahl die Respektierung der angegebenen Verordnungen³⁰. Schon ein paar Jahre zuvor unternahm auch der Präses des Guberniums, General Hadik, harte Maßnahmen gegen jene Grundherren, die ihre untertänigen Bauern misshandelten³¹. Die Habsburger versuchten die Situation der untertänigen Bauern auch zu verbessern, indem sie sich in deren Verhältnisse mit ihren Grundherren einmischten. Das geschah in Form der Urbarialregulierung von Maria Theresia und Joseph II., die die Pflichten der untertänigen Bauern und der Grundherren reglementierte und die Gerichtsbarkeit der Grundherren beschränkte³². Ein weiterer Schritt in Richtung Verbesserung der Situation der

724; ROTH Harald, *Hermannstadt. Kleine Geschichte einer Stadt in Siebenbürgen*. Köln–Weimar–Wien 2006, S. 126 und 161.

²⁸ Diese Truppen wurden jetzt wegen ihrer erhaltenen Solde und des Konsums von Gütern als zusätzliche Mittel zur Vermehrung der Geldzirkulation und zur Ankurbelung der Wirtschaft Siebenbürgens angesehen. Vgl. SCHULLER Georg A., (1969), Bd. II., S. 34 f.

²⁹ Vgl. PRODAN David, *Transilvania sub regimul absolutismului luminat* [Siebenbürgen in der Zeit der absolutistisch aufgeklärten Herrschaft]. In: Oțetea A. u.a. (Hg.), *Istoria României. Feudalismul dezvoltat în secolul al XVII - lea și la începutul secolului al XVIII - lea. Destrămarea feudalismului și formarea relațiilor capitaliste*. București 1964, Vol. 3, S. 737 ff.; PRODAN David, *Supplex Libellus Valachorum. Din istoria formării națiunii române* [Supplex Libellus Valachorum. Aus der Geschichte der Entstehung der rumänischen Nation]. București 1998, S. 286 f. und 292–295; JOSUPEIT – NEITZEL Elke, (1986), S. 60–64 und 92; EDROIU Nicolae, (2002), S. 250 ff.; BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 524–781.

³⁰ Vgl. EDROIU Nicolae, (2002), S. 251 f.

³¹ Vgl. KUTSCHERA Rolf, (1985), S. 237.

³² Über die Urbarialreglementierung in Siebenbürgen im 18. Jahrhundert, vgl. MÜLLER Konrad, (1961), S. 32 f.); PRODAN David, (1964), *Transilvania sub regimul ...* S. 736–739; SCHULLER Georg A., (1967), Bd. I., S. 319 und 377; KUTSCHERA Rolf, (1985), S.

untertnigen Bauern war die Aufhebung der Leibeigenschaft im Jahr 1785 durch Joseph II.³³ Zu dieser Entscheidung des Wiener Hofes drfte neben der Politik von Joseph II., die Leibeigenen in der gesamten Monarchie zu befreien, auch die Befreiung der untertnigen Bauern in den benachbarten Lndern mit Siebenbrgen, Walachei und in Moldau, im Jahr 1746 bzw. 1749³⁴ beigetragen haben. Ein Argument fr die Untersttzung dieser Hypothese wre die Position des Wiener Hofes aus dem Jahr 1770 die Notwendigkeit der Verbesserung der Lage der untertnigen Bauern in Siebenbrgen betreffend, um die Auswanderung in den Donaufrstentmer zu reduzieren³⁵, und ebenfalls die Aussagen des Kommandierenden Generals Siebenbrgens, Preiŝ, aus dem Jahr 1782: „... weil der Landmann in der Walachey kein Unterthan, oder Jobagy, sondern ein freyer Mensch ist, der nach entrichteten Abgaben von einem Grund auf den andern ziehen, und sich niederlassen kann, ...“.³⁶ Ein Teil der historischen Forschung sah die Aufhebung der Leibeigenschaft in Siebenbrgen als direkte Folge des Bauernaufstandes im Jahr 1784³⁷.

5. Der Kontakt zwischen den Habsburgern und der einfachen Bevlkerungsschicht

Ein wichtiger Aspekt, der auch als ein Element der Wohlfahrtspolitik betrachtet werden kann, war die direkte Kontaktaufnahme der habsburgischen Monarchen zu ihren siebenbrgischen Untertanen. Die Habsburger waren zu-

264 ff.; JOSUPEIT – NEITZEL Elke, (1986), S. 63 f., 157–173 und 203–256; TRCSNYI Zsolt, MISKOLCZY Ambrus, (1990), S. 422–437; PRODAN David, (1998), S. 192–203; EDROIU Nicolae, (2002), S. 249–252.

³³ ber die Aufhebung der Leibeigenschaft, vgl. PRODAN David, (1964), *Transilvania sub regimul ...* S. 736–739; WAGNER Ernst (Hg.), *Quellen zur Geschichte der Siebenbrger Sachsen 1191–1975*. In: Schriften zur Landeskunde Siebenbrgens. Ergnzungsreihe zum Siebenbrgischen Archiv, Bd. 1, Kln - Wien 1976, S. 186 ff.; JOSUPEIT – NEITZEL Elke, (1986), S. 224–231 und 245–256; EDROIU Nicolae, (2002), S. 250 ff.

³⁴ Vgl. CONSTANTINIU Florin, *Relaŝiile agrare din Țara Romneasc n secolul al XVIII-lea* [Die Agrarverfassung der Walachei im 18. Jahrhundert]. Bucureŝti 1972, S. 95–135; CONSTANTINIU Florin, *Reformele lui Constantin Mavrocordat* [Die Reformen von Constantin Mavrocordat]. In: Paul Cernovodeanu, Nicolae Edroiu (Hg.), *Istoria Romnilor. Romnii ntre Europa Clasic ŝi Europa Luminilor (1711–1821)*. Bucureŝti 2002, Bd. 6, S. 505 ff.

³⁵ Vgl. SCHULLER Georg Adolf, (1967), Bd. I, S. 244.

³⁶ GLLNER Carl, (1974), S. 73.

³⁷ Vgl. VOCELKA Karl, (2001, 2004), S. 90.

nehmend daran interessiert, dass ihr Ansehen und ihre Popularität auch in den Reihen der einfachen Bevölkerung zunahmen. Sie versuchten ihre Sympathie zu gewinnen, indem sie sich ihre Probleme anhörten und sich um eine Verbesserung ihrer schlechten Situation bemühten. Schon Kaiser Leopold I. war bestrebt, sein Ansehen in den Reihen der siebenbürgischen einfachen Bevölkerung zu steigern³⁸. Direkte Kontakte mit der Bevölkerung pflegte aber erst Joseph II. während seiner drei Reisen durch Siebenbürgen. Der Kaiser nahm nicht nur die zahlreichen schriftlichen Bittschriften der Bevölkerung entgegen³⁹, er nahm sich auch Zeit und ließ sich persönlich von den Menschen über deren Beschwerden, wie z. B. Missbräuche der Behörden und des Adels, berichten⁴⁰. Der Kontakt der Habsburger mit der einfachen Bevölkerung wurde auch durch die Bekanntmachung der königlichen Reskripte und Verordnungen usw. gepflegt, die in Form von Flugblättern oder in den Zeitungen in den Muttersprachen der wichtigen Nationen Siebenbürgens, inklusiv in rumänischer Sprache, gedruckt wurden⁴¹. Aus der Periode 1790–1815 sind z.B. 123 offiziellen Akten der habsburgischen Behörden bekannt, die in der rumänischen Sprache gedruckt wurden⁴².

³⁸ Leopold I. betrachtete im Jahr 1702 die gerechte Verteilung der Steuern in Siebenbürgen als wichtiges Element, das in den Augen der einfachen siebenbürgischen Bevölkerung zu einer Steigerung seines Images als Kaiser führen sollte. Vgl. KUTSCHERA Rolf, (1985), S. 87 f.

³⁹ Allein während der Reise im Jahr 1773 wurden über 12.000 Memoires der siebenbürgischen Untertanen an den Kaiser übergeben. Sie wurden an den Hofkriegsrat geschickt, wo sie nummeriert und registriert und anschließend zur Bearbeitung an die siebenbürgische Hofkanzlei weitergeleitet wurden. Vgl. BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 703 und 762; Anderen Historiker sprachen sogar über „etwa 19.000 Memoriale, d.h. Bittschriften bzw. Klagen“ die der Kaiser Joseph II. während seiner Reise durch Siebenbürgen erhalten haben sollen. Vgl. KUTSCHERA Rolf, (1985), S. 249.

⁴⁰ Vgl. PRODAN David, (1964), *Transilvania sub regimul* S. 728; SCHULLER Georg Adolf, Bd. I. (1967), S. 281–317 und Bd. II. (1969), S. 84–115 und 168–176; JOSUPEIT – NEITZEL Elke, (1986), S. 39–75, 89–93 und 257 ff.; BOZAC Ileana, PAVEL Teodor, (2006), S. 524–713.

⁴¹ Vgl. auch JOSUPEIT – NEITZEL Elke, (1986), S. 238 f. und 246.

⁴² Vgl. GYÉMÁNT Ladislau, *Transilvania de la Reformism la Revoluția Democratică și Epoca Reacțiunii (1791–1820)* [Siebenbürgen von Reformismus bis zur demokratischen Revolution und zur Epoche der Reaktion (1791–1820)]. In: Paul Cernovodeanu, Nicolae Edroiu (Hg.) *Istoria Românilor. Românii între Europa Clasică și Europa Luminilor (1711–1821)*. Vol. 6, București 2002, S. 579.

Schlussfolgerungen

Die Versuche der Habsburger, in Siebenbürgen eine Wohlfahrtspolitik zu betreiben, wurden durch Erfolge kennen gezeichnet, es gab teilweise aber auch Misserfolge: Die Lage der Gesundheitswesen wurde im Vergleich mit der vorigen Periode wesentlich verbessert, von einem flächendeckenden Sanitätseinrichtungsnetz konnte es in dieser Epoche im Siebenbürgen nicht die Rede sein; Die Maßnahmen der Habsburger führen zur Verbesserung der Ernährung der Bevölkerung, das Problem bekam man aber nicht ganz im Griff; Die Missbrauchen der Armee und der Beamten aus den fürstlichen Domänen gegenüber der Bevölkerung wurden wesentlich eingeschränkt. Weniger erfolgreicher bleiben die Maßnahmen für die Beseitigung des Missbrauchen der Beamten aus den Territorien der drei ständischen Nationen gegenüber der Bevölkerung und insbesondere der Missbrauchen der Grundherren gegenüber ihrer untertänigen Bauern.

BUKOVINA AND THE “HUMDINGER PLAGUE” OF THE 19TH CENTURY: CHOLERA

Harieta MARECI-SABOL

“Stefan cel Mare” University of Suceava

harieta@atlas.usv.ro

Rezumat: Bucovina și „strașnica molimă” a secolului al XIX-lea: holera

Problematica dezastrelor naturale și a impactului acestora asupra populației Bucovinei poate reprezenta un câmp de cercetare atât pentru biologi, cât și pentru istorici, demografi și sociologi. Secolul al XIX-lea a reprezentat o perioadă mai puțin fastă în istoria provinciei care a cunoscut efectele nocive ale mai multor factori distructivi: de la condiții meteorologice ostile, la foamete și epidemii. Populația Bucovinei nu a fost ferită de marile valuri epidemice, măsurile de carantină dovedindu-se mai mult sau mai puțin eficiente în prevenirea răspândirii bolilor. Un mare număr de persoane, în majoritate adulți, au căzut victime holerei. Scopul articolului este acela de a ilustra impactul epidemiei – cunoscută drept “strașnica molimă” – asupra evoluției demografice și socio-culturale a provinciei.

Abstract: *The issue of natural disasters and their impact on the population of Bukovina may represent a field of research for biologists and historians, demographers and sociologists. The nineteenth century was less auspicious in the history of the province that has experienced many harmful effects of destructive factors: from hostile weather conditions, to famine and epidemics. Population of Bukovina was not spared by the great waves of epidemics, and the quarantine measures were more or less effective in preventing the spread of diseases. A large number of people, mostly adults, fell victim to cholera. The aim of the article is to illustrate the impact of the epidemic – known as the “Humdinger plague” – on demographic and socio-cultural evolution of the province.*

Résumé: La Bucovine et “la terrible maladie” du XX-ème siècle: le choléra

La problématique des catastrophes naturelles et de l'impacte de celles-ci sur la population de la Bucovine peut représenter un champ de recherche pour les biologistes, mais aussi pour les historiens, les spécialistes en démographie et les sociologues. Le XX-ème siècle représenta une période moins faste dans l'histoire de la province qui connut les effets nocifs de plusieurs facteurs destructifs: de conditions météorologiques hostiles aux famines et aux épidémies. La population de la Bucovine ne fut pas protégée par les grandes vagues épidémiques, les mesures de quarantaine prouvèrent plus ou moins efficaces dans la prévention du répandissement des maladies. Plusieurs personnes, en majorité des adultes,

tombèrent victimes du choléra. Le but de l'article ci-joint est d'illustrer l'impacte de l'épidémie – connue comme “la terrible maladie” – sur l'évolution démographique et socioculturelle de la province.

Keywords: cholera, Bukovina, population, behaviour, epidemic, statistics

Introduction

Described as invisible actors of history, perceptible only by their effects, the epidemics have played an important role in the evolution of human communities. From a demographic point of view, they affected the natural movement of the population (death, birth and marriage rate), causing an upheaval in both the number and population structure. From a historical perspective, the “great diseases” have changed individual and collective itineraries, creating new social attitudes and a specific mental climate.

The nineteenth century witnessed a series of major epidemics of influenza, typhus and typhoid fever. The smallpox and diphtheria, the most dismaying scourges of the eighteenth century, appeared to be “dispersed and isolated”, controllable in part because of the vaccination. But the cholera was “something outlandish, unknown, monstrous; its tremendous ravages, so long foreseen and feared, so little to be explained, its insidious march over whole continents, its apparent defiance of all the known and conventional precautions against the spread of epidemic disease, invested it with a mystery and a terror which thoroughly took hold of the public mind, and seemed to recall the memory of the great epidemics of the middle ages”¹.

Facing the disease. Historical preliminaries

Relapsing from India – the main endemic area – cholera was known in Europe during its five episodes of huge proportions, making the continent's population helpless in front of its aetiology. Severe and painful, the disease spread rapidly in communities lacking clean water supplies and sanitation. The acute symptoms of vomiting and severe abdominal cramps, followed by high or low-grade fever, dehydration, weak pulse and, ultimately, collapse by asphyxia, gave *cholera morbus* its fierce reputation. About cholera bacillus was said that

¹ William T. Gairdner, *Public health in relation to air and water*, Edinburgh, 1862, p. 15-16.

produces a toxin that paralyzes the circulatory system (hence the bluish-purple body's appearance of the patient).

The medical statistics estimate that about 50% of the infected people have no chance of survival². Unlike the plague which is transmitted only by a direct contact with the patient, the cholera spreads through fluids, by consuming contaminated food and water (bacillus preserving its vitality in water). Not coincidentally, an aquarelle from 1832 signed by Leopold Bucher and entitled “Allegory of the threat of cholera” presented Austria as a person who is kneeling on the coat of arms and looking pleadingly at the sky. Floating behind her there is the personification of cholera, with bat wings and a vessel that is emptying into the Danube.

Austria und die Cholera

(Aquarelle by Leopold Bucher, 1832,

in Österreichische Nationalbibliothek, Bildarchiv Austria, inv. no. Pk 500, 26)

² Vasile Tudor, Ioan Strati, *Variola. Holera* [Smallpox. Cholera], București, 1976, p. 88.

The precarious hygiene, the unsatisfactory supply, the stocking density, and the movement of the population were some other factors that have facilitated the extension of the epidemic. All the tragic consequences convinced the doctors, the officials and scientists to identify the disease mechanism and its underlying causes. However, only toward the end of the century, in 1883, Koch was to discover the *Vibrio cholerae* and, respectively, the anti-choleric vaccine.³

As the cholera's impact on human societies allows a historical overview on the characteristics of social responses to disease, the Romanian historians G. Brătescu and P. Cernovodeanu offered an analysis of the "epidemic's profile" recorded during the main crises in Romanian Principalities, based on data gathered from various sources. Several studies have also emphasized the demographic consequences, as well as the behavioural responses of Transylvania's inhabitants who were faced with the assault of this destructive disease. For Bukovina, the history of epidemics is still in its infancy. At the moment, such a research is geared to long-term and meticulous research, as the information is scattered through archives, journals, parish records, memories etc. Nevertheless, this information is important to complete the province's history, reflecting not only the health matters of Bukovina, but also the impact of disease on daily routine, family life and social relations.

"Cholera riot of 1831"

Since 1831, the "Humdinger plague" – as it was called by Emanoil Grigorovitza – has affected Bukovina's population, leaving an imprint in the collective mentality, quite strong if we consider the very popular expression "*May the cholera take you!*". In fact, cholera is chronologically linked by the nineteenth century, as one of the last major outbreaks with an important demographic effect. It inspired terrifying legends, tales and stories, capturing people's imagination in various apocalyptic scenarios.

Within the Imperial Bukovina, 5 major cholera epidemic episodes could be identified; the first one was recorded in 1831, after the disease spread quickly from Russia, Galicia and Romanian Principalities. Since 1830, the imperial authorities have imposed 20 days of quarantine for travellers and goods. Subsequently, the borders with the provinces of Transylvania and

³ Stefan Schild, Anne L. Bishop, Andrew Camilli, *Ins and Outs of Vibrio cholerae*, in "Microbe", vol.3, 2008, nr. 3, p. 131.

Moldova were closed, transforming Bukovina into a buffer zone between the Romanian Principalities and the rest of the Empire. According to Octavian Lupu, the quarantined persons could keep their bare necessities – clothing – but only after they had been disinfected. The suspected travellers had to do a warm bath, using dilute vinegar, and after some time spent in “special compartments of the hut” they could leave. If, however, the obvious signs of the disease appeared during those 20 days of quarantine, they had to repeat the usual treatment. The doctors were not allowed to touch the sick persons or their clothes; otherwise, they would have been “sentenced” to isolation⁴. Even so, in a special publication dedicated to the centennial anniversary of the establishment of the Gymnasium of Czernowitz, the author – Professor Romuald Wurzer – stated that in 1830, the disease shortened the school year and “thanks to Almighty God”, both the young students and teaching staff were spared⁵.

In 1831 cholera broke out violently in Bukovina settlements. In Istensegíts (Tîbeni) the priest Kolbay János was noting that between July 26 and August 29, 71 people lost their lives due to relentless disease⁶. The first victim was Miklós János, a 51 years old “homemaker”. The communal register indicated that on the 6th of August eight people were killed by cholera. One of the families in the community has lost the husband in July, and the wife and child in August. The Gergely family was decimated by cholera, and only one child – János – survived⁷.

Citing the oral tradition, Sántha Alajos writes that the persons “touched” by *cholera morbus* had suffered from spasms and fever, but were not allowed to consume liquids; even their “supervisors” forbade them to drink water. As “ten dead could be buried in a single day”, two people from Istensegíts were

⁴ Octavian Lupu, *Aspecte din Istoria medicinei in Bucovina sub dominatia habsburgica* [Aspects of the History of Medicine in Bukovina under Habsburg Domination], 1978, manuscript, Suceava County Library, Bucovina Fund, f. 27.

⁵ Romuald Wurzer, *K.K.I. Staatsgymnasium in Czernowitz. Festschrift zur Hundertjährigen Gedenkfeier der Gründung des Gymnasiums, 1808-16 Dezember-1908*, Czernowitz, 1909, p. 44.

⁶ László Gergely-Pál, *A Bukovinai Istensegíts és Fogadjisten* [Istensegíts and Fogadjisten of Bukovina], Deva, 2009, p. 31.

⁷ Sántha Alajos, *A Bukovinai magyarok története* [The History of Hungarians of Bukovina], Kolozsvár, 1942, pp. 66-67; Sebestyén Ádám, *A Bukovinai Székelység Tegnap és ma* [The Seklers of Bukovina Yesterday and Today], Szekszárd, 1989, p. 71.

continuously digging graves. The deceased were carrying to the so-called "graveyard of cholera" by an ox-cart. There were no priest or relatives to accompany the dead in the cemetery; it was forbidden. The dead were placed in graves and liming. On the street, many people could be seen in mourning or bareheaded. The same author mentioned that "one, who was coming from the priest, after he announced a death in the family, was meeting a person who was going to announce another death".

An unusual feature of this epidemic was that it mostly killed adults. This explains the necrology's lyrics written by Antalfi Gergely, the cantor of Istensegits parish: "In every house there is a sick person, / Many children were left orphaned / Because their parents has died"⁸. In the study of Dr. Nandris on the "epidemiological past" of the village Banila on Cheremush, in Storojinetz County, 18 adults died during the 1831 cholera pandemic. The "maximum lethality" occurred among persons aged 41–50 years, and less among the children, typically considered the most vulnerable⁹. One explanation may be the one that – according to researchers in medicine – the gastro-intestinal disorders creates a predisposition for this disease.

Obviously, the provincial and local authorities have imposed some restrictive health measures, such as the patient isolation in a lazaretto or a hut. Family and people who had come into contact with the contaminated person were also monitored. All citizens were required to pay attention to their own hygiene and housing, to be well dressed, and to be very careful about the meals. The indigestible foods, the unripe fruits and vegetables or the alcohol in excess were forbidden. In the absence of medicines, the rural world's healers used a brewage of thorn (*Xanthium Spinosum*), also called *holeră* (cholera). Children from the Bilca village wore an amulet around their neck made of a bond with pepper, garlic and brimstone¹⁰. Those who did not respond to the treatment and lost their lives were buried in a hurry, in cemeteries located outside the towns/villages. In addition, the villagers had to give up to charity and habits such as "last kisses".

⁸ Sántha Alajos, *A Bukovinai magyarok...*

⁹ Dr. Teodor Nandriș, *Din trecutul epidemiologic al comunei rurale Banila pe Ceremuș, jud. Storojineț (1814-1938)* [From the Epidemiological Past of the Village Banila on Ceremus, Storojinet county], in "Bucovina Medicală", nr. 3-4, 1943, p. 95.

¹⁰ Silvia Ciubotaru, *Folclorul medical din Moldova* [Medical Folklore in Moldavia], Iași, 2005, p. 173.

"The big killer disease of the mid-nineteenth"

The second great wave of cholera epidemic broke out in Bukovina in the summer of 1848. About this episode, historian R. F. Kaindl has noted in his book *Die Bukowina in den Jahren 1848 und 1849* the following: "Whether the situation in Bukovina could be called worrying because of the political events, it became desperate because of calamities that have befallen on the province: cholera, drought, crops destroyed by locusts"¹¹. In Ion Grămadă's sketch, the natural disasters have been listed in reverse chronological order: locusts, drought/famine, cholera. In the summer of 1848, large swarms of locusts were coming "along with the warm winds that blow from below" On that day, when the locusts arose "was a great heat, you could not walk barefoot on the road, for the dust was burning. Here, however, without warning, the sun became dark indeed, and people heard, through the air, crackles similar to the sound of a dry cane, trampled under foot; above, heavy clouds of locusts passed toward Siret, Prut and Dniester valleys, where they bit, with the ground, the last remnants of crops ... Because of drought – it has not rained for a long time - and locusts, a famine burst out. Especially in Northern Bukovina people ate, for months, polenta with acorns, ground and mixed with sawdust. As a drink, they drank boiled water with corncobs. For days, they roamed the plains, looking for sorrel, and in forests, for acorns"¹². In addition to all these misfortunes, "cholera come to destroy what was left of the famine" times¹³.

According to the same author, the terrible disease "blurted out first in Galicia, where it spread like lightning in Bukovina. The hot winds were carrying the disease germs all over the country"¹⁴. In the story of István Fazekas' grandmother, a Jewish traveling salesman was blamed for bringing cholera to the community. Coming from Czernowitz, he went around the village, "selling little things from door to door: needles, threads, coloured tape, peacock feathers, beads". In the evenings he returned to shopkeeper Herskowich's stable to sleep, but after three days he moved on to Andrásfalva or Istensegíts. Shortly,

¹¹ Raimund F. Kaindl, *Die Bukowina in den Jahren 1848 und 1849*, "Jubiläumsblatt der Czernowitzer Zeitung", 2/12/1898.

¹² Ion Grămadă, *De prin anii 1848 și 1849* [Through the 1848 and 1849], in *Din Bucovina de altădată. Schițe istorice* [From the former Bukovina. Historical Sketches], București, 1926, p. 62.

¹³ *Ibid.*, p. 64.

¹⁴ *Ibid.*, pp.64-65.

the shopkeeper's only daughter, fell ill and a few days later, the girl died. Even the salesman was found dead near the neighbouring village of Fratautz, and "the people took him for the importer of the infection"¹⁵.

It seems that one of the Bukovinian cities most affected by cholera was Suceava, where "one in every two persons died, even children". In his work about *Bukovina in 1848-1849*, Grămadă wrote: "the grave diggers walked through the town with their black carts, from house to house, asking if there are sick or dead in the family, to be removed from among the healthy members. To avoid contamination, some specific techniques were employed to avert the disease: the fumigation with beef manure or/and dried herbs, and the bucket with water, placed at the entrance of the house"¹⁶. The fumigation is also mentioned in the letter of Constantin Hurmuzaki addressed to his parents: "this is why I made a smokehouse for papers, and imposed quarantine in all villages. If the disease is not sticky, these will not hurt, but if it is sticky, they are useful"¹⁷.

The contagious nature of cholera has led some Moldavians to seek refuge in Bukovina. In his *Souvenirs*, George Sion recalled the image of a besieged Czernowitz, where "every night, the deceased were picked up by some carts approved by Police, and transported out of town to a place designed for the burial of those who died of cholera"¹⁸. Curiosity to see the cemetery had provided the eyewitness with a "tremendous and fierce scene! There were four holes. Each of them contained 20 to 25 bodies: men, women, young, old, children, all naked, tossed without any respect for their humanity, as the dirtiest garbage!" The city health service could not cope with the situation, as it is illustrated by the dialog between the author and the hotel's owner. He was "worried because of those passengers who have died in his hotel, attacked by cholera. Even yesterday – he added – a lady came from Moldova, and cholera hit her last night... - But, have you brought any doctor? – Here goes! Where can you find doctors? I have sent three times to Dr. X, and I could not find him anywhere!"¹⁹

¹⁵ István Fazekas, *Hetedíziglen: Bukovinai székely családi krónika* [To the Seventh Generation: Chronicle of Szekler Family in Bukovina], Kolozsvár, 2005, p. 48, apud H.F. van Drunen, *A sanguine bunch. Regional identification in Habsburg Bukovina, 1774-1919*, UvA-DARE, Amsterdam, 2013, p. 239.

¹⁶ Ion Grămadă, *De prin anii...*, p. 65.

¹⁷ Teodor Bălan, *Refugiații moldoveni în Bucovina 1821 și 1848* [Moldovan Refugees in Bukovina, 1821 and 1848], Cernăuți, 1929, p. 60.

¹⁸ Gheorghe Sion, *Souvenire contimporane* [Contemporary Souvenirs], București, 1888, p. 356.

¹⁹ *Ibid.*

Fear of contamination made the two heroes of the story, Sion and his comrade – Epureanu, to leave the town in a hurry, hoping to reach Cernauca by “a cart with a horse hitched to the drawbar, after the Galician manner”²⁰. Only that the ordinary conversation between the Jew cart-man and passengers increased the panic: “My companion asked the Jew about his daily earning. He said that since the cholera, he earns more, for carrying the dead to the cemetery and getting on each body 25 creițari (crowns) from *Magistrate* (City Hall). On this occasion, he said that he loaded 10-12 corpses; then he showed us the blood that bemired the cart’s crowbar. Then, my friend Epureanu began to roar asking to stop the cart, and jumping from it he shouted at me to come down quickly: for cart being caught [contaminated], we could find ourselves with cholera.”²¹ Unfortunately, the Moldavian refugees who spent several hours in a village quarantine – being fumigated with dung smoke “just like hams” – couldn’t escape the danger, because “after about ten days, cholera came in Cernauca”. Guests and hosts – Hurmuzaki family – decided to leave the domain and head “toward the Dorna Mountains”, from there some went to Vienna or Paris, and other (such as Sion and Carol Mikuli) to Lăpușna²².

The oral tradition and information from the article of Stefania Riedl Ruczkowski remind of Reichardt family drama. Coming from Bohemian Forest in Bukovina, in 1835, along with other 29 families, this family “was hit particularly hard, losing many of its members”²³. Even the immigrant couple, Christoph and Magdalena – the co-founders of village Bori – lost their lives during the cholera epidemic in 1848.

Beside memories mentioned above, the statistics show the size of the epidemic outbreak in 1848. During that summer, the Siret district was severely affected by cholera; in Vășcăuți village, 195 lost their lives²⁴. It is estimated that in just one month, the population of Siret decreased from 3,640 to 3,329 inhabitants, the city losing one in four people infected with *Vibrio cholerae*. In a note inserted in the pages of the oldest regional Australian newspaper “The Maitland Mercury & Hunter River General Advertiser” (obviously, the

²⁰ *Ibid.* p. 360.

²¹ *Ibid.*, pp. 360-361.

²² *Ibid.*, p. 361.

²³ Sophie A. Welisch, *The Long Journey*, “The Bukovina Society of Americas Newsletter”, Vol. 17, No 3, September 2007, p. 3.

²⁴ Franz Pieszczocho, Carmen Liliana Costiuc, *Vășcăuți pe Siret* [Vascautzi on Sereth River], Suceava, 2009, p. 42.

information had been taken from other sources, similar reference being found in the Irish newspaper "*Cork Harbour examiner*") it is mentioned that, according to the official medical reports, from the 18th to the 20th August 1848, "115 new cases have occurred, while of the 123 under treatment, 72 recovered, 11 died, and 42 ere still under treatment. At Czernowitz there have been 25 cases, 8 died, only one recovered, and 17 are still under treatment. In very many other towns, the cholera has appeared, and is carrying off numerous victims"²⁵. According to Christian Geier chronology, in Czernowitz, nearly 1,200 inhabitants of almost 20,000 lost their lives during the 1848 pandemic²⁶.

The next epidemic assault occurred in Bukovina in 1853, but the information is poorer compared to that of 1848. It is known, however, that outbreaks of cholera recorded in the autumn of 1853 in Galicia – as "*Gazeta de Moldavia*" announced, citing a newspaper from Lvov²⁷ – favoured the spread of plague in Bukovina, at Sadagura, Cuciurman (probably Cuciurul Mare) and Costăpa (probably Costâna), near Suceava. This time, the Austrian authorities have identified the origin of the disease in the "major dietary mistakes"²⁸.

1866 Pandemic Cholera

The epidemic episodes of 1865-1866 were more dramatic; then, the pandemic spread from the ports at Danube to Fălticeni and Dorohoi, passing the "Cordun" to Bukovina²⁹. In 1865, for example, a new cemetery was consecrated at Istensegits, under the "Kopacz hill", called later "the graveyard of those with cholera"³⁰. Citing the Presl's statistics, Friedrich Prinzing wrote that 11,656 of 522,481 inhabitants of Bukovina, at 31 December 1866, had died from cholera. Bukovina itself was considered by Weichselbaum as a "gateway" for the "killing disease", soldiers carrying it with them to the western provinces of the Austrian Empire³¹.

²⁵ "*The Maitland Mercury and Hunter River General Advertiser*", Wednesday, 20 December 1848, p. 3.

²⁶ Christian Geier, *Die Bukowina und die Buchenlanddeutschen mit Beginn der österreichischen Zeit-Eine Chronologie*, <http://www.bukowinafreunde.de/geschichte.html>

²⁷ Gheorghe Brătescu, Paul Cernovodeanu, *Biciul holerei pe pământ românesc* [Cholera's Scourge on Romanian Terrain], București, 2002, p. 193.

²⁸ *Ibid.*, p. 192.

²⁹ *Ibid.*, p. 241.

³⁰ László Gergely Pál, *A Bukovinai ...*, p. 33.

³¹ Fr. C. Presl, *Die öffentliche Gesundheitspflege in Österreich seit dem Jahre 1848*. Statist.

In Mitocul Dragomirnei, the cholera epidemic of 1866 claimed 12 victims, causing panic and fear among locals³²; in Ilisesti were affected both villagers and Russian soldiers from an army, marching toward Hungary; the bodies were buried between the garden of Forgaci and that of Sauer³³. Of approximately 34,000 inhabitants of Czernowitz, 1,182 died in 1866 from cholera. In his work, Grigorovitza remembered that in the province's capital, all schools have their classes suspended "from Pentecost until the end of June"³⁴, while in the city "scary things" were happening: "The carts, filled with dead bodies were passing through the hospital's gates, heading to an empty place, where today stands the government palace [...] father Leon Popescu getting out of his cottage [...] with the stole around his neck and the cross in his hand, was saying a quick prayer, sprinkling the deceased with holy water". Shortly after that, carts hurried to the cemetery³⁵.

Like in the Sion's *Souvenire*, Grigorovitza described the sinister rite practiced by grave diggers, those who, in a common grave, "quickly threw men, women, one above the other, inwards, as a layer. Then, from some large cauldrons, they poured boiling lime over the bodies, until no more black faces, nor shaggy hair of dead could be seen. And there was another row of bodies and another layer of lime. On witness cheeks, as well as on the grave-diggers' could not be seen an evidence of pity or sorrow. It seemed that everyone was accustomed to death and anyone was expecting its turn..."³⁶ It is interesting to observe that, while some funerals were done in a hurry, keeping the rules established by the imperial officials, the wealthy persons, such as Ilincu, arranged large public funeral services. Their family and friends of the deceased ignored the danger of contamination, and the "absence of someone from neighbours would have been the biggest shame"³⁷. So, nobody believed that

Monatsschrift, 1898, vol. III, p. 392, apud Friedrich Prinzing, *Epidemics resulting from wars*, Oxford, 1916, p. 186.

³² Ion Ignat, Elena Lazarovici, *Mitocul Dragomirnei. Satul de lângă "Cordun"* [Mitocul Dragomirnei. The Village near to "Cordun"], Botoșani, 2006, p. 202.

³³ Loredana-Mihaela Chindiș, *Cronica lui Dressler* [The Chronicle of Dressler], Ilisesti, 2009, p. 15.

³⁴ Emanoil Grigorovitza, *Duduea Pulheria* [The Young Lady Pulheria], in *Chipuri și graiuri din Bucovina* [Faces and idioms of Bukovina], București, 1905, p. 17.

³⁵ Idem, *Pe malul Prutului* [On the bank of Pruth River], in *Cum a fost odată. Schițe din Bucovina* [From the former Bukovina. Historical Sketches], București, 1911, p. 88.

³⁶ *Ibid.*, pp. 88-89.

³⁷ *Ibid.*, p. 90.

could catch the “humdinger and inextricable disease that lurked those who were accompanying the dead to the cemetery, as well as those who were returning from there”³⁸.

As far as the treatment, the same author mentioned the “Russian doctors” or “malaburnicii” – some “clothing sellers from Russian Nouasulita” – who were trying to heal the sick persons by “rubbing their naked bodies. Many were healed in this way; especially the Jews paid fifty coins (*sorocoveți*), if the patient gets out alive”. Obviously, such a therapy was not always successful, as happened in the case of “poor old man” who died, although being “rubbed (...) until the skin was removed completely of his body”³⁹. In Măneuți (Andrásfalva) village, “in vain, they chose two people to give a massage to those affected by spasms, in vain they gave them salty garlic salt to eat; cholera took with it many un-lived lives”⁴⁰. In the case of Grigorovitz’s grandmother – touched by the deadly disease immediately after her returning from the neighbour’s funeral – the family didn’t call the Russian healers (*malaburnicii*), but “all the physicians in town”, who “rescued the poor old woman from certain death”⁴¹.

According to the same source, in Czernowitz, in 1866 a new graveyard was opened “because of increasing numbers of deceased”. Out of town, “in a distant place, at night, all that could be seen were the fierce redness of the torches, fidgeting on the black sky”⁴². A similar situation is recorded in Mitocul Dragomirnei, where the dead of cholera were buried “in a separate cemetery, outside the village. Today the place is not precisely known, although it was marked by the *Cholera Cross*”⁴³. Even if in Dornești the number of victims was not as high as in other villages or towns, the tradition recalls the “Cholera Graveyard”. Later on, that site was ploughed, but the locals keep its memory alive⁴⁴.

The Cholera Epidemics of 1890’s

In the fifth cholera pandemic (1881–1896), the 1892–1895 part of the epidemic costs more lives in Bukovina. Starting with 1892, “Gazeta Bucovinei”

³⁸ *Ibid.*, p. 89.

³⁹ *Ibid.*, p. 90.

⁴⁰ Sebestyén Ádám, *A Bukovinai Székelység...*, p. 71.

⁴¹ Emanoil Grigorovitz, *Pe malul Prutului...*, p. 90.

⁴² *Ibid.*, pp. 90-91.

⁴³ Ion Ignat, Elena Lazarovici, *Mitocul Dragomirnei...*, p. 248.

⁴⁴ Sántha Alajos, *A Bukovinai magyarok...*

warned that the “destructive and deadly enemy, Asiatic cholera” was coming “from Russia”, threatening both the “country and kingdom”. In the first instance, the solution for preventing the disease from being spread was the establishment of quarantine⁴⁵. Nevertheless, in his *Treaty of public hygiene and health police*, Dr. Iacob Felix mentioned that: “while at the Conference of the International Health, in Constantinople, in 1866, the quarantines have been considered as primary prophylactic measures, at the Conference in Vienna in 1874, the simple health observation equalized the quarantine, and at the conference in Rome in 1885, the health observation became more important than the quarantine”⁴⁶.

However, the quarantine establishment was considered not just a social imperative, but also a civic and political duty: “From the Eastern edge of the kingdom, we are called and ought, in the first line, to protect us from this enemy, to stop and reject it to exempt the people of the country and monarchy. The Government and autonomous dignities have staged all those measures which give us the results of scientific research and experiments that have been made to forbid the entrance, contamination and extension of the epidemic and to combat and eradicate it”⁴⁷.

Although in his study, for 1893, Dr. Iacob Felix declared that “no cases of cholera have been announced in Bukovina”⁴⁸, in August, the disease “occurred in Herța and in other four villages in the vicinity of town, imported from Bukovina”; some infected persons from the “contaminated village Hliboca” have crossed frontiers between pickets, stealthily, by night⁴⁹. Despite the fact that provincial authorities had not established the quarantine or “the health inspection for travellers coming from Galitia”⁵⁰, the Romanian state closed the “Austrian-Hungarian border entry point, from Mamornița to Vârciorova, excepting the health inspection and disinfection resorts from Mamornița, Michăileni, Burdujeni, Predeal, Vârciorova”⁵¹.

⁴⁵ Gheorghe Brătescu, Paul Cernovodeanu, *Biciul holerei...*, p. 266.

⁴⁶ Iacob Felix, *Tratat de igienă publică și poliție sanitară* [Treaty of Public Hygiene and Health Police], II, București, 1889, p. 220.

⁴⁷ “Gazeta Bucovinei”, Cernăuți, an. II, nr. 60, Iulie 1892.

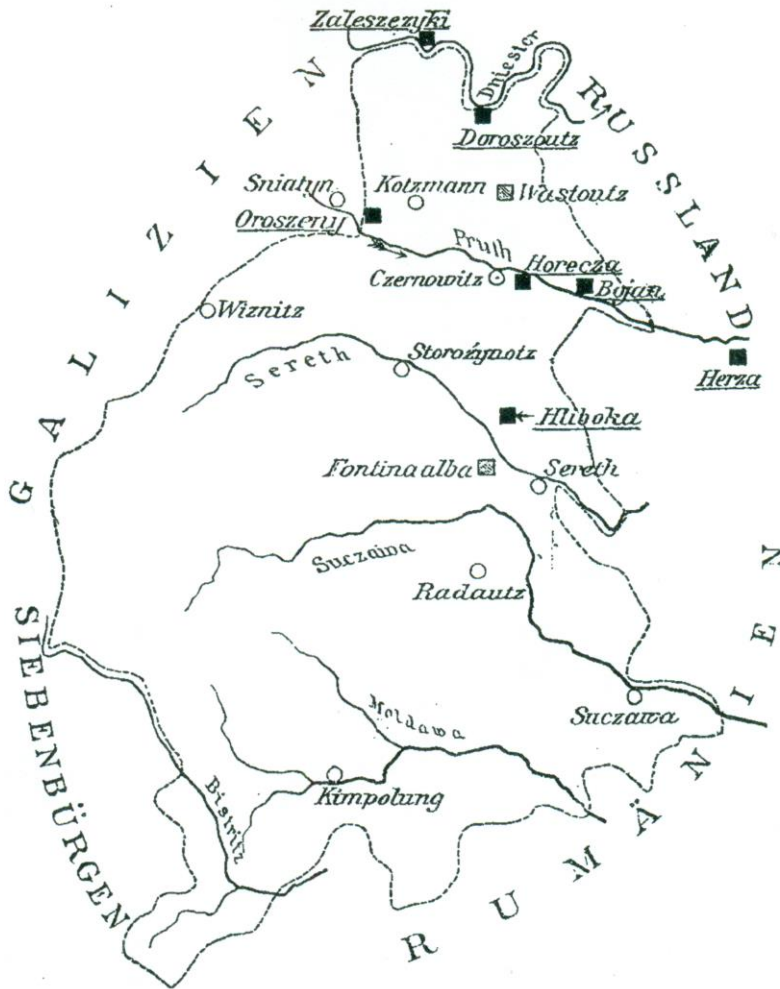
⁴⁸ Iacob Felix, *Tratat de igienă...*, p. 310.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 316.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 313

⁵¹ *Ibid.*, p. 315.

Herzogthum Bukowina.

- Orte mit Fällen von constatirter Cholera asiatica.
- ✱ Orte mit von aussen eingeschleppten Fällen von Cholera.
- Orte mit choleraverdächtigen Todesfällen, in welchen Cholera nicht constatirt wurde.

According to the map of Basil Kluczenko and Ludwig Kamen⁵², in 1893, the Bukovina's settlements affected by cholera have been divided into three categories: 1) localities where cholera was found (Herța, Boian, Horecea, Orăseni, and Dorosăuți); 2) localities where cholera was brought from outside the settlements (Hliboca); 3) localities where cholera was not reported, but some causes of death being marked as *cholera* (Fântâna Albă). The sanitary authorities have concluded that they are dealing with "an ambulatory cholera", and its transmission does not attract the attention of doctors in charge of epidemiological surveillance of the territory. It was emphasized the role of drinking water, as a vehicle of germs, and it was decided that the transport infection occurred through food, shoes or contaminated laundry and even through dirty hands⁵³. Some editors sought medical glory by publishing papers on alleged therapies. In the *Calendar for year 1884*, published by Calistrat Coca, it was recommended, as a miracle-remedy, a powder made from the boiled crayfish eyes⁵⁴. In addition, the famous "water cure" of the Viennese professor Winternitz has mainly consisted of "water drinking, two or three spoonfuls of soup every two to three minutes, application of wet compresses and rubbing with a bed sheet, soaked in cold water"⁵⁵.

Obviously, after 1900 (especially during First World War) a number of cases of cholera were reported in Bukovina's villages. However, the measures of "health observation", of improvement and prevention started to show their positive effects and benefits.

Conclusions

Beyond the demographic component dictated by the terrible disease, cholera has generated new attitudes and behavioural reactions, reflecting sensitivities and specific mentalities, and attitudes, which were taken by posterity through oral history, legends, toponyms etc. The fear of sickness, the panic caused by epidemic, as well as all the changes in medical area contributed to the development of an internal/provincial level of discipline.

⁵² Dr. Basil Kluczenko, Dr. Ludwig Kamen, *Die Cholera in der Bukowina im Jahre 1893*, in "Zeitschrift für Hygiene und Infektionskrankheiten", 1894, vol. 16, nr. 1, p. 483.

⁵³ Gheorghe Brătescu, Paul Cernovodeanu, *Biciul holerei...*, p. 2.

⁵⁴ *Unele leacuri populare* [Some folk remedies], in "Călimdăriul pe anul ordinariu 1884", Cernăuți, an XI, 1884, p. XXXVII.

⁵⁵ Gheorghe Brătescu, Paul Cernovodeanu, *Biciul holerei...*, p. 278.

The measures against cholera, used by Austrian Empire to implement the sanitary regulations and to prevent the spread of epidemic, led to organizing a better control over Bukovina. By the end of the century, the health policy becomes an embodiment of the provincial authorities' agenda. While the Austrian Court played the role of initiators, "constructors" and supervisors of health policy in Bukovina, the local elite had to shape and adapt it to the local realities, affecting, more or less, some of the aspects of private life.

РЕПРЕССИИ АВСТРИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ ПРОТИВ МОСКВОФИЛОВ БУКОВИНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

RETALIATIONS OF AUSTRIAN AUTHORITIES AGAINST MOSCOWPHILES IN BUKOVINA DURING THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

Виталий ГАЙСЕНЮК

Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича
vit.hajs@gmail.com

Rezumat: Represaliile autorităților austriece împotriva moscofililor din Bucovina în anii Primului Război Mondial

În articol sunt analizate măsurile represive ale administrației austro-ungare împotriva curentului filorus din Bucovina în anii 1914–1918. Autorul scoate în evidență faptul că represaliile autorităților au fost orientate nu doar împotriva moscofililor, ci au afectat întreaga populație ucraineană a provinciei, catalogată în totalitate, practic, drept filorusă. În opinia autorului, anii Primului Război Mondial au constituit o adevărată tragedie pentru ucrainenii din Bucovina.

Abstract: Retaliations of Austrian authorities against moscowphiles in Bukovina during the years of the First World War

The paper analyzes the repressive measures taken by Austro-Hungarian administration against the russophile current in Bukovina during 1914-1918. The author points out that retaliations of authorities were directed not only against moscowphiles, but also affected the entire Ukrainian population of the province, fully cataloged as practically russo-phile. According to the author, the years of the First World War represented a real tragedy for the Ukrainians in Bucovina.

Résumé: Les représailles des autorités autrichiennes contre les moscouphiles de Bucovine les années de la Première Guerre Mondiale

On analyse dans l'article ci-joint les mesures répressives de l'administration autrichienne hongroise contre le courant russophile de la Bucovine des années 1914–1918. L'auteur y souligne que les représailles des autorités furent orientées pas seulement contre les moscouphiles, mais affectèrent la population ukrainienne toute entière de la province, qu'on catalogua pratiquement en totalité comme russophile. Selon l'auteur, les années de la

Première Guerre Mondiale constituèrent une véritable tragédie pour les Ukrainiens de la Bucovine.

Keywords: *Moscowphile, Gerovskyi brothers, D. Kisel-Kiselivskyi, gendarmes, Talerhof*

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важных аспектов истории Буковины времен Первой мировой войны стали репрессии австрийской власти против руководителей и рядовых членов москвофильского движения. Они стали апогеем внутригосударственной конфронтации между австрийскими властями и пророссийски настроенными подданными.

Целью статьи является выяснение отношения гражданских властей и военного командования Австро-Венгрии к представителям пророссийского движения Буковины во время Первой мировой войны. Новизна статьи состоит в попытке обобщенного исследования особенностей австрийских репрессий на Буковине. Исходя из этого, мы поставили перед собой следующие задачи:

- 1) Рассмотреть официальные документы австрийских властей, касающиеся реакции на буковинское москвофильство накануне и в годы войны;
- 2) Выяснить уровень репрессий, направленных на пророссийское движение на Буковине;
- 3) Проанализировать целесообразность уровня австро-венгерского террора с точки зрения законов военного времени.

В историографии тема исследована достаточно – как в украинской, так и в российской, меньше в западной. Тем не менее, большинство историков сосредоточили свое внимание на аналогичных процессах в Галиции. Однако, основательные научные работы А. Добржанского¹ и В. Заполовского², а также статьи А. Машкина³, А. Мазура, А. Сухого⁴,

¹ Олександр Добржанський, *Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст.* [National movement of Ukrainians of Bukovyna in the second half of XIX - beginning of the XX century], Чернівці, 1999, 574 с.

² Володимир Заполовський, *Буковина в останній війні Австро-Угорщини, 1914-1918* [Bukovyna in the last war of Austro-Hungary, 1914-1918], Чернівці, Золоті литаври, 2003, 284 с.

³ Олександр Машкін, *Відношення урядових кіл Австро-Угорщини до москвофілів Галичини, Буковини та Закарпаття в роки Першої світової війни* [The attitude of the

И. Береста⁵ и др. позволяют нам достаточно хорошо рассмотреть данный вопрос. Труд современного черновицкого историка А. Добржанского «Национальное движение украинцев Буковины второй половины XIX - начала XX в.» является основательным, базированном на источниках и обобщенным исследованием, в котором, среди прочего, затрагивается и данная тематика, однако автор охватывает хронологические рамки только до 1914 года. Напротив, статья О. Машкина «Отношение правительственных кругов Австро-Венгрии к москвофилам Галиции, Буковины и Закарпатья в годы Первой мировой войны» рассматривает репрессии против москвофильства именно в годы войны на территории всех западноукраинских земель. Автор справедливо подчеркивает, что венские власти так и не научились считать западных украинцев «своими» с точки зрения внутреннего равноправия, однако, непонятно, чью позицию он считает исторически оправданной – австро-венгерское стремление очиститься от внутренней оппозиции или идеологию «русского мира».

Проблеме взаимоотношений австрийской власти и национальных движений в двуединой империи посвятил свое исследование румынский историк Теодор Балан⁶. Его работа имеет скорее описательный характер, так как по большей части содержит данные о репрессиях против конкретных лиц, аналитика присутствует меньше. Но автор задается вопросом: существовали ли юридические мотивы для наказания австрийских жандармов за преступления против собственных граждан? Он же формулирует ответ: в тех условиях – конечно же, нет.

government circles of Austro-Hungary towards Russophiles in Galicia, Bukovyna and Transcarpathia in the World war I] in «Русин» [«Rusin»], 2008, № 3-4, с. 58-68.

⁴ Олег Мазур, Олексій Сухий, *Українське населення Галичини на початку Першої світової війни: репресивні акції австрійської влади* [The Ukrainian population of Galicia at the beginning of the World war I: the repressive actions of the Austrian government] in «Вісник Національного університету "Львівська політехніка"» [«Bulletin of National university Lviv Polytechnic»], 2000, № 3, с. 73-78.

⁵ Ігор Берест, *Репресивні акції щодо населення Східної Галичини в роки Першої світової війни* [Repressive actions concerning the population of Eastern Galicia in the years of World War I] in «Держава та армія: Вісник національного університету "Львівська політехніка"» [«The state and the army: Bulletin of national University "Lviv Polytechnic"»], Львів, 2007, № 584, с. 52-57.

⁶ Teodor Balan, *Suprimarea mișcărilor naționale din Bucovina pe timpul războiului mondial, 1914-1918* [Suppression of national movements in Bukovyna during the World War I, 1914-1918], Cernăuți, 1923, 216 p.

Исследуемая проблема детально представлена в разного рода источниках, в частности в мемуарах и документах военного времени, собранных в сборниках документов⁷. Здесь следует упомянуть о четырех томах «Талергофского альманаха», где приводятся свидетельства о массовых казнях, депортациях, физических и моральных пытках украинцев⁸. Богатый документальный материал содержится также в Государственном архиве Черновицкой области, особенно в том, что касается слежки за пророссийскими активистами⁹ и привлечении буковинцев к уголовной ответственности за

⁷ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажаємо до України! Змагання за українську державність на Буковині у спогадах очевидців, 1914-1921 рр.* [We wish to Ukraine! The struggle for Ukrainian statehood in Bukovyna in the memories of witnesses, 1914-1921], Одеса, Маяк, 2008, 1168 с.; Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Змагання за українську державність на Буковині (1914-1921 рр.). Документи і матеріали* [The struggle for Ukrainian statehood in Bukovyna (1914-1921). Documents and materials], Чернівці, Чернівецька обласна друкарня, 2009, 512 с.; Василь Ботушанський, *Буковина в роки Першої світової війни 1914-1918 рр. Документи* [Bukovyna during the World war I 1914-1918. Documents], Чернівці, Технодрук, 2014, 356 с.

⁸ *Талергофський альманах. Пропамятна книга австрійських жестокостей, изуверствъ и насилій надъ карпато-руськимъ народомъ во время всемірної війни 1914-1917 гг.* [Talergofian almanac. The pro-memorable book of the Austrian cruelty, fanaticisms and violence over the karpato-Russian people during the World war I, 1914-1917]. Выпуск первый: *Терроръ въ Галичинъ въ первый періодъ войны 1914-1915 гг.* [Terror in Galicia during the first period of war in 1914-1915], Львовъ, Изданіе «Талергофскаго Комитета», 1924, 209 с.; *Талергофський альманах*, Выпуск второй: *Терроръ въ Галичинъ. Терроръ в Буковинъ. Отзвуки печати. Терезинъ, Гминдъ, Гнасъ и др. Беллетристика* [Terror in Galicia. Terror in Bukovyna. Press echoes. Terezin, Gmind, Gnass, etc. Fiction], Львовъ, Изданіе «Талергофскаго Комитета», 1925, 154 с.; *Талергофський альманах*, Выпуск третий: *Талергофъ* [Talergof]. Часть первая, Львовъ, Изданіе «Талергофскаго Комитета», 1930, 160 с.; *Талергофський альманах*, Выпуск четвертый. *Талергофъ* [Talergof]. Часть вторая, Львовъ, Изданіе "Талергофскаго Комитета", 1932, 162 с.

⁹ *Справа про спостереження за мешканцем м. Чернівці Геровським Олексієм та іншими, підозрюваними в русофільській діяльності, 1913-1914* [Case of supervision over Chernivtsi's resident Oleksii Herovsky and other suspects of rusofilian activity, 1913-1914], Державний архів Чернівецької області (ДАЧО), ф. 10 сг, оп. 1, спр. 1113, 36 арк.; *Справа про розслідування анонімного донесення на колишнього російського підданого, музиканта Лешинського Альтера, звинуваченого у шпигунстві на користь Росії, 1914* [Case of investigation of the anonymous report on the former Russian citizen, the musician Leshinsky Alter accused of espionage in favor of Russia, 1914], ДАЧО, ф. 10 сг, оп. 1, спр. 1097, 4 арк.; *Листування з Президією дирекції поліції Австро-Угорщини*

помощь российской армии¹⁰ (в сносках указаны примеры дел; их намного больше – авт.).

ДАВЛЕНИЕ АВСТРИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НА МОСКВОФИЛОВ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Еще с первой половины XIX в. в Закарпатье, Галиции и Буковине начало развиваться движение за «воссоединение» с культурным миром бывшей Киевской Руси, которая на том этапе была представлена Российской империей вместе с большей частью украинских земель. Исследователи называют это явление русофильством, равно как и москвофильством (старый термин). Но уже к концу века движение стало более радикальным и приобрело политический характер. Буковинское москвофильство, хотя и схожее с галицким по структуре, развитию и идеологии, все же имело собственную специфику, связанную с отдельным от Галиции существованием Буковины в составе Австро-Венгрии, социальной структурой населения и преобладанием православия.

Австро-Венгерская империя являлась сложным конгломератом разных народов – австрийцев, венгров, чехов, поляков, украинцев, итальянцев, румын, немцев и др. Большинство из них жили компактными группами, что способствовало развитию национальных движений и усилению центробежных тенденций. Поэтому в таких условиях австрийские власти сдерживали целостность государства, противопоставляя одни народы, проживающие в определенном регионе, другим. Так было и с украинцами. «Обнаружив» их в своем государстве в конце XVIII века, австрийцы позволяли умеренное культурное и политическое развитие украинского народа

про встановлення нагляду і перевірку жителя Кравчука Стефана, підозрюваного у зв'язках з росіянами, 1917 [Correspondence with Presidium of management of police of Austro-Hungary about establishment of supervision and check of the inhabitant Kravchuk Stephane suspected of collaboration with Russians, 1917], ДАЧО, ф. 10 ср, оп. 1, спр. 1275, 8 арк.

¹⁰ *Листування з Прокуратурою в м. Чернівці про притягнення до кримінальної відповідальності мешканки Атез Розалії, підозрюваної в переховуванні російських військовополонених та діях, спрямованих проти австрійської держави, 1917* [Correspondence with Prosecutor's office of the city of Chernivtsi about criminal prosecution of inhabitant Ates Rosalia suspected of concealment of the Russian prisoners of war and actions directed against the Austrian state, 1917], ДАЧО, ф. 10 ср, оп. 1, спр. 1889, 3 арк.

в Галиции, с целью сдержать стремление к автономии более развитых в политическом плане поляков. Но когда появилось русофильское движение, власти начали видеть в нем внутреннюю угрозу, особенно в связи с постепенным обострением отношений с Россией.

Русофильское/москвофильское движение на Буковине можно считать либо частью украинского национального движения, направленного на поиски идентичности, либо, что более логично, деструктивным анти-украинским движением, имеющим целью уничтожение любых проявлений обособленности украинцев от россиян. Действия москвофилов во время российских оккупаций Буковины и даже задолго до нее были более агрессивными в плане насаждения «русского мира», чем даже политика самих российских оккупационных властей. Общественные организации, читальни, образовательные заведения, отдельные влиятельные лица-москвофилы в своей деятельности пытались насадить русинам (украинцам) российскую историческую память, воспитать новое поколение буковинцев как российских интеллигентов.

Русофильское движение было поддержано Россией, в том числе деньгами. Российская империя намеревалась присоединить в свой состав земли, на которых проживали украинцы, основываясь на их принадлежности Киевской Руси, на необъективных и, может быть, даже наивных убеждениях, что там живет часть русского народа. Поэтому активное денежное финансирование пророссийских организаций и деятелей на Буковине стало обычным делом, также, как и шпионская деятельность. К этому стоит еще добавить, что присоединение новых земель должно было усилить влияние России на международной арене и ослабить Австро-Венгрию. Поэтому, в начале XX в., деятельность москвофилов, активно поддерживаемая извне, стала не только все меньше вписываться в параметры лояльности к австрийским властям, а более того, стала проявляться в открытых призывах к присоединению «Прикарпатской Руси» к Российской империи. Естественно, австрийцы, которые в условиях обострения международной обстановки пытались удержать стабильность в стране, не могли не отреагировать.

Еще накануне войны, под влиянием возросших противоречий с Россией вследствие боснийского кризиса, австро-венгерские власти предприняли меры по ликвидации москвофильского движения. Например, весной 1914 г. власти арестовали 54 человека, обвиненных в подстрекательстве против австрийской администрации. Их «вдохновителя», православного

монаха Алексея Кабалука, присудили к 4 годам тюрьмы¹¹. Одним из «эффективных» средств борьбы стало обвинение в шпионаже. С 1909 г. начинается волна арестов на Буковине, которая стала постепенно усиливаться. Безосновательно обвинив в государственной измене и политической деятельности, направленной против правительства, власти закрыли большинство москвофильских организаций Буковины: «Общество русских женщин», «Карпаты», «Русско-православный народный дом», «Русско-православный детский приют», «Русско-православную читальню», «Русскую дружину», а также русские бursy в Черновцах и Серете. Однако несколько москвофильских организаций («Народная рада» и «Русский клуб») продолжили свою деятельность. За главными москвофилами Буковины – братьями Алексеем и Георгием Геровскими – была установлена слежка¹².

Гонениям подверглось и издательское дело. Из 100 номеров газеты «Русская правда», выпущенных с октября 1910 г. по август 1912 г., 16 было конфисковано. За первых полтора года газета пережила 11 судебных процессов. В 1913 г. конфисковали 36 номеров газеты. 5 января 1914 г. у братьев Геровских и в редакции «Русской правды» был произведен обыск и осуществлены аресты по обвинению в идейном руководстве над крестьянами, проходящими по Мармарош-Сигетскому процессу против москвофилов, контактах с графом В. Бобринским (меценатом москвофильства) и проведении антиавстрийской пропаганды. Хотя, позже, после судебного процесса, газета была официально разрешена, но подлежала австрийской цензуре.

По свидетельству украинского историка М. Грушевского, в 1860-70-х гг. на Буковине «в руках москвофилов находились все национальные организации»¹³. То есть, до войны почва москвофильства была сформирована. В то же время, современники в начале XX в. утверждают, что население Буковины в основном оставалось лояльным к своему государству и не спешило проявлять симпатии к российской оккупационной власти¹⁴. Современник И. Карбулицкий вообще утверждал, что «буковинское насе-

¹¹ Teodor Balan, *op. cit.*, p. 35.

¹² Листування з Вижницьким жандармським управлінням про встановлення поліцейського нагляду за русофілом Геровським Олексієм та іншими, що розповсюджують газету «Русская правда», 1914 [Correspondence with Vyzhnytsia's gendarme management about establishment of police surveillance for the Russophile Oleksii Herovsky and others, distributing the newspaper «Russkaya Pravda», 1914], ДАЧО, ф. 104 г, оп. 1, од. 1098, арк. 1.

¹³ Сергей Суляк, *Терезин и Талергоф: забытый геноцид* [Terezin and Talergof: the forgotten genocide] in «Русин» [«Rusin»], 2008, № 3-4, с. 70.

¹⁴ Володимир Заполовський, *op. cit.*, p. 184.

ния было все без исключения лояльным [власти] перед началом войны». По его словам, «даже русофильские тенденции, которые можно было наблюдать среди очень малой части украинского крестьянского населения и среди нескольких интеллигентов, ограничивались лишь в культурно-языковой сфере, политически истожились в борьбе с украинцами и никогда не проявляли себя предательскими действиями или через военный шпионаж против Австрии»¹⁵. После ареста братьев Геровских, утверждает историк А. Добржанский, москвофильская жизнь на Буковине замерла. Он также признает, что австрийское правительство стремилось любыми средствами подавить «москвофилов»¹⁶.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ МОСКВОФИЛОВ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

С началом Первой мировой войны у австрийской власти появились более веские основания к преследованию москвофильства. В середине категории интеллигенции в первую очередь обратили внимание на православное духовенство Буковины (считалось, что часть его поддерживала русофилов). Это было связано с тем, что 19 сентября 1914 г. митрополит Буковины В. Репта распорядился, чтобы во время литургий в православных церквях были произнесены молитвы за российскую императорскую семью и победу российских войск¹⁷. В начале августа арестовали священников К. Богатырца, Д. Кисель-Киселивского, С. Волощука, Д. Дробота, А. Маковиевича, Е. Козака, К. Томовича и многих других, из интеллигенции - Е. Гакмана, К. Могильницкого, учителей и преподавателей, адвокатов, студентов богословия¹⁸. Священник С. Маланчук из Каменной Сторожинецкого уезда был обвинен в том, что в сентябре 1914 г. сказал крестьянину И. Цуркану: «Ми принадлежим к Росии. Австрийский император по сравнению с российским царем – как лягушка и конь, и нам не надо императора. Нужно благодарить Бога, что россияне здесь». Началось расследование, на протяжении которого подсудимый пребывал в казарме, но позднее был освобожден из-за отсутствия доказательств¹⁹.

¹⁵ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажаємо до України...*, с. 636.

¹⁶ Олександр Добржанський, *op. cit.*, р. 406, 404-405, 408-409.

¹⁷ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Змагання за українську державність на Буковині...*, с. 24.

¹⁸ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажаємо до України...*, с. 628.

¹⁹ Teodor Balan, *op. cit.*, р. 75.

В конце августа в Станиславе (Ивано-Франковск) была произведена сортировка арестованных на группы очень опасных, менее опасных и безопасных «русофилов» - арестованных на основании доносов и без них²⁰. В течение 29, 30 и 31 августа нас продержали целыми днями во дворе, непрерывно сортируя на какие-то группы А, В и С», - писал арестованный москвофильский священник Д. Кисель-Киселивский²¹. Репрессии приобрели массовый характер в сельской местности, чему способствовало распоряжение военного командования. Более 70% заключенных составляли простые крестьяне, которые были далеки от каких-либо политических убеждений. «Эти случаи [шпионажа] вполне вероятно не касались галицких и буковинских крестьян, которые так же разбирались в военных делах, как баран в звездах»²², - писал в воспоминаниях уже упомянутый И. Карбулицкий. Приказ обер-лейтенанта Гагауера офицерам штаба, командирам и всем местным командам жандармерии от 16 августа 1914 г. призывал освободиться от всевозможных юридических сомнений: «В настоящее время существует только одна правда - интересы государства, и этому необходимо помочь всеми средствами, несмотря на то соответствует ли это законам правовым мудрствованиям или нет! Существует только одна ответственность, а именно: ответственность за безопасность государства и армии»²³.

В приказе Гагауера жандармам от 20 августа 1914 г. требовалось ввести такие репрессивные меры: «...При малейшем признаке поддержки врага действовать с наибольшей беспощадностью. Против предателей никакое мероприятие не является достаточно строгим. Чтобы тех подлецов отдавать военным судам, на это теперь уже нет времени. Проводится краткий допрос их и свидетелей, составляется краткий протокол, и они расстреливаются на месте преступления. Так должно быть, поскольку мы в своем собственном государстве обставлены хуже, чем враг. При приближении противника каждый заподозренный в измене должен быть немедленно казнен»²⁴. Уже упомянутый Д. Кисель-Киселивский так описывал аресты подозрительных лиц: «Достаточно было лишь указать жан-

²⁰ Талергофский альманах, выпуск II, с. 51.

²¹ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажано до України...*, с. 625.

²² *Ibid.*, p. 637.

²³ Олег Мазур, Олексій Сухий, *op. cit.*, p. 75.

²⁴ Ігор Берест, *op. cit.*, p. 54.

дарму или солдату на кого-то пальцем, и он уже попадал в тюрьму, если не под виселицу»²⁵.

5 августа 1914 г. краевой президент Буковины Рудольф фон Меран объявил о создании на Буковине военно-полевых судов, предметом рассмотрения которых являлись дела о бунтах, дезертирстве и самосуде²⁶. 26 августа 1914 г. МВД Австро-Венгрии отправило Мерану распоряжение, в котором предлагалось «со всей остротой и беспощадностью действовать против элементов, которые преследуют москвофильские, сербофильские, антивоенные или, главным образом, опасные для государства тенденции»²⁷. В соответствии с указаниями министерства, 13 сентября Меран подписал изданное Верховным командованием армии «Объявления», согласно которому районным комендантам «разрешалось расстреливать на месте всех, кто будет заподозрен в предательстве или других вражеских для государства поступках»²⁸. Естественно, первыми под руку этого распоряжения попали москвофилы, им сочувствующие, а также, вообще, все украинцы. Именно на них возлагали вину за неудачи на фронте. Австрийские и венгерские войска просто не понимали разницы между украинцами и россиянами, в результате чего сформировался стойкий стереотип «украинской измены», кстати, сильно раздуваемый венгерской прессой²⁹. При этом интересно отметить, что сами же представители власти отмечали невысокую (в сравнении с Галицией и Закарпатьем) поддержку пророссийских идей среди буковинцев. Краевой президент Буковины Р. Меран отмечал, что после отступления российских войск из Черновцов 20 октября 1914 г. большинство населения осталось верным Австрии и только часть симпатизировала россиянам, в частности, те, кто не мог ранее найти хорошо оплачиваемую работу. Более того, еще до отступления россиян, жители города вывесили много австрийских флагов³⁰. Черновицкое уездное управление президиума Краевого управления Буковины сообщало, что «в целом население уезда вело себя хорошо», то есть сохраняло верность Австрии³¹. Интересно, что сами россияне, когда захватили Буковину, за-

²⁵ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажано до України...*, с. 622.

²⁶ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 25-26.

²⁷ Володимир Заполовський, *op. cit.*, p. 184.

²⁸ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 36-37.

²⁹ *Die magyarische Presse und die Ukrainer* [Hungarian press and the Ukrainians] in «Ukrainische Nachrichten» [«Ukrainian news»], Wien, 30 Oktober 1915, № 59, s. 2.

³⁰ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 52-53.

³¹ *Ibid.*, p. 109.

явили, что все здешнее население симпатизирует России³². Это утверждение не будет восприниматься скептически, если учесть информацию директора черновицкой полиции К. Тарангула от 20 ноября 1917 г., который заявлял, что во время третьей российской оккупации края «украинцы относились к россиянам сначала хорошо. Они даже получили свое представительство в магистрате»³³. Это доказывает, насколько важно учитывать разные данные и точки зрения. Но и, следовательно, однозначно утверждать о полной лояльности к австрийским властям со стороны украинцев тоже нельзя.

На протяжении всей войны гражданские лица Буковины подозревались в шпионаже. По селам ходили жандармы и пугали крестьян тем что, если кто-то не будет слушаться распоряжений власти, то будет арестован. В том случае если следствие подтверждало обвинения, подозреваемых отправляли за колючую проволоку, в лучшем случае, хотя ни в одном из австрийских законов не предусматривалось, что гражданские лица могут быть интернированы в концлагерях³⁴.

Крестьяны-старообрядцы, потомки российских переселенцев, находились практически все под подозрением в русофильстве. Жители нескольких таких сел – Климовцы и Белая Криница – были арестованы поголовно (1400 человек) по обвинению в проявлении симпатии к российским войскам, хотя, по результатам военного расследования, в этом действительно были замечены только несколько человек³⁵. А в 1916 г. австрийское правительство вообще объявило всех липованов политически неблагонадежными лицами, которые подлежат интернированию³⁶.

Украинцы подпадали под следствие иногда по нелепым обвинениям. В случаях, когда нельзя было доказать вину, приговор выносили на основании показаний свидетелей. Леший Б. Велегорский, житель Фретеуций-Ной Сучавского уезда, был арестован возле вокзала 7 августа 1914 г. по обвинению в том, что за несколько дней до войны принял в своем доме адвоката Корнеля Могильницкого, известного всем русофила. Более того, в доме Велегорского не имелось портрета австрийского императора. За это он был арестован и отправлен на фронт³⁷.

³² Teodor Balan, *op. cit.*, p. 77.

³³ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 260.

³⁴ Teodor Balan, *op. cit.*, p. 124.

³⁵ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 99.

³⁶ *Ibid.*, p. 200.

³⁷ Teodor Balan, *op. cit.*, p. 83-84.

Крестьянка-липованка из г. Радауць, Евфемия Лазарова, была арестована из-за того, что улыбалась во время прихода российских войск. 28 июня 1915 г. ее выслали на 6 месяцев на принудительные работы³⁸.

Дмытро Толочко из Рогозны, недалеко от Черновцов, был арестован 13 мая 1915 г. из-за то, что когда россияне уходили с Буковины, он сказал им: «Быстро-быстро, а то австрийцы идут». Толочка приговорили к 10 годам принудительных работ³⁹.

Именно о таких случаях высказалась газета «Народный голос»: «Всех наших кацапов закрыли. Закрыли и тех, кто по глупости ляпнул что-то. Поэтому берегите, люди, свои языки, ибо война не знает шутки!»⁴⁰.

На Буковине в отношении лиц москвофильской ориентации, которые радушно способствовали российской оккупационной власти и армии, часто применялся самосуд со стороны патриотически настроенных австрийских граждан⁴¹. Как утверждал Д. Кисель-Киселивский, такие «патентованные австрийские патриоты» происходили чаще всего из рядов буковинского еврейства, которые часто доносили фальшиво⁴². Активных доносчиков вышеупомянутый Карбулицкий описывал так: «Эти безумные и садистические бестии в человеческом обличье страстно желали свежей крови, и невинные люди, которые случайно встречались им в районе боевых действий, получали клеймо шпионов и предателей и наслаждались последними минутами жизни»⁴³. Крестьянин И. Горобец из с. Глыбока Серетского уезда свидетельствовал на допросе о том, что, когда австрийцы вернулись после первой российской оккупации, евреи выдали им четырех украинцев. Военные связали последним руки и ноги, били их палками, пробили им головы и разные части тела в присутствии крестьян Глыбокой, устрашая всех⁴⁴.

В своих воспоминаниях О. Кузелева, которая пережила российскую оккупацию, утверждает, что в пророссийских симпатиях были замечены также буковинские румыны⁴⁵. По словам начальника краевой жандарме-

³⁸ *Ibid.*, p. 93.

³⁹ *Ibid.*, p. 97.

⁴⁰ *Всіх наших кацапів позамикали* [All of our Russians are arrested] in «Народний голос» [«People's voice»], Чернівці, 19 серпня 1914 р., № 25, с. 6.

⁴¹ Володимир Заполовський, *op. cit.*, p. 193.

⁴² Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажаємо до України...*, с. 622.

⁴³ *Ibid.*, p. 637.

⁴⁴ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 91.

⁴⁵ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажаємо до України...*, с. 673.

рии Фишера, «румынская интеллигенция края во время российской оккупации открыто симпатизировала врагам монархии и в весьма многих случаях предоставляла им активную помощь»⁴⁶. А премьер-министр Румынии Й. Брэтиану обвинял австрийскую армию в жестоком преследовании буковинских румын из-за их лояльного отношения к россиянам во время первой оккупации края Россией⁴⁷.

В преследовании украинцев «отличились», конечно же, австрийские жандармы. Им быстро становились известными лица, которые по собственной инициативе публично устанавливали контакт с русскими. В Вижнице (январь 1915 г.) жандармы убили двоих крестьян, даже после того, как один из них сообщил, что у него дома осталось шестеро детей⁴⁸. Жандармский вахмистр Лакингер хвастался, что в одном из сел на Вижниччине повесил 41 крестьянина, а само поселение, согласно его приказу, было сожжено. Австрийский жандарм даже заявил, что все украинские крестьяне являются предателями, которых он намерен перевешать и перестрелять. Лейтенант Тробей, который славился особой бессмысленной жестокостью, запомнился населению повешением на фонарном столбе вокзала в Глыбоке пятерых человек, среди которых был и 15-летний парень⁴⁹. По приказу жандарма Дрешера 15-летнего парня подвергали пыткам в течение нескольких дней в с. Большой Кучуров. У ребенка от побоев почернело тело и был вывернут палец, а вскоре его публично повесили, даже не дав попрощаться с матерью⁵⁰. Позже суд доказал невиновность мальчика, однако Дрешера признали неподсудным из-за вымышленной психической болезни.

Следует отметить, что до Первой мировой войны жандармы не имели права бить арестованного человека. Избиения были редкостью и если жандарм поднимал руку на гражданского, вина которого вследствие не была доказана, то этому жандарму «доставалось» от руководства. Но в период войны ситуация изменилась: степень вежливости жандармов больше никто не контролировал⁵¹. Более того, в Кодексе австрийского войска (ст. 321) говорилось, что обвиненные в шпионаже могут быть расстреляны или повешены на месте, прилюдно⁵². Буковинский адвокат Е. Слушанский

⁴⁶ Володимир Заполовський, *op. cit.*, p. 189.

⁴⁷ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 51.

⁴⁸ Олександр Машкін, *op. cit.*, p. 66

⁴⁹ *Ibid.*, p. 644.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 646.

⁵¹ Teodor Balan, *op. cit.*, p. 116.

⁵² *Ibid.*, p. 68.

записал в своем дневнике 23 сентября 1914 г.: «Австро-венгерская армия развернула неслыханный террор. Во всех общинах появились виселицы. Священники, учителя, крестьяне заполнили венгерские тюрьмы, причем, их оскорбляли, били, на них плевали»⁵³. Арестантов нередко вешали на деревьях, телеграфных столбах или станционных фонарях⁵⁴. Д-р Ион Грэмадэ, преподаватель лицея, обратился к Верховному командованию с жалобой против начальника краевой жандармерии Буковины Е. Фишера, под руководством которого совершались преступные зверства против буковинского населения⁵⁵.

Особой жестокостью отличались венгерские военные. Они всех русинов рассматривали как шпионов и при малейшем подозрении расстреливали и часто вешали. Причем, делали это самовольно, без суда и следствия. 24 июня 1915 г. венгерские солдаты сожгли части сел Черный Поток и Онут, хотя за много месяцев пребывания в них подразделений армии не было зафиксировано ни одного факта шпионажа со стороны населения. Депутат австрийского парламента А. Лукашевич отмечал, что «и в Галиции, и в Буковине наибольшее число жалоб поступает именно на военных венгерской национальности». Политик также отмечал, что «нужно прекратить поголовное подозрение украинских крестьян в русофильстве. Война требует многих жертв, и украинцы несут их стойко, но особо трудно, когда свои издеваются, клеймят шпионами, грабят, говорят, что украинцы – народ без государства и без родины»⁵⁶. Один из буковинцев писал депутату австрийского парламента Н. Василько, что голод в северных уездах Буковины был, без сомнения, следствием пребывания венгерских войск в этой зоне⁵⁷. Согласно утверждениям историка и политического деятеля, Д. Дорошенко, в 1916 г. в Черновцах он собрал фото, на которых была одна и та же картина: белые украинские хаты, а вокруг стоят венгерские солдаты, которые позировали для фотографа. Беженцы свидетельствовали, что в период занятия Буковины венгры проявляли безграничную жестокость к населению: сжигали дома с закрытыми в них женщинами и детьми. По словам адвоката Т. Галипа, «гонимые объявили предателями многих гуцулов, отрывая от обжитых мест и отправляя вглубь Венгрии, под сильной

⁵³ Володимир Заполовський, *op. cit.*, p. 183.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 185.

⁵⁵ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 55.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 170.

⁵⁷ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Змагання за українську державність на Буковині...*, с. 39.

стражей, с бранью и избиениями – детей, женщин, сгорбленных седых дедов»⁵⁸. В газете «Русский вестник» находим такое стихотворение, посвященное злодеяниям венгерских гусаров: «Как дикие звери они налетели,/ И в бешеной злобе своей,/ Кололи, рубили без смысла и цели –/ Они убивали детей...»⁵⁹.

В то же время, барон В. Гизль отрицал репрессии со стороны австро-венгерской армии против местного населения Буковины⁶⁰. Он называл слухами зверства австрийских войск против румынского населения, утверждая, что их распространяет и проплачивает российская пропаганда⁶¹. В докладной записке инспектора Верховного командования австро-венгерской армии майора Макса Ронге от 2 ноября 1914 г. сообщалось, что «никакого насилия над румынами австрийские военные не совершали. Зато россияне действовали по-варварски: разоряли, многих украинских крестьян забирали с собой»⁶².

С 22 февраля 1915 г., после освобождения Буковины от российских войск, в освобожденных от противника северных уездах края военные ввели строгий режим. Преступники, если они остались на месте или по разным причинам не смогли уйти с отступающими русскими войсками, немедленно арестовывались и передавались в военно-полевые суды. Арестов было так много, что дирекция черновицкой полиции просила четко указывать причины ареста нарушителей, которых отправляли в Черновцы, отмечая, что для «содержания такого количества арестованных нет ни тюрем, ни средств на содержание»⁶³. Во второй половине марта 1915 г., по мере того, как фронт передвигался в сторону государственной границы, австрийская контрразведка и жандармерия продолжили в освобожденных уездах Буковины оперативно-розыскные мероприятия по выявлению и уничтожению вражеской агентуры и государственных преступников. Задержанных передавали в военно-полевые суды. Они выносили смертные

⁵⁸ Сергій Попик, *Українці в Австрії 1914–1918. Австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни* [Ukrainians in Austria 1914-1918. The Austrian policy in the Ukrainian question of the period of Great war], Київ, Чернівці, Золоті литаври, 1999, с. 90.

⁵⁹ *Маленький фельетон* [Small feuilleton] in «Русский вестник» [«Russian messenger»], Черновцы, 30 марта 1917 г., № 9, с. 2.

⁶⁰ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 52.

⁶¹ *Ibid.*, p. 52.

⁶² *Ibid.*, p. 57.

⁶³ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 166.

приговоры не только тем, кто действительно помогал русским войскам, но и абсолютно невинным людям, которые становились жертвами наветов. Нередко сводились личные счёты, вследствие чего пострадали тысячи людей. Убийства невинных в значительной мере подорвали австрофильские настроения среди местного украинского населения. Зачастую казни совершались лишь для устрашения, а не за конкретные действия. И казнили без суда – по решению офицера или унтер-офицера.

Пользуясь безнаказанностью и поощряемые командованием, солдаты всячески издевались над гражданским населением. Они арестовывали и казнили женщин, малолетних детей, 80-летних старушек⁶⁴. Особенно свирепствовала австрийская армия после поражений на фронте. Всю злость она срывала на мирном населении. Обвиняемых расстреливали и вешали даже без составления протокола⁶⁵. Корреспондент «Южной Копейки» так описывает «белый ужас», охвативший буковинское население при известии о вторичном наступлении австрийцев: «В одном из местечек 20 мадьяр ворвались в хату к одинокой старухе и на глазах у матери изнасиловали, а потом убили, ее дочерей. В соседнем доме, где проживал главный на всю округу богатей, их сослуживцы тогда же заставили хозяйина зарезать всех 4-х своих детей. Один рассказ следовал за другим, и содержание их было коротко и несложно: "Повесили. Расстреляли. Сжигали имущество просто для острастки. Насиловали русских женщин и девушек. Истязали и убивали детей"»⁶⁶.

Таким образом, отношение властей и военных Австро-Венгрии не только к тем жителям Буковины, которые были замечены в пророссийских взглядах, но и ко всему украинскому населению края отличалось крайней жестокостью, которая обычно далеко выходила даже за рамки требований военного времени и ничем не может быть оправдана.

На основании обращений в австрийское правительство украинских ученых из Научного общества имени Шевченко, главнокомандующий австрийской армии эрцгерцог Фридрих издал приказ о необходимости разъяснения среди солдат терминов «русин» («ruthene») и «украинец». В нем говорилось о том, что неосведомленность воинских частей относительно политических взглядов и убеждений украинского населения Восточной Галиции, а также Буковины, Волыни и Холмщины, имела последствиями

⁶⁴ *Талергофский альманах*, выпуск II, с. 94.

⁶⁵ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажаємо до України...*, с. 638.

⁶⁶ Олександр Машкін, *op. cit.*, р. 66.

большие ошибки и несправедливое отношение к своим подданным. В документе признавалось наличие арестов по ложным доносам⁶⁷. Этот приказ главнокомандующего австрийской армии, в отличие от предписаний, выданных в августе 1914 г., имел характер признания репрессий против украинского населения, но не прекратил их.

31 июля 1915 г. австрийское МВД поручило администрации Буковины выяснить степень «украинской измены».

Еще одним методом борьбы с москвофилами были громкие судебные процессы. С 25 сентября 1916 г. до 17 февраля 1917 г. в дивизионном суде Вены длился второй судебный процесс против москвофилов⁶⁸ (первый длился с июня 1915 г. по январь 1916 г.). Мы обратили внимание именно на него, так как список обвиняемых возглавляли буковинцы – православный протоиерей Кассиан Богатырец и редактор популярного черновицкого еженедельника Илларион Цурканович⁶⁹. Они были обвинены в государственной измене и были арестованы еще во время мобилизации 1914 г. Подсудимые избрали такую тактику обороны, которая предусматривала отрицание собственной вины и постоянное обвинение в измене конкурентов-народовцев. К. Богатырец, например, утверждал в воспоминаниях, что «обвинительный акт на 306 страницах ... приводил против нас самые абсурдные обвинения, подтасовывая всякого рода вымышленные “факты”, которые не имели ни малейшего основания»⁷⁰. В своей судебной речи он заявил, что «легко можно предсказать, что нас военный суд приговорит к смертной казни, но я убежден, что ту Австрию, которая осудит меня сегодня к смертной казни, я, наверное, переживу»⁷¹. Во время следствия один священник скончался в тюрьме во время предварительного следствия, 6 подсудимых были оправданы, а 16 – приговорены к смертной казни через повешение⁷². Однако, как и в первом процессе, итогом была амнистия приговоренных императором Карлом I⁷³.

⁶⁷ *Талергофский альманах*, выпуск II, с. 75.

⁶⁸ Нина Пашаева, *Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв.* [Essays of history of the Russian movement in Galicia of the XIX-XX centuries], Москва, Гос. публ. б-ка России, 2001, с. 156.

⁶⁹ Teodor Balan, *op. cit.*, p. 69.

⁷⁰ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Бажаємо до України...*, с. 608.

⁷¹ Нина Пашаева, *op. cit.*, p. 156.

⁷² *Галицко-русские деятели приговорены к смертной казни* [Galicia-Russian activists are sentenced to death] in «Русский вестник» [«Russian messenger»], 7 апреля 1917 г., № 15, с. 3-4.

⁷³ Кость Левицький, *Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової*

До сих пор невыясненным остается вопрос о количестве высланных из Буковины сторонников «русского дела». А. Вендланд, ссылаясь на российские источники, указывает, что в целом из Галиции и Буковины было выслано 40 тыс. человек⁷⁴. На начальном этапе войны арестованных везли из Черновцов в Станислав, а оттуда вглубь монархии. Общее отношение к арестованным со стороны населения во время их транспортировки было очень агрессивным. Их били, называли шпионами, оскорбляли, на дверях вагонов, в которых их перевозили к местам содержания, писали слово «предатели»⁷⁵. Большинство депортированных москвофильской ориентации были заключены в лагеря Талергоф, Гминд, Терезин. Многие из них погибли там от невыносимых условий содержания и эпидемических болезней. Отдельные москвофилы или немногочисленные их группы содержались в небольших населенных пунктах, в частности, в Оберголлянбруне, Енценсдорфе, Тешельдорфе, Вьорнсдорфе и др.⁷⁶ Усилиями посла Н. Василько в 1915 г. были освобождены почти все интернированные австрийской властью буковинцы⁷⁷, которых, кстати, было намного меньше, чем галичан. В Талергофе, по состоянию на 29 марта 1917 г., находилось 75 буковинцев⁷⁸. Хотя, на наш взгляд, цифра сильно преуменьшена и требует дальнейшего выяснения. Только в мае 1917 г. заключенных без серьезной вины отпустили домой⁷⁹.

Кто был интернирован в концлагеря, задается вопросом современник событий Т. Балан? Шпионы, дезертиры, недоброжелатели? Нет, отвечает историк, - люди, не виноватые ни в чем, не совершившие ничего плохого для государства и народа⁸⁰. С этим выводом сложно согласиться целиком, однако, стоит отметить, что от австрийских репрессий пострадало

війни 1914–1918. На підставі споминів і документів [History of liberation movement of Ukrainians in Galicia since World war 1914-1918. On the basis of memoirs and documents], Львів, 1929, Ч. 1, с. 399.

⁷⁴ Anna Veronika Wendland, *Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848-1915* [The Russophiles in Galicia. Ukrainian conservatives between Austria and Russia, 1848-1915], VÖAW, 2001, s. 546.

⁷⁵ Володимир Заполовський, *op. cit.*, p. 191.

⁷⁶ Anna Veronika Wendland, *op. cit.*, p. 546.

⁷⁷ Олександр Добржанський, Володимир Старик, *Змагання за українську державність на Буковині...*, с. 27.

⁷⁸ Василь Ботушанський, *op. cit.*, p. 244.

⁷⁹ Teodor Balan, *op. cit.*, p. 143.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 134.

огромное количество невинных украинцев, на основании одних только подозрений.

Массовый террор австро-венгерских властей нанёс смертельный удар русофильскому движению. Многие русофилы погибли, ещё больше вынуждены были отойти с русскими войсками, часть из которых так и не вернулась на родину. Страх перед репрессиями не дал пополнить ряды москвофилов новыми активистами.

В 1917 г. власть активно закрывала остатки москвофильских организаций. Факты варварских действий и издевательств над украинским населением со стороны австрийской армии в Галиции и на Буковине во время мировой войны стали предметом обсуждения в парламенте в 1917 г., когда посол В. Загайкевич выступил с речью о массовых репрессиях, что повлекло за собой политический скандал⁸¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Австрийские репрессии против москвофилов на Буковине имели некоторые особенности по сравнению с Галицией и Закарпатьем. Во-первых, поскольку Буковина с 1861 г. являлась герцогством и управлялась местной властью, характер репрессий против москвофилов определялся не в последнюю очередь и этим фактором. Так, в начале войны, когда российские войска во время Галицкой битвы заняли почти всю Буковину, австрийское МВД направило краевому президенту Р. фон Мерану распоряжение о принятии самых жестких мер в отношении подозреваемых в москвофильстве, что не вызвало у президента никаких возражений. Во-вторых, москвофильство на Буковине накануне и в начале Первой мировой войны было менее развитым, чем в Галиции и на Закарпатье, вследствие чего после закрытия его заведений и ареста нескольких выдающихся представителей движение быстро пошло на спад, имея минимальную поддержку среди простых людей; поэтому, репрессии здесь были более безосновательными, чем, например, в Галиции. В-третьих, на Буковине более, чем в других землях империи, аресты и преследования коснулись представителей духовенства (считалось, что православные священники больше поддерживали пророссийское движение, чем греко-католические в Галиции). В-четвертых, трижды во время войны Буковина была оккупирована российскими войсками, соответственно, после каждого освобождения края ав-

⁸¹ Кость Левицкий, *op. cit.*, p. 403.

стрийская власть свирепствовала. В-пятых, в Буковине следует отметить особенный разгул беспредела венгерских военных. В-шестых, если в Галиции главными доносчиками на москвофилов были поляки, а на Закарпатье – венгры, то на Буковине ими становились чаще всего евреи, которые пытались выслужиться перед австрийцами и таким образом компенсировать свои потери от российской оккупации.

Как законодательно, так и на практике, власти и военное командование Австро-Венгрии заняло жесткую позицию по отношению к москвофилам Буковины. Но их террор, вопреки заявлениям, обрушился на всех украинцев: на тех, кто поддерживал российские войска; на тех, кто не был им рад; и даже на тех, кто вообще держался в стороне, потому что имело место непонимание настроений населения со стороны власти. Поэтому, трудно выделить террор против собственно москвофилов. В данных условиях пострадало безобидное, лояльное к власти население, террор против которого нельзя ничем оправдать. Даже принимая во внимание условия войны, сложно найти слова поддержки действиям австрийской власти, учитывая и то, что на дворе был уже XX век, а понятие «гуманизм» было давно известно. Тем не менее, исторические уроки «австрийской мести» весьма важные: во внутренней политике нельзя руководствоваться импульсивными решениями, безосновательными и базированными на мнении отдельных предвзятых лиц, будь то политик или военный. Всегда необходимо глубоко понимать настроения отдельных групп населения или народов, даже если среди них есть деструктивные элементы. Ведь даже по отношению к ним действия власти должны быть рациональными и гуманными.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА И РЕФОРМЫ 1922-1926 ГГ. В РУМЫНИИ

ACTIVITIES OF THE GOVERNMENT AND THE REFORMS OF 1922-1926 IN ROMANIA

Игорь ПИДДУБНЫЙ

Черновицкий национальный университет

им. Ю.Федьковича (Украина)

zymnyy@ukr.net

Rezumat: Activitățile guvernului și reformele din anii 1922-1926 în România

Acest studiu analizează problema schimbărilor din domeniul legislativ, administrativ, economic, financiar și educațional inițiate de guvern în anii 1922-1926, ce au condus la un anumit grad de unificare instituțională a țării. De asemenea, atunci a fost accelerat procesul de modernizare a societății românești, în manieră occidentală, declanșat în a doua jumătate a secolului XIX. În fond, în acești ani au fost înregistrate cele mai importante succese ale „decadei brătieniste”, termen consacrat încă din perioada regimului comunist în istoriografia română.

Abstract: Activities of the government and the reforms of 1922-1926 in Romania

This study analyses the problem of changes in the legislative, administrative, economic, financial and educational fields, initiated by the government in 1922-1926, which led to a certain degree of institutional unification of the country. Also, in that period has accelerated the modernization of the Romanian society process, in the Western manner, started in the second half of the nineteenth century. Actually, in those years were realized the most important successes of “Brătianu decade”, an expression established since the period of the communist regime in the Romanian historiography.

Résumé: Les activités du gouvernement et les réformes des années 1922 - 1926 en Roumanie

L'étude ci-jointe examine la question des changements dans les domaines législatif, administratif, économique, financier et éducatif initiés par le gouvernement pendant les années 1922-1926, qui conduisirent à un certain degré d'unification institutionnelle du pays. De plus, on accéléra, aussi, le processus de modernisation de la société roumaine, de manière occidentale, démarré dans la seconde moitié du XIX-ème siècle. En effet, ces années-là, on

enregistra les plus grands succès de la «décennie des Brătianu», terme qu'on consacra dès la période communiste dans l'historiographie roumaine.

Keywords: *I. I. C. Brătianu, the Romanian Government, Constitution, administrative reform, financial system.*

Вступление

Первая мировая война, в результате которой королевство Румынии значительно расширило свои границы, значительно дестабилизировала внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Практически с конца 1918 года правительства Румынии менялись столь часто, что проводить единую линию во внутренней политике оказывалось достаточно сложно. Собственно, определенная последовательность в действиях правительства и их результаты проявились после стабилизации ситуации в стране и завершения периода активности социалистов начала 20-х годов. Довольно длительное, на фоне предыдущих лет, правление правительства И. И. К. Брэтиану создало условия для проведения реформ, которые должны объединить разрозненную в финансовых, экономических, образовательных и даже культурных вопросах страну. Меры, предпринятые правительством, создали условия для унификации законодательной основы и осуществления унификационных мероприятий на основе конституции и создания единой законодательной, экономической, финансовой, образовательной, культурной системы Румынии.

Историография проблемы

Вопрос о деятельности правительства Румынии в первой половине 20-х годов поднимался в различных работах. Так, проблемы, которые необходимо было решать правительству освещены в коллективных работах советского времени. Коллективный труд “История Румынии нового и новейшего времени” раскрывает вопросы внутренней политической борьбы в стране в конце 10-х — начале 20-х годов, дается оценка стабилизации ситуации в стране в качестве временной и частичной. Вопросы внутренней политики правительства национал-

либералов рассматривается в соседстве с вопросом о классовой борьбе¹. Вышедшая в начале 70-х годов "История Румынии" трактовала период правления И. И. К. Брэтиану как "период относительной стабилизации капитализма в Румынии". Выделены были основные вопросы в деятельности этого правительства, что касалось реформ и внутренней политики правительства. Отдельно раскрывается в монографии вопрос о революционном движении². Несколько иная структура для раскрытия проблем внутренней политики правительства Румынии выбрана авторами "Очерков политической истории Румынии", в которой в традиционном для советской историографии критическом подходе оценены результаты аграрной реформы, но верно, как протекционистские меры, оценены действия правительства национал-либералов³.

Несколько иначе деятельность румынского правительства представлена в современной исторической литературе. Так, в коллективной работе из числа современных румынских публикаций период деятельности правительства Национал-либеральной партии расценивается как время её наибольшего успеха. Но анализу деятельности правительства здесь уделено немного места, хотя и поднимается вопрос об административном делении и аграрной реформе⁴. Иная коллективная работа румынских историков представляет период 1918-1928 гг. как десятилетие И. И. К. Брэтиану и в общих чертах определяет его деятельность. Важное место отводится конституции, которую определяют, как соответствующую интересам нации. Высокая оценка дана и законам об административной унификации, избирательной системе, устройстве Румынской православной церкви, как и действиям правительства И. И. К. Брэтиану в сфере экономики⁵. В работе американского исследователя К. Хитчинс поднима-

¹ Владлен Виноградов, Евгений Карпещенко, Николай Лебедев, Алла Язькова, *История Румынии в новое и новейшее время* [History of Romania at modern and contemporary time], Москва, Наука, 1964, с. 182-188.

² Николай Лебедев (ред.), *История Румынии, Т. 2: 1918-1970* [History of Romania, Vol. 2: 1918-1970], Москва, Наука, с. 96-105, 106-116.

³ Исаак Минц, Николай Лебедев (ред.) *Очерки политической истории Румынии: 1859-1944* [Essays on political history of Romania: 1859 - 1944.], Кишинев, Штиинца, 1985, с. 253, 254-255.

⁴ Иоан-Аурел Поп, Иоан Болован (ред.) *История Румынии* [History of Romania], Москва, Весь мир, 2005, с. 559, 564-566.

⁵ Ioan Scurtu (coord.), *Istoria Românilor, Vol. VIII: România întregită (1918-1940)* [History of Romanians, Vol. VIII: Romania united (1918-1940)], București, Editura

лись вопросы проведения и результатов аграрной реформы в Румынии. Экономическая политика расценена как такая, что находилась в руках национал-либералов, а законы 20-х годов представлены как принятые в интересах румынского государства. В вопросах политической жизни этот автор обращал внимание на изменение на основании конституции судебной системы. Констатировал автор работы также и контроль над НЛП со стороны И. И. К. Брэтиану, как и выделял последовательность действий правительства⁶.

История жизни и деятельность И. И. К. Брэтиану изложена в работе Н. Бэнеску⁷. Но чётче позиция правительства и его главы заметна в отчёте правительства 1926 г. Безусловно здесь деятельность главы Совета министров, представленная им лично, подана в идеальном свете, но вместе с тем в нём изложена информация по разнообразным направлениям деятельности правительства. В данном исследовании мы остановимся лишь на нескольких аспектах, связанных с реформированием страны и её унификации⁸. Оппонентом Национал-либеральной партии выступили представители Народной партии, которые в 1926 г. критиковали отдельные мысли главы Совета министров, высказанные в его отчёте⁹.

Таким образом, вопрос о деятельности правительства И. И. К. Брэтиану в 1922-1926 гг. уже проанализирован в общем в исторических исследованиях, но всё же она требует изложения в деталях в той части, которая касалась вопроса унификации страны, фактически создававшейся из разных частей, которые иногда были более развиты в политическом отношении, чем Регат (Старое королевство). Фактически

Enciclopedică, 2003, pp. 253-259.

⁶ Keith Hitchens, *România 1866-1947* [Romania 1866-1947], translated from English into Romanian by Delia Răzdolescu, George G. Potra, Bucureşti, Humanitas, 2004, pp. 386-391, 402-405, 417, 445-447.

⁷ Nicolae Bănescu, *Ion I.C. Brătianu (1864-1927)* [Ion I.C. Brătianu (1864-1927)], Craiova, Ramuri, 1928, pp. 188-194.

⁸ *Activitatea Corpurilor Legiuitoare şi a Guvernului de la 1 Ianuarie 1922 până la 27 martie 1926: Dare de seamă înfăţişată de d-l Ion I.C. Brătianu Preşedintele Consiliului de Miniştri* [Legislators and Government Bodies activity from 1st of January, 1922 to 27th of March, 1926: report by Mr. Ion I. C. Brătianu President of the Council of Ministers], Bucureşti, Cartea Românească, 1926.

⁹ *Partidul Poporului. Studiu asupra situaţiei Ţării în Martie 1920, Ianuarie 1922 şi Aprilie 1926* [People's Party. Study on the situation of the country in March 1920, January 1922 and April 1926], Bucureşti, 1927.

такая унификация стала возможной благодаря последовательной деятельности правительства, несменяемого в течении нескольких лет.

Внутриполитический контекст

Действительно, первые послевоенные годы демонстрировали частую смену правительств и непродолжительную их деятельность. Так, с 24 октября по 29 ноября 1918 г. правительство возглавлял генерал К. Коандэ, в период 29 ноября 1918-12 сентября 1919 г. действовало правительство И. И. К. Брэтиану. Его на непродолжительное время сменило правительство генерала А. Вэйтояну (27 сентября – 28 ноября 1919 г.). Несколько длительным оказалось функционирование правительств А. Вайды-Воевод (1 декабря 1919 – 13 марта 1920 г.) и генерала А. Авереску (13 марта 1920 – 13 декабря 1921 г.). Правительственный кризис привел к созданию промежуточного правительства Т. Ионеску и незначительного срока его деятельности с 17 декабря 1921 по 17 января 1922 г.¹⁰.

Выход Такэ Ионеску из состава правительства А. Авереску создал кризисную ситуацию в правительстве, хотя делалось это не без инициативы короля Фердинанда I. Но награда была непродолжительной и уже 17 января 1922 г. правительство, из-за недоверия парламента, вынуждено было уйти в отставку, фактически выполнив задание подготовки почвы для прихода правительства И. И. К. Брэтиану (19 января 1922 г.). Председатель Совета министров, по традиции, также занимал министерский пост. В частности, в период с 19 января по 25 марта 1922 г. это была должность министра обороны. С 25 марта 1922 г. и до конца полномочий правительства в данной должности находился генерал Г. Мэрдереску. Несколько позже (30 октября 1923 – 27 марта 1926 г.) председатель Совета министров занял должность министра внутренних дел после генерала А. Вэйтояну. В данном правительстве находился еще один представитель семьи Брэтиану - министр финансов Винтилэ Брэтиану. В правительстве довольно часто менялись лица, которые занимали министерские посты, а также менялись и сами министерства, как это было с министерством владений, которое 10 апреля 1922 г. было переименовано в министерство аграрных отношений и владений, которое возглавлял до конца срока действия правительства А. Константинеску.

¹⁰ I. Alexandrescu, I. Bulei, I. Mamina, I. Scurtu, *Enciclopedia de istorie a României* [Encyclopedia of History of Romania], București, Meronia, 2000, pp. 104-105.

Довольно частыми были смены министров в министерстве общественных работ, министерстве коммуникаций. Менее частой была смена глав министерства промышленности и торговли и министерства здравоохранения. В данном правительстве сохранили должности государственных министров, занимавшие их И. Инкулец и И. Нистор¹¹.

Приход к власти Национал-либеральной партии. Новая конституция

В начале своей деятельности правительство И. И. К. Брэтиану организовало выборы в парламент, которые прошли в марте 1922 г. и оказались чрезвычайно результативными для Национал-либеральной партии, которая из 369 мест в палате депутатов получила 222. Оппозиция оказалась в чрезвычайно невыгодной позиции, ведь Крестьянская партия получила 40 мест, Национальная партия - 26, Народная партия - 13. Успех на этих выборах либералов демонстрировал умение правящей партии организовать их должным образом, хотя именно этот выигрыш руководство Крестьянской и Национальной партий назвали совершённым благодаря краже и мошенничеству. Кроме того, для демонстрации верности династии правительство устроило коронацию Фердинанда I в Алба Юлии 15 октября 1922 г. Последняя прошла довольно пышно также в Бухаресте. Укреплением королевской власти, благодаря действиям И. И. К. Брэтиану, называли и принятие решения о наследнике престола после отказа принца Кароля от своих прав на престол в январе 1926 г.¹².

Умение управлять ситуацией правительство национал-либералов продемонстрировало, когда 5 марта 1923 г. подало в Палату депутатов проект новой Конституции. В течение следующих 16 дней велось довольно бурное обсуждение, при котором либералы и их союзники проявили достаточную консолидацию.

В процессе этого обсуждения выделяют 9 марта, день выступления оппозиции, а именно Ю. Маниу от имени Национальной и Крестьянской партий. В этой декларации прозвучала мысль, что конституция будет иметь "ноль права" и что она не будет служить фундаментом нового

¹¹ Ioan Scurtu (coord.), *Istoria Românilor, Vol. VIII: România întregită (1918-1940)* [History of Romanians, Vol. VIII: Romania united (1918-1940)], București, 2003, pp. 252-253.

¹² Nicolae Bănescu, *Ion I. C. Brătianu (1864-1927)* [Ion I. C. Brătianu (1864-1927)], Craiova, Ramuri, 1928, p. 191.

государства румын и не будет истоком для легального и конституционного режима. После него слово брал П. Галиппа, который от имени 27 депутатов из Бессарабии, выразил мнение, что новая конституция подавит любое проявление общественной жизни, будет отравлять национальное согласие, рисковать единением. Выступление М. Поповича оказалось обвинением в адрес руководителей закарпатской провинции. При попытке председателя совета министров ответить, председательствующий вынужден был приостановить заседание из-за шума в зале. После восстановления работы, И. И. К. Брэтиану с трибуны высказался, что услышанные им выступления позволяют сделать вывод, что в работе правительства есть смысл и он намерен выполнить свой замысел, в чем сами чиновники отдавали себе отчет. Собственно, 26 марта прошло голосование по конституции, которое глава правительства отметил как акт соответствия настоящим интересам народа и государства и как таковое, что определит развитие государства и общества как минимум на полвека. Такая позиция И. И. К. Брэтиану определялась тем, что основные положения конституции не были изменены в ходе обсуждения, а также удалось сохранить принцип централизации власти. Дополнительным доказательством жизнеспособности конституции стало ее использование также во время деятельности правительств Национал-крестьянской партии¹³.

Новая конституция разрабатывалась под эгидой либералов, чем можно объяснить сохранение большинства положений конституции 1866 г. и внесение небольшого количества новых статей в текст новой конституции. Последовательность разделов и статей конституции от 28 марта 1923 была примерно подобной конституции 1866 г. Открывалась конституция главой, которая касалась государственного устройства и разделом, который касался территории страны, провозглашенную национальной, унитарной и неделимой. Статья 2 объявляла неотчуждаемость частей Румынии и невозможность изменения границ, иначе как на основании закона. Колонизация территории Румынии иностранцами запрещалась положениями конституции. Административное устройство в общем узаконивалось статьей 4, которая предусматривала функционирование уездов и общин, как составных частей, на которые разделена страна. Количество таких единиц, как и их размеры и состав, должны определяться соответствующим законом об административной организации.

¹³ Nicolae Bănescu, *op. cit.*, pp. 189-191; Keith Hitchins, *op. cit.*, p. 445-446.

Второй раздел (статьи 5-32) посвящался вопросу прав румынских граждан¹⁴. Новой по содержанию оказалась статья 7 Конституции, согласно которой ни вера, ни конфессия, ни этническое происхождение или язык не должны быть препятствием в Румынии в соблюдении гражданских прав. Уравнивание иностранца в правах с румыном (гражданином) могло произойти на основе натурализации, которая проводилась лично в Совете министров на основании выводов комиссии. Процедура натурализации происходила на основе законов и не имела ретроактивности. Жена и дети также пользовались полученными мужем или отцом гражданскими правами, что гарантировалось Декрето-законом от 30 декабря 1918 и Сен-Жерменским и Трианонским договорами¹⁵. Новыми были статьи 18-21, которыми гарантировался ряд прав румынских граждан.

В третьем разделе конституции рассматривались вопросы полномочий государства в разных сферах и прежде всего в законодательной. Так, статья 33 отмечала исполнение полномочий государством от имени нации посредством делегаций и на основе положений конституции. Законодательная власть согласно статье 34 выполнялась совместно королем и Национальным представительством. Последнее делилось на Сенат и Палату депутатов. Каждый закон согласовывался всеми тремя ветвями, а подписание закона королем происходило после его обсуждения и голосования за него большинства обеих палат (ст. 34). Законодательная инициатива принадлежала каждой из трех сторон законодательной власти, но при этом законы о расходах и доходах, армейском контингенте должны были рассматриваться в Палате депутатов (ст. 35). Утверждение принятых обеими палатами законов происходило при участии министра юстиции, который обязывался ежегодно публиковать сборники законов и регламентов. Публикация законов была основанием их введения в действие. Согласно статье 39 исполнительная власть отдавалась королю, который исполнял ее в соответствии с положениями конституции, а судебная – судебным органам (ст. 40). Согласно статье 41 интересы уездов или общин подлежали

¹⁴ *Constituțiunea nouă din 29 Martie 1923. Annotată cu trimiteri la art. Constituției din 1866 și la art. din textul belgian* [New Constitution of 29 March 1923. Annotated with references to art. of the 1866 Constitution and art. of the Belgian text], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, p. 3.

¹⁵ *Ibid.*, p. 4.

выполнению уездными или общественными советами¹⁶.

В рамках конституции действовала и королевская семья, в том числе король Фердинанд I. В условиях династического кризиса им было использовано право назначать регентское правление, как это имело место после отречения от права наследования престола принцем Каролем. С объявлением в 1926 г. принцем-наследником малолетнего Мигая был создан регентский совет во главе с принцем Николае, дядей потенциального короля. Возглавив регентский совет, принц Николае выступал в парламенте при его открытии с тронной речью, что, в частности, было сделано в 1928 г. после выборов, которые привели к власти правительство Национал-крестьянской партии. Именно тогда прозвучало обещание о предоставлении национальным меньшинствам более широких прав, ведь во время обсуждения речи поднимались требования решить вопрос национальных меньшинств¹⁷.

Унификация в административной сфере

В оценке И. И. К. Брэтиану новая конституция стала связующим звеном в унификации страны и проведении начатых в 1917 г. реформ, принятии законов, которые определяли условия их проведения. Привязанной к конституции считал он и унификацию администрации, и нормализацию системы гражданского управления, что в совокупности позволило выработать способ функционирования и сотрудничества местных органов управления. Соответствующие законы должны решить экономическую деятельность, основанную на частной инициативе¹⁸.

Важным моментом в деятельности правительства стала его попытка в 1924 г. национализировать полезные ископаемые, что делалось с целью укрепления позиций национального капитала в данной сфере и ограничения участия, особенно в нефтяной индустрии, иностранных компаний.

К главным решениям внутривластного направления прина-

¹⁶ *Ibid.*, p. 8-9.

¹⁷ *Pidniy kraj*. (Чернівці) [Native Land], 1928, 28, 29 грудня [December 28, 29]; 1929, 6 січня [January 6], 10, 17, 31 березня [March 10, 17, 31], 28 квітня [April 28].

¹⁸ *Activitatea Corpurilor Legiuitoare și a Guvernului de la 1 Ianuarie 1922 până la 27 martie 1926: Dare de seamă înfățișată de d-l Ion I. C. Brătianu Președintele Consiliului de Miniștri* [Legislators and Government Bodies activity from 1st of January, 1922 to 27th of March, 1926: report by Mr. Ion I. C. Brătianu President of the Council of Ministers], București, Cartea Românească, 1926, pp. VII-IX.

длежит решение о проведении административной унификации страны. Делалось это по той причине, что существование страны в новых границах и новый основной закон требовали обновления административной системы. Таким образом, 14 июня 1925 г. вышел закон об административной унификации, которым определялись положения административного управления страной¹⁹. Именно он определил изменения, которые коснулись в первую очередь новоприсоединенных областей государства. И все же закон был одним из серии законов, которые приняли после введения в действие Конституции. Так, к ним принадлежал закон об организации и функционировании законодательного собрания (26 февраля 1925 г.), закон о кассационном суде (20 декабря 1925 г.), закон об административном юридическом отделе (23 декабря 1925 г.), закон о судебной организации (24 июня 1924 г.), закон об организации Высшего административного совета (12 декабря 1925 г.), закон об организации Румынской православной церкви (6 мая 1925 г.)²⁰. То есть, принятие

¹⁹ *Lege pentru unificarea administrativă din 14 Iunie 1924* [Law on administrative unification of 14th of June, 1924], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, p. 338.

²⁰ *Lege pentru organizarea și funcționarea Consiliului Legislativ din 26 Februarie 1925* [Law on the organization and functioning of the Legislative Council of 26th of February 1925], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, pp. 20-36; *Lege pentru Curtea de casație și justiție din 20 Decembrie 1925* [Law Court of Cassation and Justice of 20th of December 1925], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, pp. 37-52; *Lege pentru contenciosul administrativ din 23 Decembrie 1925* [Law of administrative proceedings of 23rd of December, 1925], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, pp. 53-55; *Lege pentru organizarea judecătorească din 25 Iunie 1924 cu modificările din 28 Noiembrie 1925 și 19 Decembrie 1925* [Judicial Organization Law of 25th of June, 1924 with amendments of 28th of November and 19th of December 1925], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, pp. 56-116; *Lege pentru organizarea Consiliului Superior Administrativ din 12 Decembrie 1925* [Administrative Law for organizing the Superior Council of 12th of December 1925], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, pp. 403-409;

унификационных законов полностью вместились в период деятельности правительства национал-либералов под руководством И. И. К. Брэтиану.

Законы, принятые в данный период, касались частично определенных территориальных изменений Румынии. Так, упомянутый закон об организации православной церкви затрагивал и вопросы ее административной организации. Так, рядом с Угро-волошской митрополией и митрополией Молдовы и Сучавы в стране действовали Митрополия Ардяла, Баната, Кришаны и Марамуреша, Митрополия Буковины, Митрополия Бессарабии. Правда в стране возникли новые епископства, которыми стали Хотин, Четатя-Алба, Констанца, Клуж. Сохранённая Митрополия Буковины была изменена в своем составе и разделялась на Черновицкое архиепископство и Хотинское епископство, распространяя таким образом свою юрисдикцию на Буковину и Хотинский уезд²¹.

Унификация стала одной из проблем, которые существовали перед правительством И. И. К. Брэтиану, которая, в определении политика, состояла в сведении в единое четырех режимов, в которых существовали румыны, с тем чтобы создать единую администрацию, которая должна была привести к норме общественное управление. Второй задачей правительства стало решение финансовых трудностей, поскольку бюджет был разбалансированным и нередко возникали проблемы с выплатой зарплат. Также поднимался вопрос о возвращении привычного производства, что касалось и промышленности, и сельского хозяйства. Внешние угрозы заставляли страну уделять внимание обороне с затратами средств на армию. Кроме того, внешнеполитические задачи заставляли действовать в рамках договоров, отстаивая получение репараций. Не меньшим успехом

Lege pentru organizarea Bisericii Ortodoxe Române din 6 Mai 1925 [Law on organization of the Romanian Orthodox Church of 6th of May 1925], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, pp. 496-502.

²¹ *Lege pentru organizarea Bisericii Ortodoxe Române din 6 Mai 1925* [Law on organization of the Romanian Orthodox Church from 6th of May 1925], in Hamangiu C., *Codul General al României, Vol. XI-XII: Legi noi de unificare 1922-1926* [General Code of Romania, Vol. XI-XII: New Laws of unification 1922-1926], București, 1927, p. 496; *Activitatea Corpurilor Legiuitoare și a Guvernului de la 1 Ianuarie 1922 până la 27 martie 1926: Dare de seamă înfățișată de d-l Ion I. C. Brătianu Președintele Consiliului de Miniștri* [Legislators and Government Bodies activity from 1st of January 1922 to 27th of March, 1926: report by Mr. Ion I. C. Brătianu President of the Council of Ministers], București: Cartea Românească, 1926, p. X.

И. И. К. Брэтиану считал принятие закона о пенсиях в 1923 г., что объяснялось как забота о служащих, укрепление их положения²². Элементом проведения унификации стало также внедрение судов, обычных и апелляционных, во всех уездах страны. Сам И. И. К. Брэтиану, подводя итог проведенной работе, говорил о разработке сбалансированной и управляемой системы судейства²³.

Сама унификация в административной сфере объяснялась необходимостью свести к единому знаменателю законодательство, ведь даже председатель Совета министров признавал наличие 4 законодательных систем после завершения войны. Он отмечал поэтапность таких изменений, ведущих к административной унификации, первым шагом которой стала ликвидация Генеральных директоратов в Клуже, Кишиневе и Черновцах. Таким образом, осуществилась первая ступень унификации, которая вела к централизации власти, что считалось необходимым на данном этапе.

На административную реформу возлагали ряд задач, среди которых первым было обеспечение свободы локального развития, что соответствовало гармонизации усилий всех административных факторов; проведение разумной и здоровой децентрализации, такой, что не ослабит государство. Также декларировалось как можно более широкое участие граждан в местном управлении, представляющих власть на разных уровнях: образовании, ремесле, сельском хозяйстве, торговле, промышленности. Применение контроля по соблюдению законов, как и выборы общественных и уездных советов на длительное время для обеспечения выполнения основательной программы, дополняли ряд задач. Необходимым признавалась независимость общественных и уездных советов и устранения воздействия на них политических сил, а также и обеспечение финансовых ресурсов путем модификации системы налогов в пользу уездных и общественных организаций. В таком варианте административные реформы воспринимались как инструмент для объединения румын и средство для направления новых демократических сил²⁴.

Практическое воплощение реформирования Министерством внутренних дел состояло из нескольких мер, среди которых назначение на должности преторов и субпрефектов в Старом королевстве, Бессарабии и

²² *Activitatea Corpurilor Legiuitoare...*, pp. VI-VII, IX.

²³ *Ibid.*, p. XIII-XIV.

²⁴ *Ibid.*, pp. 3-5.

Ардяле, а также административных работников на Буковине. Среди других последовательных мероприятий была реорганизация службы контроля и инспекции, в связи с чем страну поделили на 9 генеральных инспекторов, которые возглавляли Генеральный административный инспектор и генеральный административный субинспектор. Разработали и регламент для школ нотариусов в Лугоже, Араде и Фэгэраш. Проведение административной реформы сопровождалось административным перераспределением, в результате которого из 11 уездов Буковины сделали пять, а уезд Караш-Северин разделили на уезды Караш (центр - Лугож) и Северин (центр - Оравица). Изменения административных границ имели место и в других уездах соответственно интересам населения. В том же духе проводились изменения центров этих уездов. На основе нового административного закона были проведены коммунальные выборы в 8708 сельских и 166 городских общинах и муниципиях. Для этих выборов выработали ряд рекомендаций, которыми воспользовались представители административной власти во всей стране.

Среди мероприятий по административной унификации нашел себе место вопрос получения и отмены румынской национальности, хотя это, в первую очередь, касалось жителей Ардяла, Буковины и Бессарабии. В дополнение к административным реформам был принят закон о максимуме коммунальных такс и закон о генеральной бухгалтерии. В пределах административной унификации на Буковине и в Ардяле провели назначения служащих полиции. Также законом от 1923 г. была создана сельская стража в виде коммунальных гвардий.

Среди других нововведениями в рамках унификации стали решения о введении регламента Палаты по обеспечению недвижимости и запрет на использование азартных игр в курортных и лечебных зонах. Для населения становилось важным и принятие решения по обеспечению жильем вдов и сирот войны, инвалидов и демобилизованных. Административная реорганизация привела к необходимости изменения системы административного контроля, а также принятие закона о Высшем административном совете, который должен предоставлять консультации и направлять всю административную жизнь страны²⁵. Также принимались шаги для поддержания служащих и в 1922-1925 гг. на эти цели выделили 8 млн. лей, а в 1926 гг. - 3 млн. лей. В 1925 г. на строительство коллективного жилья для служащих выделили 4 млн. лей. Собственно, для

²⁵ *Ibid.*, pp. 5-8.

служащих в Бухаресте планировали возвести 120 квартир на площади более 7 тыс. м² в районе вокзала Обор и первый корпус (30 квартир) планировали завершить к осени 1926 г. Также с 1924 г. начали выделять средства на нужды служащих (500 тыс. леев), а в 1925-1926 гг. по 1,5 млн. лей. Таким образом, был создан фонд для покупки дров, одежды и обуви, продуктов питания, а фактически фонд поддержки служащих. Всего для служащих министерства внутренних дел было предоставлено 3,8 млн. кг дров и на 1 млн. лей продуктов и товаров. МВД выработало также Устав служащих, по которому их должны были принимать на работу, назначать на должности. Само же министерство занималось проблемами поддержания правопорядка и внутреннего покоя, вылилось также и в реорганизацию службы безопасности, полиции и жандармерии, так и в создание специальных школ для офицеров полиции, безопасности и жандармерии. Все мероприятия позволили главе правительства констатировать факт, что, несмотря на попытки врагов, в стране удалось добиться покоя²⁶.

Аграрная реформа

Значительно важнее выглядела позиция государства в вопросе аграрной политики и те проблемы, которые возникли в результате крестьянского восстания 1907 г., должны были решаться уже после войны. Если в 1917 г. национал-либералы заявили о необходимости экспроприации земли, то 1918 г. по декрето-закону уже закладывались основы аграрной реформы и была создана "Центральная палата кооперации и наделения земель". В период 1922-1926 гг. Правительство провело полностью аграрную реформу в Бессарабии и приближалось к ее завершению в Регате. Так, в Регате были экспропрированы 2 726 346 га земли, в Ардяле (к 1 ноября 1925 г.) — 1 598 447 га, в Бессарабии — 1 491 916 га, на Буковине (к 1 ноября 1922 г.) – 97 310 га. После экспроприации земли наступил этап наделения земель и в Регате на это рассчитывали 1 124 575 человек, из которых землю до 1926 г. получили 599 529. Не был завершен процесс наделения земель и в Ардяле, где землю должны были получить 396 342 румын и 134 352 представителя других национальностей. В совокупности 438 271 га земли разделили между 335 074 нуждающимися в ней. В Бессарабии землю раздали 262 536 румынам и 94 480 представителям других национальностей, поделив 1 098 045 га. На

²⁶ *Ibid.*, pp. 8-10.

Буковине, из 36 800 нуждающихся в земле, 22 383 были румынами и здесь распределили 19 166 га из всей экспроприированной земли. Изъятие земли сопровождалось установлением платы владельцу за убытки. В Регате, состоянием на 1926 г., было выплачено ренты 4 634 579 957 лей, в Ардяле — 38 840 535 лей, в Бессарабии — 778 433 935. К 1 ноября 1925 г. дебет наделенных земель составил 2 794 522 922 лей.

С аграрной реформой было связано и проведение колонизации. В частности, 7,5 тыс. колонистов направили в уезды восточной Мунтении и 1 тыс. в уезд Констанца. С весны 1926 г. свои уделы должны были получить 1,5 тыс. колонистов из Регата и 1,5 тыс. македонских румын, из которых 200 планировали разместить в уездах Добруджи. На западе Ардяла 14 057 колонистов получили владения, также как 481 беженец из Венгрии и Югославии. На нужды колонистов был выделен кредит в 50 млн. лей.

Для поддержания сельского хозяйства принимались также законы и открывались аграрные школы для подготовки специалистов в сельском хозяйстве различных уровней. Число их возросло с 61 (1922 г.) до 73 (1925 г.), а количество учеников составило 3,5 тыс. (1925 г.) против 2,2 тыс. (1922 г.). Кроме полеводства поднимался вопрос животноводства, в связи с чем создавались соответствующие учреждения. Для поддержания в надлежащем состоянии здоровья животных организовывались бактериологические ветеринарные лаборатории, в том числе такие региональные лаборатории были созданы в Кишиневе, Черновцах и Клуже. Соответствующие решения принимались также по лесничеству, рыбному хозяйству, охоте²⁷.

Реформа финансовой системы

Финансовая политика правительства И. И. К. Брэтиану заставляла прилагать усилия к формированию бюджета, проводить на новых условиях фискальную политику, в частности, в области поиска новых средств. В сфере формирования бюджета первую попытку принять системный бюджет предприняли еще в 1921 году, когда вовремя ввести его в действие не удалось. Он должен был иметь 5 020 млн. лей в расходной части и 5 220 млн. лей в прибыльной. Вместе с тем существовал и чрезвычайный бюджет, содержащий 2 500 млн. лей на расходы и доходы. Здесь целесообразно указать, что представители Народной партии высказывались,

²⁷ *Ibid.*, pp. 139-161.

что в оценке состояния бюджета И. И. К. Брэтиану несколько преувеличивал и он не выглядел так критично, как представлял в отчете председатель Совета министров²⁸.

В январе 1922 г. обсуждалась проблема внедрения бюджета на новой основе. По крайней мере в бюджете 1922 г. имели рассчитывать на 7 708 477 296 лей, однако фактически этот бюджет увеличивали до 10 492 283 482 лей. Бюджет 1923 г. на 9 месяцев составил 15 млрд., а к концу года достиг 20 млрд. лей. Опыт двух лет вылился в бюджет 1924 г., который составлял уже 24 млрд. лей, а в 1925 г. он возрос до 31 750 млн. лей. Последний формировался как бюджет, в котором предусматривались преференции для государственных служащих, как и обеспечение государственных служб. Тот же июнь 1925 г. позволил провести монетарную реформу, призванную оздоровить денежную сферу страны. С бюджетом были связаны изменения в статусе “Румынских железных дорог” и “Пенсионной палаты”, а сама монетарная реформа увеличила главу общественных обязательств на пункт в 623 млн. лей. Формировался бюджет на основе прямых налогов, сумма которых выросла с 690 млн. (1921-1922 гг.) до 3 500 млн. лей (1925 г.). Косвенные налоги в 1921-1922 гг. составили 2 973 млн. лей против 9 586 млн. лей в 1925 г. Таможенные сборы составили в бюджете 1922-1923 гг. 1 159 млн. от импорта и 1 962 млн. от экспорта, а в 1925 г. они составляли 2 794 млн. и, соответственно, 3 420 млн. лей. В доходной части бюджет формировался в доходах от фискальных марок, государственных монополий, прибыли министерства коммуникаций, государственных владений²⁹.

Сфера фискальной политики во время деятельности правительства И. И. К. Брэтиану претерпела несколько реформ, которые начались в 1923 г. с реформирования системы прямых налогов, что позволило согласовать их получение на территориях с различными налоговыми системами. Хотя реформа фискальной системы и была основной, к ней приобщили реформирование системы сбора по фискальным маркам, сбора за недвижимость, а также проектировались изменения в сфере торговли спиртными напитками. Изменились объемы и общественных обязательств, которые вырос-

²⁸ *Partidul Poporului. Studiu asupra situației Țării în Martie 1920, Ianuarie 1922 și Aprilie 1926* [People's Party. Study on the situation of the country in March 1920, January 1922 and April 1926], București, 1927, pp. 3-4.

²⁹ *Activitatea Corpurilor Legiuitoare...*, pp. 165-179.

ли с более чем 227 млн. лей (1921 г.) до более 4 654 млн. лей (1926 г.)³⁰. После смены кабинета в 1926 г. представители правительства Народной партии критиковали бывшее правительство И. И. К. Брэтиану за отсутствие нормального бюджета для Румынии и за падения лея³¹.

Политика правительства в области экономики

Экономическая политика государства формировалась в несколько этапов. Присоединение новых территорий привело к необходимости решения вопросов, связанных со снабжением населения продовольствием, сохранения национальных богатств, установления единого таможенного режима после отмены внутренних таможен. Вместе с тем, период 1920-1922 гг. в экономическом плане оказался одним из худших для Румынии, именно тогда проявились определенные проблемы с экспортом зерна и импортом товаров роскоши. После принятия конституции председатель Совета министров представлял позицию правительства в экономической сфере в качестве системной. Первым шагом здесь считался закон 3 июля 1923 г. о полезных ископаемых. Самому правительству пришлось принимать меры в области использования источников энергии и в этом должен был помочь закон 1 июля 1924 г. об энергетике. Национализация полезных ископаемых, предусмотренная Конституцией Румынии, создала условия для национализации нефтеперерабатывающих предприятий, которая осуществлялась путем выкупа контрольных пакетов акций нефтеперерабатывающих компаний. Изменилось и отношение к использованию метана в промышленности и энергетической сфере, хотя существенных изменений в такой короткий промежуток времени не произошло. Вторая задача правительства касалась восстановления экономики и здесь одним из выходов стало создание "Национального общества промышленного кредитования", которое владело 2 571 306 784 лей для займов большим и малым промышленным предприятиям. В октябре 1923 г. изменили таможенный режим для экспорта промышленной продукции, а с июля 1924 г. устанавливался таможенный протекционистский режим для импорта продукции. Соответствующие мероприятия осуществлялись в сфере металлургического производства, которое предусматривало участие румынского капитала в организации деятельности металлургических компаний, в первую

³⁰ *Ibid.*, pp. 185-187.

³¹ *Partidul Poporului...*, p. 113.

очередь общества “Reșița” и “Hunedoara-Cugir”. Объяснялось это ориентацией предприятий на изготовление вооружения для армии. С целью повышения эффективности государственных предприятий был принят закон 6 июня 1924 г. о коммерциализации экономических предприятий государства. На его основе коммерционализировали 8 и осуществляли такой процесс, на время отчёта, в отношении 7 предприятий. Результатом таких действий ожидали отказ от убыточной деятельности, развертывание деятельности предприятий в пользу национальной защиты. Реально деятельность правительства разворачивалась на основе принципов взаимной выгоды, что учитывала программа НЛП. При этом вывод председателя Совета Министров делался о консолидации и развитии экономической жизни страны³². В оценке чиновников из Народной партии период 1922-1925 гг. в экономическом отношении оказался “эпохой бессилия экономического прогресса”, а сама экономика по состоянию на март 1926 г. находилась в критическом состоянии³³.

Реформа образования

В реформировании нуждалось и образование, а законодательство в этой сфере создавало соответствующую основу³⁴. В первую очередь это касалось начального образования и 24 июля 1924 г. был утверждён соответствующий закон, открывавший возможности для модификации четырех типов школ, хотя делалось это в интересах титульной нации. Реформирование образования проводилось в условиях несколько отличных от довоенного, но и здесь определялась задача по ликвидации неграмотности. При этом оперировали цифрами, которые демонстрировали наличие неграмотных в Регате в пределах 43%, в Ардяле - 40, на Буковине - 60, в Бессарабии - 94%. Критиковалось и отношение сельского населения к получению образования. Например, в 1922 г. из 1 355 031 детей школьного возраста в Регате в школу были записаны 834 472, в Ардяле эти цифры составляли 679 240 и 457 567, на Буковине — 108 498 и 104 301, в Бессарабии — 398 695 и 136 172. Таким образом, чуть более миллиона детей школьного возраста оставались вне школьного образования. Неудивительным стало стремление правительства добиться введения

³² *Activitatea Corpurilor Legiuitoare...*, pp. 213-235.

³³ *Partidul Poporului...*, p. 137.

³⁴ *Activitatea Corpurilor Legiuitoare...*, pp. X-XI.

обязательности образования и с 1925 г. это положение вступило в силу, увеличив число учащихся на 560 тыс. В течение 5-6 лет либералы собирались добиться ликвидации неграмотности среди детей. Реализация закона обязала правительство решать вопросы путем увеличения количества школ с 12 до 23 тыс. и организации новых мест учителей. Таким образом, если в 1922 г. было 25 тыс. мест, то к 1926 г. их стало 37 тыс. В распределении по территориям больше школ открыли в Регате (с 6 508 их стало 12 тыс.), после чего следующей стала Бессарабия (от 1 564 до 4 320), за ней шел Ардял (6 157 против 3 424) и Буковина (580 вместо 512). Соответствующим был и рост числа учителей. Закон о начальном образовании решал, с точки зрения чиновников, проблему унификации начального образования, направленную на "обеспечение духовного единства всех румын", а желаемый результат заключался в создании единого типа начальной школы для всех граждан и социальных слоев³⁵.

Вопрос модернизации начальной школы появился уже после войны и был связан с решением вопроса о продолжительности обучения - его увеличения с 4 до 7 лет, что позволяло детям после учебы в четырех классах начальной школы продолжить здесь образование, если не имели возможности учиться в школе высшей степени. Вместе с тем, такое обучение приближало ученика к практической жизни, поскольку в трех высших классах он получал ремесленные навыки. Для этого в первый год применения закона были открыты 2 тыс. мастерских. В рамках начального образования открывались и школы для взрослых, а также изменились учительские школы. Последние также получили систему семиклассного образования и сочетали в себе три класса, приравненные к гимназическим и четыре - профессионального образования. Фактически, давая итог реформированию начального образования, председатель Совета министров отмечал его соответствие времени. В течение времени деятельности правительства И. И. К. Брэтиану выросли расходы на образование. В начальном образовании они выросли с 295 525 785 (1921-1922 учебный год) до 1 152 176 864 лей (1926 гг.). Увеличились расходы также в учительских школах, где оплата персонала выросла с более чем 40 млн. лей в 1921-1922 гг. до более 137 млн. лей (1926 г.), а расходы на материалы - с 34 до 147 млн. лей³⁶.

Законодательство в сфере начального образования стало вопросом,

³⁵ *Ibid.*, pp. 27-30.

³⁶ *Ibid.*, pp. 31-32, 40-41.

который активно обсуждали и, по возможности, опротестовывали представители национальных меньшинств. При этом в ряде случаев решение о внедрении румынского языка преподавания принималось на основании декрета, как было в случае с румынизацией университетов в Клуже и Черновцах. На Буковине следующими за высшей школой были средние учебные заведения. Также в 1919-1921 гг. из 168 начальных школ на румынский язык обучения перевели 93. Кроме того, учителя-украинцы обязывались сдавать экзамены и направлялись в регионы с румынским населением. Изменения в системе начального образования были проведены новой властью также в Бессарабии, где украинские школы были сосредоточены в Хотинском и Сорокском уездах (216). Практически до рубежа 1922 г. половина из них была переведена на румынский язык обучения. С 1922 г. происходил дальнейший перевод начальных школ на Буковине на румынский язык. Такая ситуация вызвала неприятие правительственных действий украинцами, а после принятия закона о начальном образовании приняла форму написания петиций и меморандумов с требованиями восстановить обучение на родном языке³⁷.

В среднем образовании правительство пыталось выполнять положения, принятые еще в 1919 г., что превратило среднюю школу в учебное заведение, в котором получали теоретические или практические знания. Проблемой была организация среднего женского образования, ведь в ряде городов (Брэила, Констанца, Бузэу, Северин, Питешть) вообще отсутствовали женские школы. На основании декрето-закона в 1919 г. изменили статус 19 средних учебных заведений и основали 14 новых. Изменение количества средних учебных заведений происходило и в последующие годы³⁸. Вместе с этим росли и бюджеты учебных заведений. Если в 1921 г. 5 тыс. преподавателей получали 107 719 192 лей, то в 1926 г. 8 тыс. работников средних школ получали 347 646 200 лей, что объяснялось и ростом численности школьного персонала. Несколько медленнее росли объемы расходов на материалы, которые в 1921 г. составили 18,3 млн., а в 1926 г. - 49,6 млн. лей³⁹.

В отчете правительства отмечалась и проблема получения образо-

³⁷ Д. Прутський, *Українці у "Великій Румунії"* [Ukrainians in the "Great Romania"], in Нова Громада. Суспільно-політичний журнал [New Community. Socio-political magazine], 1923, Ч. III-IV, с. 28-34, 38-41.

³⁸ *Activitatea Corpurilor Legiuitoare...*, pp. 41- 44.

³⁹ *Ibid.*, pp. 47-48.

вания в средней школе учениками из сельской местности, поскольку в городах имело место засилье учеников из числа национальных меньшинств. Также подобное было и с рядом детей служащих, которым необходимо было получать образование в других городах. Таким образом, власти пошли на организацию интернатов, которых соорудили 8, а также открыли 6 лицеев с интернатами⁴⁰. Также, властями были приняты меры для контроля за качеством выпускников средних учебных заведений, так как считалось, что большинство их не отвечало по качеству знаний. Таким мероприятием стало введение по закону 1925 г. выпускного экзамена, который провели в сессии в июле в 41 центре и в сессии в сентябре в 21 центре, во время которого 2 825 учащихся из 9 983 в обеих сессиях достигли наилучшего результата. Чтобы предупредить низкое качество подготовки учащихся в сентябре 1925 г. провели первый вступительный экзамен в V класс лицея⁴¹.

Уделяли внимание также профессиональному образованию, поскольку после войны нужда в грамотных работниках значительно возросла. Эта потребность заставила открыть 170 школ, из которых 37 были профессиональные, 80 - ремесленные, 6 - домашнего хозяйства, 47 - коммерческие. Соответственно росло и число учеников, которых в ремесленных школах на 1921 г. было 1 585, а в 1926 г. - 5 738 стипендиатов. Потребность в преподавательском составе также была высокой и если в 1921-1922 учебном году преподавателей было 1 174, то 1925-1926 учебном году уже 2 600, что предполагало возрастание расходов от 32 млн. до 180 млн. лей. Условия труда и обучения в профессиональных школах определялись рядом законов, которые вносили правки в статьи закона о профессиональном образовании⁴².

В декабре 1925 г. в парламенте проголосовали также по закону относительно частного образования. В этом смысле образовательные учреждения должны были давать образование и представителям национальных меньшинств, но изучение румынского языка у них было частью обязательной программы, как и преподавание ряда предметов на румынском языке. И все же в этих школах вводились определенные ограничения в записи учеников, чтобы предупредить денационализацию румын и представителей других национальностей. Обязательными стали экзамены

⁴⁰ *Ibid.*, pp. 49-50.

⁴¹ *Ibid.*, pp. 51-52.

⁴² *Ibid.*, pp. 58-66.

для учеников и преподавателей. Последние их сдавали в 1924 и 1925 гг.⁴³.

В системе высшего образования произошли изменения, заложенные еще в 1919 г., ведь к действующим университетам в Бухаресте и Яссах добавились румынизированные университеты из Черновцов и Клужа. Поддержка университетов государством проявилась в финансировании строительства новых учебных корпусов, содержании общежитий, финансировании потребностей лучших и самых бедных студентов, открытии новых кафедр и создании новых мест для преподавателей. В течении 1922-1926 гг. принимались отдельные законодательные и министерские решения, улучшали деятельность высших учебных заведений⁴⁴.

В марте 1926 г. к власти пришло правительство, возглавляемое лидером Народной партии А. Авереску. С 4 июня 1927 г. правительство А. Авереску в результате отставки было заменено правительством Б. Штирбея и с 22 июня 1927 г. свои полномочия получило правительство И. И. К. Брэтиану. После смерти главы правительства его возглавит Винтилэ Брэтиану, которому удастся продержаться у власти до 3 ноября 1928 г. и передать власть 10 ноября 1928 г. Юлиу Маниу, с чем фактически завершится “десятилетие Брэтиану”⁴⁵.

Выводы

Деятельность правительства Национал-либеральной партии происходила в условиях стабильности в государстве и была направлена в целом на унификацию страны в различных отраслях. В первую очередь решался вопрос о законодательной и административной унификации, которые служили основой для следующего объединения страны. Действия правительства в финансовой и промышленной сферах проводились в условиях определённой стабильности и смогли достичь положительного результата. Унификация в сфере образования обеспечивала государственные интересы и интересы титульной нации. Во время деятельности правительства И. И. К. Брэтиану укрепилась система взаимоотношений Румынии с европейскими странами в ряде вопросов международного сотрудничества.

⁴³ *Ibid.*, pp. 67-76.

⁴⁴ *Ibid.*, pp. 77-89.

⁴⁵ I. Alexandrescu, I. Bulei, I. Mamina, I. Scurtu, *Enciclopedia de istorie a României*, pp. 106-107; Nicolae Bănescu, *Ion I.C. Brătianu (1864-1927)*, pp. 193-194.

**THE INFLUENCE OF LYING
UPON INTERNATIONAL RELATIONS¹**

In the field of International Relations Theory there are three real and authentic pillars of Realism: *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, *Theory of International Politics* and *The Tragedy of Great Power Politics*. All these books are written by leaders of the American School of International Relations (i.e. Hans Joachim Morgenthau, Kenneth Neal Waltz and respectively John J. Mearsheimer) and represent three stages of Realism: classical Realism, Neorealism (i.e. structural, defensive realism) and offensive Neorealism.

The last (but, surely, not least!) published book of John J. Mearsheimer, R. Wendell Harrison Distinguished Service Professor of Political Science at the University of Chicago (<http://mearsheimer.uchicago.edu>) is a very serious one, upon a quite unusual topic: why political leaders had (or not) sometimes to lie in different problems related to the field of foreign policy.

The author emphasizes in *Preface*, in a classical manner, reasons which determined him to write this book. Also, some preliminary opinions on this topic are offered. Among others, we have to keep in mind especially the following sentences: "In essence, they (people, my emphasis, F.P.) believe that inter-state lying is business as usual in international politics. I tell my interlocutors that as a card-carrying realist I was inclined at first to agree with them, but after studying the matter I have come to believe they are wrong. There is just not that much inter-state lying. Of course, this is not to say there is none" (p. ix).

In *Introduction* two fundamental preliminary conclusions on this topic are inserted. "Specifically, I find that leaders do not lie very often to other countries, but instead seem more inclined to lie to their own people" (p. 6).

"Indeed, leaders sometimes think that they have a moral duty to lie to protect their country. Leaders do not always lie about foreign policy, of course, but they occasionally say things or purposely imply things that they know are not true. Their publics usually do not punish them for their deceptions, however,

¹ John J. Mearsheimer, *Why leaders lie. The Truth about Lying in International Politics*, New York, Oxford University Press, 2011, 142 p.

unless they lead to bad results. It seems clear that leaders and their publics believe that lying is an integral part of international relations" (p. 7).

Afterwards, John J. Mearsheimer assert a fundamental realistic *credo* upon state international system, happily related to the main message of this book.

"A leader has no higher obligation than to ensure the survival of his country. Yet states operate in an anarchic system where there is no higher authority that they can turn to if they are seriously threatened by another state. In the harsh world of international politics, there is no 911 number to call if a state gets in trouble, and even if there were, there is nobody at the other end to pick up the phone. Thus, leaders and their publics understand that states operate in a self-help world where they have to do whatever is necessary to provide for their own security. If that means lying and cheating, so be it. International politics, in other words, tends to be a realm where rules are often broken with little consequence (p. 8). ... **In contrast to the international system, the structure of a state is hierarchic, not anarchic** (*Ibid.*, my emphasis, F.P.).

Roughly speaking, we can say that the theoretical essence of this book – a direct outcome of a very serious study of international politics realized by John J. Mearsheimer – is encompassed in the pages 6-8.

The scientific approach of the author of the reviewed book is divided into 8 chapters (*What is Lying; The Inventory of International Lies; Lying between States; Fearmongering; Strategic Cover-ups; Nationalist Myths; Liberal Lies; The Downside of Telling International Lies*). In a classical manner, these chapters are followed by Conclusion (i.e. chapter 9), Notes and a useful (and General) Index.

In the first chapter, very exact and interesting theoretical considerations upon *Truth telling, Deception, Lying, Spinning, Concealment* are made.

The second chapter is also a theoretical one because the author takes into consideration seven types of "International Lies": inter-state lies, fearmongering, strategic cover-ups, nationalist mythmaking, liberal lies, social imperialism and "ignoble" cover-ups.

The third chapter analyzes ten kinds of inter-state lies and four types of situations which encourage and promote this kind of lies.

In the introduction of the fourth chapter the author shows that "Fearmongering occurs when a state's leaders see a threat emerging but think that they cannot make the public see the wolf at the door without resorting to a deception campaign" (p. 45). John J. Mearsheimer uses a lot of historical example in order to emphasize this assertion. Very interesting is also idea according to fearmongering is used more by democratic than authoritarian regimes.

In the fifth chapter are denominated and explained in 2 subchapters (*Why leaders engage in strategic cover-ups; When strategic cover-ups are likely*) the subtle (or sometimes rude!) problem related to this kind of – actually – stratagem. The final conclusions of this chapter deserve very much attention: “The bottom line is that the likelihood that states will cover up a policy debacle or conceal a controversial policy is usually determined by the same set of conditions that influence inter-state lying, but with two important twists: covering up failed policies is especially likely in wartime, and concealing a contentious policy is especially likely in democracies” (p. 70).

The sixth chapter represents a short but clever synthesis of two fundamental problems: why nationalistic myths are created; why elite groups of a nation to create myths starts. Basically, are shortly presented the following problems: only SS Einsatzkommandos are responsible and culpable for Holocaust (a myth); foundations of American and Israeli nations were accompanied by violent processes (a real problem).

In my opinion, the seventh chapter is the most important from the whole book, because words liberal and liberalism (not lie or lying!) are usually associated with freedom and democracy. All the same, democratic leaders are using lies in the same manner as authoritarian rulers. A sentence written by Alexander Downes and quoted by John J. Mearsheimer is very instructive: “democracies are somewhat more likely than nondemocracies to target civilians” – p. 77 (in wartimes, my emphasis F.P.).

The next chapter is a kind of synopsis of the book, because are reviewed the following problems: the dangers of inter-state lying; the perils of fearmongering; the hazards of strategic cover-ups; the risks of nationalist mythmaking; the potential costs of liberal lies.

The end of the ninth chapter (Conclusion) is rather pessimistic for the future role of the USA, for peace and stability in a multi-polar world.

“The United States spends more on its military than the rest of the world put together; it has a robust nuclear deterrent and is insulated from most dangers by two enormous oceans. Given how secure America really is, the only way its leaders can justify ambitious global crusades is to convince the American people that relatively minor problems are in fact dire and growing dangers. Given America's global ambitions, therefore, we should expect fearmongering to be a constant feature of its national security discourse in the years ahead. This is bad news, because fearmongering not only can have a corrosive effect on democratic institutions, it can also lead to disasters like Iraq and Vietnam” (p.

102). By the way, we have a war in Ukraine now and the USA intends to defend this country.

At the end of this review, I would like to emphasize some personal conclusions. Undoubtedly, this book (actually, a Best-Seller) is very well written and the careful reader finds a lot of useful knowledge after he reads and understands it. But, as every human work, it is not a perfect one.

First, this book intends to analyze a topic with international dimension, but the Bibliography used is a Western (Anglo-Saxon) one. So, we have an Anglo-Saxon point of view on this universal topic, with many explanations taken from the history of Western Europe and the USA. In our multi-polar world, the role of China, Russia and Muslim world is more and more increasing but references to those entities are quite poor. Predictable behaviors of the Muslim rulers, those actions are generally coordinated by religion can hardly be explained (or cannot) by the pattern given by this book: those rulers consider that using of lies represents a sin.

Ars longa, vita brevis. If our European civilization (I mean Christian civilization from Europe, North and South America) will keep the first position in the world in the next decades (as I hope), this reviewed book could become a kind of *Il Principe* in the matter of foreign policy, at least for the European and American leaders.

Until then, it is an excellent and amazing book written by a scholar, “an officer and a gentleman” (in this respect, see the amazing film produced in 1982): John J. Mearsheimer. We wish him to write as many books of this type, for the benefit of international science.

Florin PINTESCU

Stefan cel Mare University of Suceava

NOTES ON CONTRIBUTORS

Vasile Baltag is a Ph. D. candidate at the “Stefan cel Mare University” of Suceava, Faculty of History and Geography. His main scientific interest is based on the issue of education in Bucovina between 1775-1918, with emphasis on the theological branch of education. The thesis “Theological PhD School in the University of Cernăuți (1877-1918)”, together with research work resulting in published studies (i.e. Education in Bucovina, The Foundation of the University of Cernăuți, The Religion Class in the Austrian Bucovina etc) have the aim of highlighting the meanings of theological education in Bukovina during the time of Austrian Empire. Promoting and preserving the national faith unity of the Romanian people, as well as building orthodox elite are the main purposes of the theological Romanian school in Bukovina in this period.

Phone: +40744787629 ; E-mail: vbaltag88@yahoo.com

Radu Florian Bruja graduated from “Ștefan cel Mare” University of Suceava (Romania) in 2001. He took his M.A. degree in History at the “Alexandru Ioan Cuza” University of Iași, and was awarded his Ph. D. in 2006. He has published several articles and books on various aspects of political life during the '30 and '40s of the 20th century in Romania and abroad. He has now Lecturer at the “Ștefan cel Mare” University of Suceava, and his field of research is represented by Romanian interwar radical political movements and Polish-Romanian and Slovakian-Romanian relations (in the interwar period).

Reference works: King Charles the Second and the unique party: National Renaissance Front, (Iași, 2006), Traian Brăileanu, Studies, Documents and Literature (Iași, 2011) and The Extreme Right in Bucovina (Târgoviște, 2012). Moreover, he published more articles like Traian Brăileanu – life marks of a legionary ideologist in „Valahian Journal of Historical Studies”, no.11, Târgoviște, 2009; Paradigm of Totalitarianism in Romania: the Case of Education under the National Legionary Government (September 1940 – January 1941) in „Acta Historica Neosoliensia” 13/2010, Banska Bystrica; Romania's German Minority in National Renaissance Front in „Acta Historica Neosoliensia” 14/2011; The

Organization of the „All for the Fatherland” Party in Bukovina, în „Culture, Elites and European Integration”, vol. III History, coord. Cornel Sigmirean, Paris, Editions Prodifmultimedia, 2011, The Reorganization of Iron Guard, between Outlawry to Re-establishment (1933-1935) in „Bukovinian Journal of History and Cultural Anthropology”, Chernivtsi National University, 2012, Establishment of Romanian-Slovakian Diplomatic Relations in 1939 în „Globalization and Intercultural Dialogue. Multidisciplinary Perspectives. Section History”, Arhipelag XXI, 2014 and so on.

Phone +40744503551; E-mail: radu_bruja@yahoo.com

Zbigniew Chmiel is a Ph.D. student at the Institute of History, University of Warsaw, Poland. His dissertation focuses on changes in Polish army from 1648 to 1654. His fields of interest include political and military history of 17th century Poland.

Phone +48225337516; E-mail: zbigniew.chmiel@gmail.com

Roumen Genov graduated from the Faculty of History of Sofia University St. Kliment Ohridski, where he obtained his Ph.D. degree, and had taught General (World) Modern and Contemporary History. He is now Professor of Modern History at the New Bulgarian History, Sofia. His publications include: Gladstone: A Biography (Sofia, 1996), Politics of Righteous Passion: William Gladstone and the Bulgarians (Sofia, 1999, 2009), The Eastern Question the April Uprising and the English Philanthropy (Sofia, 2007), The American Revolution: The War of Independence and the Creation of the Federal Republic (2012).

Phone: +35929885906; E-mail: genov@nbu.bg; rlgenov@yahoo.com

Vitalii Haiseniuk is a Ph.D. student of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Faculty of History, Political Science and International Relations. His main research fields are related to History of the West Ukrainian region in the second half of the 19th century - the beginning of the 20th century, especially issues concerning topics such as Russophilism and the relations between the Ukrainians and Poles in Galicia.

Phone: +380992554958; E-mail: vit.hajs@gmail.com

Marinel Ovidiu Koch – Tufiş is currently a Ph.D. student at the Faculty of History, University „Karl Franzens” in Graz, Austria. His dissertation focuses on

the aspects of absolutist policy of the Habsburgs in Transylvania, Banat and Oltenia, in the 18th century. He is author of several articles and studies about mining, metallurgy and population of Banat and Transylvania.

Phone: + 06765744067; E-mail: marinelovidiu.kochtufis@edu.uni-graz.at

Harieta Mareci-Sabol is Lecturer at the Faculty of History and Geography of the “Ștefan cel Mare” University of Suceava. She received her Ph.D. from “Alexandru Ioan Cuza” University of Iași in 2002 with a thesis on Romanian historiography. In this field of study, she has published one monograph and several articles. Her research interest focuses on Bukovina’s cultural history and its personalities.

Phone: +4740764695; E-mail: harieta@atlas.usv.ro

Sergey Nazaria is currently Associate Professor at The Moldavian State Institute of Foreign Relations from Kishinev (the Republic of Moldavia). He got a Ph.D. thesis in History (Fight against criminality in the time of Administrative-command system during 1976-1986. Case Study: Republic of Moldavia). He also wrote a habilitation thesis (Ph.D. Hab.) in political sciences (Russian Federation in the context of the contemporary international political processes). Fields of research: history of Bessarabia in the interwar period, contemporary history of the Republic of Moldavia, Holocaust in Bessarabia during the 2nd World War.

Phone: +37368307085; E-mail: sergnazar@mail.ru

Katarzyna Niemczyk, graduated from University of Silesia in Katowice (Poland) in 2008. She got her Ph.D degree at the same university in 2012, based on a thesis about the family of counts of Kamieniec in 15th and 16th centuries. She is now a postdoctoral fellow at the University of Silesia and is working on a project focusing on a role of Moldavia, Walachia and Transylvania in Jagiellonian policy and mutual elite connections between Poland and these regions.

Phone: +48665989861; E-mail: katarzyna.niemczyk@us.edu.pl

Ihor Piddubnyi is an Assistant Professor of the Department of Modern and Contemporary History in Chernivtsi National University. Educated in the Chernivtsi University, Faculty of History. PhD in History has received for his thesis “The socio-political and cultural life of Ukrainians of Bukovina during the interwar period.” Research interests focus on the political history of Romania in the interwar period, in particular the political system of Romania in 1918-1940.

Phone: +380504340793; E-mail: zymnyy@ukr.net, slosser@i.ua

Florin Pintescu is currently Associate Professor at “Ștefan cel Mare” University of Suceava, Romania where he teaches European Mediaeval History, Theory of the International Relations, Geopolitics and Geostrategy. He was awarded his Ph.D. at “Alexandru Ioan Cuza” University of Iași, Romania (2003). His main research interests are European mediaeval military history, geopolitics and geostrategy.

Phone: + 40747023832; E-mail: florinp@atlas.usv.ro